

Недүри
Елизавета Шүтич

Что делать,

когда твоя судьба

в чужих руках?

Недүри

Annotation

Два мира — живых и мёртвых, извечная борьба поколений и, конечно, экзистенциальный кризис после двадцати. События, словно водоворот, закручивают молодого юношу в самый центр. Справится ли он, когда на пути возникает таинственная незнакомка, свободно разговаривающая с призраками? Достучится ли до близких, будучи безмолвным? И самый главный вопрос, выживет ли, когда его смерти хочет сама Смерть?

Предисловие Первое

И вдобавок ко всему, единственным местом, куда я мог оформить своё присутствие в последнее время, стал бар, неподалёку от дома моего, прослывшим, «домом пьянчуг и разврата».

Домишко мой был небольшой, всего 5 этажей, что в 21 веке приобретает статус «маленький», даже «через чур обычный», в силу отстроившихся небоскрёбов и многоэтажек.

Часы в последние дни ползли как — то совсем удручающе медленно, но в то же время, весьма незаметно. С утра я не мог дожидаться обеда, а после обеденного сна, удивлялся, почему на улице темень. С компанией теперь я общаться и вовсе прекратил, разговоры у нас, по моему мнению, стали глупые и поверхностные, и единственное, куда я действительно хотел и более того, жаждал выходить, к удивлению, всех, кто был со мной знаком прежде, стал алкогольный подвал. Название у местных для этого помещения было простое: Паб — Поберун. История его, кстати, довольно смешная. Один бывший алкаш выиграл в лотерею и открыл этот «проход в ад» для своих друзей, спустя время стал всем наливать пива «В долг» и «Ну, ты же меня знаешь, я завтра отдам», и теперь держится на плаву за счёт молодёжи и нелегальной продажи алкоголя. Короче, веселье то ещё. Но на удивление, из — за контингента, который там всегда присутствует, в лице упитых подростков и ужратых взрослых, я чувствую себя там очень комфортно. Удивительный оксюморон для прошлой моей ипостаси.

Всё чаще при встрече мне говорили, что я угас и одичал, всё чаще указывали на мою небритую бороду, которой, к слову, я гордился. Наверное, так сказывается самостоятельная жизнь, отдельная от родителей, которые заставляли меня брить мой «пушок». Всё чаще друзья мои стали писать больше в интернете, нежели приходиться очно. День за днём, одно и то же. Всё по кругу.

И вот опять, открыв глаза, я вижу только вечернюю темноту, кот привычно мурчит над головой. Он уже давно смирился с участью ждать, когда я очнусь и есть, дай бог, два раза в день. Хотя, это, вроде, и есть их нормальный режим.

Однако, справедливости ради (по большей степени, замечаю это в своё оправдание), тушка его была довольно пухленькая, увесистая, такая, что, если во сне он тебе приляжет на грудь, ты можешь непременно начать кашлять, пытаясь «отдышаться» или наоборот, очнуться в попытках набрать хоть толику воздуха в лёгкие.

Тяжело поднявшись после очередного кошмара, я прошаркал на кухню. Квартира моя есть небольшая, можно сказать даже, маленькая. Тёмная, душная, и, весьма для меня уютная. Студия, что с неё взять.

Комната с кроватью и барной стойкой, разделявшей кухню и спальное место. Холодильник, комп. Что ещё сказать, зато за аренду я вполне себе могу позволить платить сам, так что, плюсы на лицо. Правда, на чьё лицо и в какой консистенции эти плюсы, я пока не разобрался. За каламбур пARDоньте. Но ты, дорогой читатель, невидимый собеседник и зритель судьбы меня настигшей, знай: дальше — больше.

Насыпав в миску корма и, разбудив своего пушистого друга, я наконец потянулся и лениво зевнул. На цифровых часах активно мигают цифры «22:00», меня покорило. Я планировал проспать минимум до «00:00». Телефон раз за разом загорался и погасал от новых уведомлений. Я прошёл в ванну.

Включив воду в душе, ощутил на себе беглые мурашки по всему телу. Приятная прохлада. Описывать своё пребывание в ванной комнате считаю не совсем уместным, но поверь на слово, это один из любимых моих моментов в течение дня.

Выдавив мятную пасту, я вышел с щёткой во рту, на кухню. Наконец зажгёт свет и осмотрелся вокруг. В глазах неприятно закололо. Есть и минусы в постоянном пребывании в темноте. Мне во всей красе предстали труды моего отшельничества: коробки от пиццы, палочки от суши, пролитый соевый соус. Невольно поймал на себе взгляд Персика и он, словно подкармливая мою паранойю, был довольно осуждающим. Опять.

— У меня шиза или ты пытаешься меня пристыдить, тапок шерстяной? — язык начала приятно обжигать паст. Ещё немного почистив зубы, выплюнул сгусток пены в раковину — Я покормил тебя, напоил и дал поспать. Если тебе нужно, чтобы я был ещё и аккуратен, то милости просим на улицу.

Не то, чтобы я и в самом деле считал, что животное могло меня «осудить», но внутренние ощущения, от своего образа жизни, обострились и не давали мне покоя вот уже вторую неделю. Всё как — то осточертело, опротивело, достало.

Кот недовольно мявкнув, видно приметив мою несправедливую к нему интонацию (опять же замечу, что опираюсь лишь на свои домыслы), снова забрался на кровать и демонстративно потянулся. На моём лице расплылась недовольная гримаса.

Пару дней назад я решил было снова заняться йогой, но на позе собаки, спину свело нежданно, и моё тело пало ниц на линолеум. Изрядно покряхтев, я тяжело поднялся, и заметил, как Персик делает перекатывающиеся движение вперёд — назад всем телом, входя то в позу собаки, то в позу кобры. Раз за разом, туда — сюда. И главное, что, не прерывает зрительного контакта и смотрит точно мне в глаза.

Дожил. Надо мной издевается собственный кот. Эти мысли, кстати, со мной тоже давненько.

С тех пор, каждый раз, когда пушистая туша растягивается/потягивается или просто лежит, вытянув спину, он, кажется мне, лукаво посматривает своими зелёными глазами на мои престарелые кости и признаться честно, наверняка, посмеивается над произошедшей презентацией «физической культуры». Ну, или у меня правда паранойя, шизофрения и что там ещё...

Телефон активнее начал мерцать, практически не давая экрану потухнуть. Я устало следил за этим дискотечным ритмом. Кинув зубную щётку в стакан, я взглянул на себя в зеркало.

Жесть.

Глаза были краснее, чем алый сигнал светофора. Или сеньора Помидора из Чиполино... Ну как ещё сравнить, чтоб ты понял, что они прямо очень красные. Или ты уже понял, читатель?

Читатель, читатель... Милый мой соратник. С самого детства, я привык к твоему присутствию и сейчас, когда всё чаще остаюсь в одиночестве, из — за тебя, не остаюсь один.

Я пощупал щетинистые щёки. Скривил гримасу своему отражению и окончательно прополоскав рот, вдруг замер. Остановился разглядеть себя по лучше. Ну, что я, кто я? Зачем я?

Взгляд упал на лежащую бритву возле стакана из — под воды. Синий одноразовый (ну, почти) станок вдруг стал манить меня своим острием. Нет — нет, не то, чтобы думал о суициде, ты что. Я лишь...

Перс позади издал прерывистый «мяв» и тут же по ногам моим прошлась приятная дрожь от шерсти пушистого друга. Я опустил взгляд. Два зелёных глаза уставились в моё уставшее лицо.

— У тебя автоматическая кормушка, друг. Лапкой двинь и посыплются твои камешки. Магия, да? — не уверен, имел ли смысл сарказм в моём тоне, но он там несомненно был. Кот, на удивление, будто кивнул и спокойно отошёл к, я уверен, наименее приятнейшему своему занятию. Еде.

Я вернулся к отражению. Помочив лезвие, стал аккуратно водить по лицу, стараясь принести по минимуму боли. Давно затупившаяся плоскость раздражающе подёргивала за мою отросшую бороду. Отец говорил, что лучше сначала состричь длину, но я... Не ищу лёгких путей.

Завершив самоистязание, я потянулся за пачкой сигарет на столе. Достав одну, зажигалка ласково подождла конец свёртка.

Затяг. По телу снова пробежала приятная дрожь, ознаменованная появлением никотина в крови, это ещё один приятный момент в моём дне. Первая сигарета после сна. Усмехнулся. Удивительно, и в моей жизни есть приятные моменты. Почему только сегодня стал это замечать?

Присев за стол, я наконец взял телефон.

Десять пропущенных. Ух ты, на два больше, чем вчера. Бьёшь рекорды, Эдик.

«Ваня, Саня, Толя, Колян» — ну эти понятно, всё боятся, что я помру в своём «заточении». А вот незнакомый номер неприятно высвечивал на телефоне, оставшиеся шесть пропущенных звонков. Я сдвинул шторку уведомлений вниз.

«Йо, Эдуард Батькович, пойдём прогуляемся!» — я усмехнулся. Время сообщения

«13:14» — наивный мой друг Иван, в обиходе компании просто Ванёк, до сих думает, что я не сплю в такое время. 25 лет от роду, а всё верит в сказки.

Ваня, кстати, частенько удивлял компанию своим оптимистичным настроем. Когда в 14 лет мы загремели в участок за незаконное распитие алкогольных напитков, он активно напоминал нам, что у него нет родителей, а значит ругать его будет некому. Парень находился на попечении своего дяди — бизнесмена, которому было далеко фиолетово, на то, как его племянник проводит свой досуг. Дядя Вани был местным авторитетом, так что, выпустили нас в тот раз довольно быстро, и без последствий. Хотя, это как сказать... В тот год мы виделись пару раз, и то, по обещанию. Нас всех перевели в разные школы. Тот ещё аттракцион щедрости предков.

«Слышь, чёрт ретивый. Харэ спать, айда просвежим твою стухшую мину» — Саня. Как по расписанию, через час после Ванька, время сообщения «14:13», во дают.

23-летний Алекс всегда отличался своим обширным запасом слов и оскорблений, поэтому, когда в подростковом возрасте мы угождали в передрыги меж дворами, Саня шёл на разборку первым. Наш дипломатичный друг почти всегда «выруливал» ситуацию в сторону бесконфликтного решения, но, если находился смельчак, который смел перебить парнишку за его аргументацией мирного пути, бедолага в 100 % заканчивал в мед. пункте с разбитым носом. Потому что, Александр, по его словам, больше всего на свете ценит, когда люди умеют слушать и слышать. Что сказать, он вполне принципиален. Иногда даже слишком...

«Эд, тут такое дело... Займи до пятнадцатого 5 тысч, а то меня Танька пилит, что денег на маникюр нет» — Толик, время сообщения «16:20». Бедолага. Прервавшись на перевод денег, я снова окунулся в ностальгию, разглядывая манеру «займа» у своего товарища.

Толян всегда был довольно робким юношей. Он часто улыбался и редко вступал в конфликты. Его родители были «аристократичной» наружности, так что, парень с детства знал, какой вилкой нужно кушать рыбу и каким ножом легче разрезать мясо. Мы довольно долго рассматривали его присутствие в нашей шайке. Парниша всегда носил белые рубашки и чётко выглаженные штаны со «стрелками», правда, в один момент, он прервался и, вот тогда — то, подтвердил правильность присутствия в нашей компании раздолбаев.

Вечер рождения нового Толяна казался через чур спокойным, мы, семнадцатилетние разгильдяи, подкуривая друг другу сигарету, разложились на заброшенной детской площадке, в надежде спокойно провести время после восьмого урока.

— Э, холопы. — басистый голос резко прервал наше гоготание — Эт наше место, ёпт.

Общему взору предстала компания молодых людей, как по шаблону, разодетых в адидасовские костюмы. Один из них настойчиво сверлил меня взглядом.

— Просим прощения, милостивые государи, — Саня спокойно потягивал сигарету — мы бы и рады были заметить тут табличку, подтверждающие ваши слова, но я нигде не увидел надпись: Площадка для имбицилов.

Вся наша шайка на этом моменте поняла, что «двойбан» по алгебре у товарища не прошёл мимо и, сегодня, он настроен решительно.

Решительно и бесповоротно выпустить пар на бедных спортсменах.

— Чё ты там булькаешь? — а оппонент у Александра, видимо, тоже не промах. Ванька незаметно потушил сигарету, Коля следил за моей реакцией, я же пытался рассчитать траекторию отступления в случае неудачной кулачной дуэли. Да нет, читатель. Верить — то я в своих верю, только перебздеть лучше, чем недобздеть, так что, уж, как есть.

Санёк перевёл вес тела на колени, до этого он сидел довольно расслабленно,

облокотившись на спинку лавочки, и сомкнул руки в замок. Вот она, блаженная решительность жертвы обучающей системы.

— Булькать ты будешь под во — о — он тем забором— на «о — о — о» парень медленно выставлял указательный палец всё дальше и дальше, разжигая злость в глазах толпы ЗОЖников — В луже. — добивающий удар.

Главарь, (я так предполагаю) ринулся на Саню довольно резко, заставив меня, стоящего впереди, отшатнуться. Санька быстро вскочил и, увернувшись от бугая, резво вдарил тому поджопник, заставляя врезаться телом в освободившуюся скамью. Размяв кулаки, Ваня деликатно придержал смельчака и убедившись, что тот стоит на ногах, развернул того к уже вошедшему в раж, Александру. Пара ударов и бедолага кашляет, согнувшись в три погибели.

Растерявшаяся компания упырей наблюдает за происходящим:

— Вы чё, дебилы, мочите их! — командует меж отхаркиваниями «чемпион» и вся толпа срывается с места.

Я принимаю на себя первого и, увернувшись от кулака, прописываю удар в живот, заставляя согнуться. На вид мой ровесник, но в пару раз поменьше. Ударил я не сильно, негоже избивать тех, кто слабее. Да, не только у Санька есть принципы, а что?

Коля принял на себя следующего. Этот парень всегда делал всё «шутя». Он игриво выставил ногу и дождавшись пока соперник приляжет, заломал тому руки за спину и, даже потянулся было за ногой, но на него тут же прыгнул второй сверху. Операция «Бараний рог» с треском провалилась.

Ваня, у которого всегда было обострённое чувство справедливости, что — то гаркнул и рванул сбивать «пташку» с Николая. Ведь, как так? Двое на одного?! Не дождётесь!

На Саню бросились аж трое оставшихся смельчаков. Он бы справился и без моей помощи, это я вам говорю наверно, но сзади начал вырастать главарь, и стало ясно, что дружба у нас «вдруг» оказаться не может. Я, выкрикнув: «Сзади!», ринулся к малой кучке. Шустро отдёргнув одного за шкиряк, прописал второму мощнейший подзатыльник. Санчелло вовремя отпрыгнул с места, и предназначавшаяся ему доска от сидушки, чётко приземлилась на голову третьего.

Шум стих.

— Я сейчас полицию вызову, чавой удумали! — старушечьей голос громко пронёсся по двору.

— Твою мать...

Главарь отбросил доску и махнув остальным, быстро скрылся за углом близ стоящего дома. Компания удалилась следом. Остался один единственный, которого оглушили.

— М — да... Мелковаты нынче «Гуды» пошли. — Ваню обратно взгромоздился на скамью. «Гудами» мы называли вот таких вот шалопаев, скитающихся по районам. Да они безобидные, вы не подумайте. Зачастую их цель — защита своей территории. Но проблема в том, что территория в наше время быстро меняет своих обладателей и собственно... Короче, Робин Гуды не всегда побеждают. А, точно, возможно, возник вопрос, почему всё — таки имя известного персонажа стало нарицательным для местных разгильдяев? А ответ прост. Робин Гуд — он кто? Разбойник. Ну, а дальше вы поняли. Отдать бедным, забрать у богатых, тыры — пыры... Да не воспринимаем мы их, как зло. Наивные забияки. Вот и всё.

— Ну даёт. — Коля осматривал отрубившегося парнишку — Представляю его авторитет в глазах этих щеглов. Жесть.

Саня молча начал выливать на беднягу воду. Тот откашлялся и ошарашенно уставился на

меня:

— Я вас засужу! — выкрикнул он и тут же укрыл макушку руками. Видно, резкая боль не заставила себя ждать.

Я приподнял бровь:

— Опрометчиво. — заметил Санёк и с размаху швырнул в пострадавшего смятой пластмассой.

Тот взвыл.

— Не мы ж тебя деревяшкой огрели, слепошара. — Ваня, сидевшей позади, снова закурил. Парнишка обернулся.

По внешности мы были одного возраста, но по уму зияла пропасть. Все сразу это поняли.

— Не вы?! А кто?! Я вот этого, — он кивнул на меня — И вон того! — он поднял глаза на Саню — Последними видел! А потом боль!

Ваня понимающе кивнул и передал Коле сигарету.

— Не поспоришь.

— Ну, вот и всё! У меня мама прокурор, вам всем хана, уроды! — мы переглянулись. Дела чудовые, а если ещё и на самотёк всё поставим, так вообще весело будет.

Одна мысль на всех. Молчание.

— Может мы его... Того? — Санёк изобразил жестами «виселицу». Я усмехнулся, глядя на реакцию мальчика. Тот нервно сглотнул — Ну а чё, пока никто не видит. Компашка — то твоя смылась.

— Боря? — парень, видно, только что осознал, что он один и явно занервничал. Осмотревшись и убедившись в том, что мы не врём, он явно приуныл.

— Борис, значит. — Я присел на корточки — А Борис у нас кто? Откуда будет?

Паренёк надул губы. Слезы на глазах настойчиво пытались вырваться. Только сейчас я заметил, что физиономия его еле — еле тянет на тринадцать лет.

— Брат мой.

— У — у — у... — Колян передал сигарету Сане — Дела.

Я поднялся:

— Понятно, чего он смелый такой, как в жопу ужаленный. Маман прокурор. Брат местный гопарь. Кайф. — заключил Санёк.

Я кивнул. Наконец, сигарета дошла и до меня. Докурив окурочек, я демонстративно затушил его возле ног «потеряшки».

Это такая традиция у нас после взбучки пускать сигарету по кругу. Трубка мира или типа того.

— Я засужу! — проследив за моим жестом, наконец выкрикнул парень. Из глаз его хлынули слёзы.

— Аффект, не понимает чё несёт. — Санька перевёл взгляд на Ваню, тот кивнул.

Кому — кому, а ему, Ваньке то бишь, волноваться из — за тюрьмы не приходится. Дядюшку — авторитета заключили под стражу год назад, так что «крыша» у него будет. Да и частенько он слышал, что пойдёт по протопанной дорожке, так что и беспокоиться об этом перестал. Слишком уж часто эти мысли вбивали ему в голову.

Мы переглянулись. Терять друга нам не хотелось. Да и было бы за что.

— Слышь, малёк... — Я уже было начал разговор, как сзади нарисовался Толян.

Он молча прошёл к пацану, присел перед ним на корточки и, распахнув раскладушку,

показал какое — то видео. Тот совсем приуныл и, кивнув головой, молча поднялся и удалился.

Мы все с интересом наблюдали за этой картиной.

Толик, спустив с плеча чехол со скрипкой, осмотрелся:

— Сигаретки не будет?

Ваня, постукав того по плечу, протянул свёрток.

Саня ошарашенно поднёс зажигалку, а Коля удивлённо рассматривал скрипичный чехол.

Я решился на расспросы первым:

— А что, собственно, ты ему там показал?

— Порно с участием его мамки. — Толик спокойно затыкнулся.

Глаза у всех нас, казалось, вот — вот выпрыгнут. Даже Ванёк с спокойной своей, уверенной позы, «перетёк» в нейтральную. А это показатель для него ситуации неожиданной.

— Чего?.. — переспросил Саня.

Толик осмотрел всех нас, не забыв про Ваню, для которого пришлось обернуться, и наконец прыснул смехом:

— Видели бы вы свои лица! — смеялся он — Да я мимо проходил и как почувствовал, что видос надо начать записывать, ну я и поддался, так сказать, своему предчувствию!

Мы все до сих пор не могли поверить своей удаче и неудаче одновременно. То есть, у этого парниши есть видео с участием нас всех в драке? И как на это реагировать?

— Расслабьтесь. — Толян подал мне телефон — Удаляй.

Я недоверчиво притянул девайс к себе и осмотрев раскладную «Нокиа», стёр видео из памяти.

— Я без зла. — Толя вложил телефон обратно в карман своего пальто и, сделав затяг, выдохнул дым столбом вверх.

Мы снова переглянулись.

Дальнейший вечер, как помню, был весь занят расспросами и похвалой смекалки аристократа.

Мы все были рады его неожиданному появлению, хоть и задавались вопросом, как всё так совпало. Потом, мы вспомнили, что парня не было в школе и препод сказал, что он на каком — то музыкальном конкурсе. Пазл сложился. Мы угомонились.

С тех пор Толик был с нами, сначала на ставке «секретаря» компании, потом на ставке «принеси — подай», а потом мы и сами поняли, что нам без него уже даже не скучно... А тоскливо и пусто, скучали мы теперь без нашего спасителя. Так и вышло, что срослись отношения и стали прямо — таки, примером, той самой компашки из сериалов про подростков. Взросли на общем горе, так сказать.

«Я твой рот шатал, Эд!» — сообщение от Коли, время 17:00. Удивительный человек, пунктуальный я бы сказал.

Я открыл крайнее уведомление:

«Салют. Чё случилось?»

Жду.

«Оп, проснулся.» — Колька быстро отвечает, значит, не занят. Или ждал — «Да я знал, что ты мне первому ответишь, если я так диалог начну, хе. Как ты там?»

Как раз та самая шуточная манера общения Коли. Раньше она меня забавляла, сейчас

какое — то иное чувство вызывает... Я чувствую раздражение.

«Колясик, всё оке. Прости, долго разговаривать не могу. Надо готовить ужин.»

10 секунд спустя раздался звонок, на экране «Николя». Поднимаю трубку.

Мне в ухо залетает мгновенный дикий ржач, я невольно улыбаюсь.

— Готовка?! Ты?! — на заднем плане знакомые голоса. Так эти обалдуи вместе собрались. Понятно, чего активизировались.

— Ну а чё.

— Конча — а — ай, — тянет Саня— Эд, неужели ты забыл какой сегодня день?

Я начинаю вспоминать важные даты, среди них нет сегодняшнего числа.

Воцарилось молчание.

— Эд? — зовёт Коля.

— Да тихо вы, у человека там мыслительные процессы пошли, впервые за месяц. — язвит Ванёк.

— А число сегодня?.. — я неловко замялся и решил уточнить. Удивительное существо человек, не правда ли? Хоть в глаза календарь встрой, умудрится же это самое существо, забыть про число.

— Десятое октября, лапуль. — Ванёк, видно, перехватил телефон. Голос его теперь слышался ближе — Твой день рождения, если что.

Я удивлённо посмотрел на кота, единственное разумное существо в этой комнате. Помимо меня. Наверно.

— Ой.

— «О — ой» — передразнивает Саня— Вылазь из берлоги, Кощей Бессмертный, поре царевн красть.

Я почесал затылок. Никого красть мне не хотелось. Прямо абсолютно не хотелось. Ну, прямо вообще.

Я уже намеревался ответить «В другой раз», но Ваня, видно, прочитав мысли, прервал меня на закравшемся первом слоге:

— Нет. — отрезал он — Сегодня тебе отвертеться не удастся, имей совесть. Мы все здесь, кроме Толика — нолика, но у него там девушка лютует. Заканчивай придумывать отмазки, мой попку и вперёд на приключения. Мы через тридцать минут будем.

Я намеревался уже было возразить, как звонок завершился.

Рука сама потянулась к переносице.

Не то, чтобы у меня были весомые аргументы против такого напора и повода, но для меня с недавних пор «Не хочу» стало вполне веской причиной.

Я выдохнул.

— Ну что, Перс, похоже сегодня ты остаёшься один.

Кот лениво зевнул.

На улицу я вышел еле одевшись, предусмотрительно оставив для себя причину пораньше уйти, дескать замёрз, ребята, не судите строго, ухожу. Ну, а что, бордовая толстовка никогда не внушала мне доверия в осенний период. Чёрные джинсы, красные кеды. Нормально же. Жених на выданье.

Ну, а если серьёзно — помылся, побрился, уже хорошо.

Выходя из подъезда, я спокойно обошёл дом, выбросил мусор и осмотрел свой двор.

Живу я тут полгода, а уже успел привыкнуть, словно всю жизнь здесь провёл. Деревья с раскидистыми кронами заботливо укрывают лавочки, на которых обычно сидели бабушки,

сейчас деревянное решение архитектора пустует. На улице моросит дождик, да и поздновато для старческих посиделок. Неподалёку мусорный бак, каплю подальше маленькая детская площадка. Всё, как батюшка велел. Всегда поражался умению проектировать местность возле детского досуга, как своих родителей, так и городских слушающих.

Дома у меня всегда было весело, к слову. То возле детского коврика поставят шампура, чтоб не мешали на балконе. То возле кровати забудут огненный чай, от которого у меня на левой руке красивейший шрам. То тумбочки решат переставить, приоткрыв окошко для проветривания. Да так переставят, что ни один ребёнок не устоит. Лесенкой, видите ли, красивее. Компания моя частенько шутит, что родители просто надеялись, что нет — нет, а волей случая, я куда — нибудь да денусь. Не поспоришь.

Мои размышления были прерваны резким гудком автомобиля. Я осмотрелся.

Знакомый коричневый фольксваген подъезжал всё ближе и ближе. Наконец, дальний свет стал больно давить на глаза, заставляя прищуриться.

Из машины гурьбой выкатились все вышеперечисленные собеседники, радостные, улыбающиеся, громкие. Звенящая молодость, да и только.

Все, как один, на меня налетели. Объятия так и захлестнули моё отвыкшее от внимания существо. Я невольно поймал себя на мысли, что решишь я в тот день на тот поступок, такого бы я не испытал. Никто бы из нас не испытал.

— Чего грузимся, Эдуард Артемьевич? — Саня запрокинул на меня свою тяжеленную руку. Полгода назад, когда я переехал, он записался в качалку. И глядите — ка, уже имеет нехилые результаты.

— Похоже, Эдуард, вовсе не рад нас видеть! — Ванька улыбаясь, перегнал всех нас и пошёл спиной к дороге — Не уважаем, Эдуард!

Коля неожиданно подлез под ноги и легко приподнял меня на плечах, заставляя Саню отшатнуться. Я вскрикнул от неожиданности:

— Э! Э! На место поставь, поставь на место, иуда! — все загоготали.

Через тридцать секунд меня уже запихали в тачку, и мы вдвоём с Колькой расположились на заднем сидении.

Мы ехали уже минут сорок, когда Алекс развернулся к нам с переднего места:

— Ну рассказывай, где был, чё видел? — ох уж этот знаменитый сарказм Александра, м — м — м, зуб даю, он ждал этого с утра.

— Очень смешно. — я уставился в окно. По стеклу бежали капли, желание понаблюдать, которая прибежит вперёд неумолимо брало верх.

Колян ткнул меня в бок, не больно, но ощутимо:

— Эд, будь другом, поддержи беседу.

С Колькой у нас были чуть более близкие отношения, чем с кем бы то ни было из «пати». Да и вообще, так повелось, что дружим мы вместе, но отдельные личности прислушиваются только отдельных личностей. Вон Ванька с Санькой, Колька — я, а вот Толян...

— А Толян, кстати, обещались быть — с. Вдруг интересно. — оповестил Ваня, следивший за мной в зеркало заднего вида. Я кивнул — Ну что ты, как неродной?

— Дай дух перевести, я месяца два на улицу просто так не выбирался. Бар — бар — бар. Надо попривыкнуть к социуму.

— Ты неправильно выражаешься, друг мой. — Ваню аккуратно вывернул руль вправо, перестраиваясь в ближайший ряд — Бухал — бухал — бухал, вот как надо.

Воцарилась тишина. Водитель потянулся к радио, очевидно, осознав, что подкол не удался, но Колька, не выносивший подобных неловкостей, решил «исправить» ситуацию:

— Минута прошла! Уже по привычке?

— Нет.

Коля быстро начал меня щекотать, знает, паразит, как вывести на эмоции. Сквозь смех, я согласился с его вопросом.

— Не честно! Это под гнётом сказано было!

— А то! Куда без того!

Машина, наконец, наполнилась смехом, как раз на этом моменте мы стали заворачивать на круговое.

Секунда.

Резкий шум в ушах.

Тьма.

«Больно.» — единственная мысль в голове.

Очнулся я в какой — то подворотне. Сыро, темно. Облокотившись на стену, я побрёл к ближайшей арке. Голова невыносимо кружилась. Потерев шею, я попытался выпрямиться.

— Падла! — в спину вступило.

Через дорогу красовалось зелёное здание. «Аптека» — кричала вывеска. В тёмное время суток яркие буквы не только «кричали», но и слепили.

В голове гудело, я нащупал в кармане сто рублей. Размяв шею, я поплёлся через дорогу. Аккуратно, шаг за шагом, разгибаясь.

К двери я подошёл практически с ровной осанкой.

Она была открыта, видимо ревизия. (С чего, интересно, я сделал такой вывод?) Ну, не откажут же они в просьбе молодого человека?

— Девушка? — в первом помещении было пусто — Девушка? — повторил я. Почему именно девушка должна сейчас работать в круглосуточной аптеке, я не имел понятия, но звал я именно её.

Голова от света начала кружиться ещё сильнее. Я припал к стене.

Из — за двери выбежала молоденькая девчонка, лет 16–17, я был удивлён цвету её волос. Розовый. Вроде, аптека — это государственное серьёзное место, или нет? Ну, недовольные бабки, дедки тут точно шляются... Смело с её стороны.

«Как сахарная вата» — пронеслось в голове.

— Девушка, мне... — я попытался отстраниться от стены, но ноги не выдержали веса тела и подкосились. Рухнул. Сознание начало отключаться. Последнее, что помню, как девчонка медленно выбирается из — за прилавка, испуганно смотрит мне в глаза и убегает обратно в каморку.

«Вот она, клятва Гиппократы. В действии...» — подумал я, проваливаясь во мглу.

В следующий раз я очнулся на скамейке в парке. Мутным взглядом осмотрел окружающую обстановку. Рядом примостился грязноватой наружности мужичок.

Солнце напористо выжигало глаза, пытаюсь проморгаться. Почти получилось. Осень, а гляди — ка, печёт.

В нос ударили неприятные запахи от человека, очевидно, без определённого местожительства. Немного поёжившись от моих движений, он продолжил мирно читать какую — то газету.

Я аккуратно поднялся. Так. Не шатаюсь, уже хорошо. Попытался отыскать телефон.

Чёрта с два, в карманах пусто. Даже сторублёвки нет. Не уж это деваха поработала? Теперь аптека грабит не только легально?

Наметив куда пойду, я выдвинулся.

Прошло уже полчаса, как я шагаю в направлении ворот. Только сейчас, кстати, поймал себя на мысли, что перебираю ногами на месте. Я остановился и взглянул вниз.

— Не понял. — делаю шаг и не отрываю взгляда от носков с лягушками, которые мне подарила сестра на двадцатилетие. Земля явно приминается, но вперёд я не сдвигаюсь с места. Теперь, стою с прищуренным взглядом, обыскиваю деревья на наличие камер. Объективов видно не было — Ну ладно — ладно, Колян! Я понял! Ха — ха! Очень смешно. Может, хорош шуток — то?

Никто не ответил.

Как они вообще смогли примостить именно тут, по этой линии, беговую дорожку? И главное, именно там, где... Других догадок, от чего я стоял на месте, у меня не было.

Брови сами по себе поползли в середину, я начинаю злиться.

Отскочив назад, встаю в позу низкого старта:

— Предупреждаю, если я сейчас опять в эту фигню вляпаюсь, виноваты будете вы! — делаю рывок и с размаху врезаюсь в какую — то стену, по ощущениям, бетонную: холодную и прочную.

С трудом оставшись на ногах, от злости начинаю крутиться вокруг своей оси, пытаюсь отыскать шутников:

— Хватит уже! Пошутили и будет! Мне Персика кормить пора, день на улице! Ну, ребят!

В ответ тишина. Только мужчина на скамье удивлённо таращит глаза. Я взрываюсь:

— Чего тебе, старый?! Чего вылупился?!

Мужичок что — то ворчит, но взгляда не отводит.

Я, словно ошпаренный, срываюсь с места и быстро оказываюсь рядом с лавочкой:

— Ты чё, старый, не понял?! Отвернись, говорю!

Мужик медленно приподнялся и спокойно растянувшись, ка — а — ак дал мне газетой по лбу:

— Чавой орёшь, горластый?

Теперь я понял, что это был не мужик, а уже глубоко пожилой дедушка. Внутри неприятно засвербело, стало стыдно. Я невольно отвёл взгляд.

— Горланит и горланит, окаянный, совести у тебя нет. Не видать что ль, что люди занятые сидят? Читають? — дедок ещё раз огрел меня газетой.

— Э!

— «Э, э»! — передразнил дед — Поэкай мне тут, щегол! Садись — ка! — он указал свёртком на лавку — Сядь, кому говорят! — я хотел было воспротивиться, но грозный дедовский взор быстро приструнил мои потуги.

Под гнётом старшего поколения и неприятного запаха, я уселся на самый край.

— Ты мне тут не ори, ну — кый! Взяли моду, снимають их всё, снимають! Звездуны нашлись! — дедушка аккуратно развернул газету, разгладив некоторые её части, протянул мне. К слову, всё ещё ошарашенному — Чатать могёшь, суслик?

Гримасса сама по себе сменилась на недовольную и обиженную:

— Могёшь аль нет, горемычный? — я молча взял газету.

На главной странице большими буквами красовалась реклама журналов, фильмов,

мультиков. Где — то были свежие сплетни о звёздах. О, Волочкова, ну да, куда без неё.

— На кой чёрт ты мне суёшь эту прессу?

— Да ты — й возьми, да пальцами поработай! — дед нарочно помахал руками перед моим лицом, заставляя отстраниться — Открой газету, разверни!

Я перевёл недовольный взгляд на «Новости» и развернул оборот, всё ещё не понимая, зачем мне это надо.

— Чатай, чатай. — дедок гордо развернулся к тротуару.

«10 октября 2022 года на Слободском круговом движении случилась страшная авария, прозвучал взрыв. По предварительным данным, причиной стала бомба на днище автомобиля. По показаниям близких родственников и друзей, в машине находились четверо молодых людей, тела которых обнаружить не удалось. По показаниям специалистов, мощность взрыва уничтожила все генетические останки. Передаём наши соболезнования родным и близким молодых людей.»

В отношении происходящего всего скажу только примечанием, и то, чтобы самого себя не обидеть, что в первое время я был в таком же непонимании и даже безвыходном, бесполезном даже, положении, в котором, скорее всего, и ты, читатель мой, сейчас прибываешь.

Во завернул.

Прочитав несколько раз один и тот же заголовок, ещё больше вчитываясь в отрывок с аварией, я всё боле и боле приходил в состояние шока.

«Причиной стала бомба на днище автомобиля»

«В машине находились четверо людей»

«Тела обнаружить не удалось»

Мысли в голове вырывали одни и те же фразы из текста и гонялись друг меж другом наперегонки, пытаюсь донести суть.

Трясущимися руками я отложил газету и поднял взгляд на закурившего рядом старичка.

— Старый, это чё такое? — ломающимся голосом выдавил я. В горле как — то предательски пересохло, казалось, даже слюни теперь работают не на меня. На лице начала расплываться придурочная улыбка — Шутка, да? И тебя подкупили, бомж несчастный? Вот, гады!

Старик молча вынул пачку сигарет из кармана, синий «Camel» знакомо блеснул обёрткой. Аккуратно, почти скрупулёзно он вытащил сигарету и медленно протянул мне трясущимися руками.

Я поёжился. Кисти у старца были все в грязи, с какими — то мозолями, в каких — то болячках. Зрелище не самое приятное.

— Да ты не бойсь, горластый. Тебя уже такое не настигнет. — он настойчивее подсунул мне сигарету.

— Сомневаюсь вообще — то.

— А ты не сомневайся. — видимо, устав держать в руках «презент», старик отложил свёрток на скамью и уставился куда — то вдаль, медленно затягиваясь — Болезни, было известно, живых трогают. Мёртвым — то они не больно погоду делают.

Я почувствовал, как по телу пробежал холодок.

«Мёртвым?»

— А я мёртвый, по — твоему, башка твоя старая? — как — то неожиданно для себя снова вырвалось изо рта — Мёртвый я, шарлатан поганый?! — в голосе моём прозвучала обида, какая — то до боли детская, не контролируемая, настолько печальная и искренняя, что я почувствовал, что вот — вот расплачусь, но что — то внутри меня этот порыв сдержало.

Старик пожал плечами.

Я отвернулся.

За последний час я не понял ровно ничего. Как оказался возле аптеки, как очутился в этом проклятом парке, почему общаюсь с этим стариком и почему люди не обращают на мои вопли внимания. Всё казалось до жути странным. Я очень обрадовался, когда возле меня оказалась чья — то собака. Маленький корги активно обнюхивал мою ногу, вздрогнув, я непроизвольно качнул кроссовком.

С обидой развернувшись к старику, пытаюсь доказать ему его же сумасшествие, я потянулся рукой к псу, но тот резко зарычал, ощерившись и поскуливая, рванул к неподалёку разгуливающей пожилой хозяйке.

Прибывая в каком — то исступлении, я не нашёл ничего лучше, кроме как высказаться своему дурно пахнущему собеседнику:

— Это всё запах твой, старик поганый! От него собака даже дёру дала! Мыться не пробовал?!

Старец затушил сигарету и медленно разгибая спину, поднялся.

Я от чего — то почувствовал панику, когда увидел, как он начинает отдаляться. Подорвавшись с места, ноги сами понесли за ним.

— Я с тобой говорю, игнорщик чёртов!

— А чёй со мной языками чесать, раз вонючий я? — тихонько отстегнул мужичок и сложив руки за спиной, потопал дальше. Он был похож на чёрствый круассан, из — за возраста его спина, по — видимому, уже никогда не разогнётся больше того угла, в котором она была сейчас.

Я почувствовал прилив стыда и бешенства одновременно. «Будто он не воняет!» — пронеслось в голове.

— Ну, так вонючий же, старый! Ну, несёт от тебя за три километра!

— А чёй сразу за три? Можем за два с хвостиком?

И тут я осознал — он издевается. Но паники моей это не остановило. Ноги его хоть и перебирали по земле медленно, но с какой — то удивительной настойчивостью, с удивительным упорством, которое то и дело добивало меня своим наличием в принципе. Будто не мог я согласиться с тем, что старец может сейчас вот так вот куда — то уйти, бросить меня одного в этой тревожной атмосфере.

— Да понял я! Ну не воняешь, попахиваешь! — мужичок приостановился и обернувшись в пол головы, улыбнулся.

— А чёй — то попахиваю? Может, всё — таки пованиваю?

Я был готов разрыдаться от всего происходящего. Впервые за три года после злополучного расставания, запустившего неприятные события в моей несчастной жизни, я почувствовал, что у меня есть желание заплакать и оно очень хочет непременно сейчас «закатить гастроли».

— Да заканчивай ты издеваться, пердун вонючий! Сил никаких нет! — выкрикнув эти слова, я рывком развернулся обратно к скамье. Оказывается, пока я был «в погоне» за стариком, мы успели недалеко отойти.

На улице уже начало смеркаться и силы потихоньку покидали меня. Удивительно, только недавно ведь чёртово солнце пыталось выжечь мне глаза.

Я с громким выдохом присел на лавочку. Уткнувшись головой в руки, я стал напоминать скульптуру [Огюста Роден](#) а «Отчаяние», только поза моя была несколько обычнее, но готов поклясться, энергетика от меня исходила схожая.

Тихие слёзы начали вытекать из моих глаз, ведь абсурдность происходящего начинала казаться реальной. Признавать её, пропускать через себя. Да гори пропадом весь мир, если это чья — то глупая шутка! Гори пропадом!

Мертвы. Мои друзья. Мертвы. Я? А я что? Я вроде здесь, живой... или неживой? Да уж чёрт его разберёт! Что за эзотерика, честное слово! Может, он сумасшедший старик этот, может это всё трюк от этих идиотов? Да кто его знает! Я устал! Устал! Устал!

Когда я поднял голову, на улице окончательно стемнело. Солнце зашло за горизонт и в голове стали всплывать воспоминания последних часов. Старика рядом не было.

Вот мы встретились с ребятами, вот мы поехали. Непонятный хлопок, тишина. Я возле аптеки. Аптека!

Я словно ужаленный начал озираться по сторонам, потом, как в припадке, начал ощупывать карманы. Пусто!

Ни телефона, ни тех злосчастных ста рублей!

Сука! Сука! Сука! Сука!

— Потерял чавой, внучок? — рядом, откуда не возьмись, нарисовалась бабуся, лет семидесяти на вид. Довольно приятной наружности, укутанная серой шалью. Старая цветастая кофта. От неё, то есть бабки, почему — то отдавало подвальным запахом.

— Бабусь, сто рублей обронил, не видала где? — спрашивать у пожилого человека о таком, конечно, в принципе, идея так себе. Но отчаяние...

— Да какой ж, видала. — неожиданно ответила бабка — Маруська, проказница, опять свои шайтанские обряды творит. Могу показать, где сотня твоя. Мне делать усё равно нечего.

Я активно закивал.

Бабаня по дороге пыталась меня растормошить, я нехотя поддакивал вопросам: «А лет — то сколько? А давной тут? А как так вышло?», что вышло, правда, я так и не понял, но оставить вопрос без внимания не мог. Вдаваться в подробности, кстати, тоже не особо хотелось.

Спустя десять минут мы пришли под огромный старый дуб. Засмотревшись на крону, краем глаза я заметил, что провожатая начинает отходить:

— Бабусь! А сотня — то где?

Морщинистое лицо изобразило удивление:

— А под дубом, милоч, под дубом! Только поди — ка, — она приостановилась — Ты её вырыть не собираешься?

— Так, девка зарыла мою сотню?! — я клянусь, что я. Сейчас. Сойду. С ума.

— Тык, ведь тольк так тебя, шабутного, здесь оставить можно. Конечно, урыла. Укопала даже. Вон — а, с правой сторонки и ухоронила. — клюшка указала на перерытое место, усыпанное свежей землёй.

— Ухо... ухо... — отследив направление, я не прекращал попытки разобрать, что сказала бабка.

— Не мучайся. Похоронила, по — вашему, милый. Похоронила она тебя так. Поди — к надеялась, что ты здесь и упокоишься, но видать нет. — Бабка вздёрнула шаль на голову — Да ты не горюнься, милоч. Бывает всякое, жаль, тебя, конечно, но жизнь штука така.. — бабушка развернулась и что — то про себя шепча, медленно потопала по изначальному маршруту.

Я стоял, как вкопанный.

Осмотрев тёмный парк, я вдруг поймал себя на мысли, что мне ни чуть ни холодно. На улице осень, а я вовсе не чувствую холода. Ничего не чувствую. Даже ветра. Ранее всё не было возможности остаться наедине со своими ощущениями, но сейчас, когда всё вокруг приобретает такой неприятный оттенок...

Листья колышутся, а волосы мои, как залаченные, продолжают оставаться на одном месте. Я опустил голову и вскрикнул. Все кроссовки были в крови, одна ступня вывернута в другую сторону, пол ноги без джинсовой штанины, просто вся сгоревшая, будто тлеющая

конечность.

Как я мог раньше не заметить? Нет, не так. А — А — А — А — А — А — А — А!!!

Моя бордовая толстовка местами была порвана, правый бок обгорел не меньше ноги. Я нажал на рану. Боли нет.

Может, это грим? Точно, грим!

— Дяденька! — Мыслекрут прервал голосистый детский возглас. Позади, как — то незаметно для меня, появилась маленькая блондинистая девочка. Кудряшки аккуратно обвивали круглое личико, которое, в свою очередь, было усыпано веснушками — Дяденька, мама попросила передать, чтобы вы привели себя в порядок! В нашем парке так не принято ходить! — голубые глазки сверкнули в сумерках.

Слегка ошалев от такой предьявы, я начал выискивать ту самую маму девочки. Я сам только недавно обнаружил этот чёртов прикид, как давно тогда, эта мадам, за мной наблюдает? За метров триста от нас, скрестив руки на груди, стояла женская фигура. Издалека мне не удалось разглядеть, как она выглядела. Просто чёрная одежда.

— Привести себя в порядок? — медленно процедил, всё ещё высматривая женщину — Как?

Девчушка задорно пожала плечами:

— Как — нибудь, дяденька! — резво провернувшись на своих белых туфельках, девочка побежала в сторону мамы. Я тут же заметил, что платье сзади в чём — то испачкано и хотел было окликнуть ребёнка, как в горле возник ком. В спине юной собеседницы блеснула отвёртка.

Ноги пошатнулись и я, пытаясь не упасть, нашёл опору в стволе дуба.

Голова снова закружилась, я с трудом мог стоять прямо. Вспомнив, что мне говорили при донорстве: «Если почувствуете, что падаете в обморок, сядьте на корточки», я быстро сфокусировался на исполнении данного совета.

Голова стала чуть менее тяжёлой, я опустился полностью на землю. Холода нет, хотя сейчас глубокая осень. Я напоминал себе об этом, пытаясь ухватиться за единственно известную достоверную информацию.

Это сон? Может, это сон?

На глазах снова проступили слёзы. Давило чувство безысходности. Я зарылся головой в колени.

Быть не может!

Плач усиливался, я рыдал, только что, успевая всхлипывать носом.

Да, это бред сивой кобылы! Почему у девчонки отвёртка торчит из спины?! Что за фокусы?! Не могу! Это шутка этих имбецилов?!

— Хватит! — раздалось по парку — Выходите уже! Выходите! — я начал тарабанить землю кулаком, всё ниже опускаясь на коленях — Шутники хреновы! Горите в аду! — не знаю почему у меня такая реакция сейчас. Я ведь любитель пощекотать себе нервы ужастиками. Ни раз видел картинки и похлеще. Почему именно сейчас меня пугают такие вот обстоятельства? Почему именно сейчас нутро выворачивает изнутри?

В голове возник шутливо недовольный образ отца, который грозитя прибить меня, если я не занесу им обратно банки от солений.

Я невольно улыбнулся абсурдности ситуации.

Тут же истерика накрыла меня с новой силой и я, как в агонии, окончательно расползся по земле, начиная биться в припадке «душевной» боли. Я вырывал траву, мял листья, топал,

лёжа на спине, тарабанил землю. Я кричал. Как же сильно я кричал. В моменте я даже перестал воспринимать свой крик, как свой. Настолько он был непривычен.

Спустя время, не буду точно говорить какое, потому, как и сам этого не понимал, я потихоньку пришёл в себя.

Слёзы стали течь медленнее, пальцы перестали мять листья, ноги расслабились и обессиленно опустились на землю. Я наконец успокоился.

«В йоге такая поза называлась бы «шавасана»» — подумалось мне. Младшая сестра частенько практиковала на мне новые увлечения. Гитара, мольберт, танцы, бальные танцы, пару раз она кинула меня на прогиб по какой — то там техники тхэквондо. Коврик для йоги был спасением для меня, Маринку, правда, хватило тогда ненадолго. Кажется, она порвала себе связки при очередной попытке сесть на шпагат. Но я точно запомнил, как называется моя любимая поза. Я там нередко засыпал.

Немного погодя, я приподнялся на локтях, осматривая местность. В поле моего зрения не было никого, кроме...

— Сладкая вата. — я быстро вскочил, заметив знакомый цвет волос. Не знаю, как я рассмотрел его при свете фонарей, да и меня, толком, мало это волновало. Я рванул с места. Мгновение спустя, очутился позади не столь знакомого силуэта. Странно, мне показалось, что она гораздо дальше.

Девушка увлечённо и ритмично двигала лопатой, мне даже почудилось, что в такт какой — то мелодии. Немного прислушавшись, я понял. Ну точно, Король и Шут «Гимн шута». Невольно я стал покачивать головой за компанию её движениям. Вот это эмоциональные переходы, Эдуард! Бьёшь рекорды! Когда всё закончится, сходи — ка к психологу. Не противься друзьям.

Внезапно, розовая упёрлась в меня своей пятой точкой и приостановилась. Я замер.

«Стоп. Даже, если я призрак, то она видеть меня не может, так?» — мысль о том, что я умер показалась от чего — то даже приятнее, чем та мысль, что меня сейчас застукают за «подглядыванием». Недавно Колян судился с какой — то полоумной за то, что улыбнулся ей в лифте. Вспоминая, как проходило это действие и в какой агонии он потом умолял не выписывать ему штраф, чтобы «не портить историю», я срейфил.

Розовая макушка быстро от меня отскочила, приставляя к моему кадыку лезвие лопаты и довольно грязной, к слову.

Я вытаращился на девицу, удивляясь её сноровке. Это было круто. Так быстро среагировала, прямо, как в сериале.

Я поймал себя на мысли, что восхищаюсь ей, но быстро таковую прогнал.

— Слышь, убери валыну. — выдавил я, украдкой посматривая на железное полотно. Хоть мой взрослый мужской голос и должен был показаться в этот момент убедительным, в итоге получилась какая — то просьба подростка не рассказывать родителям про то, что он курил. И вообще курил не он, а друзья, он просто рядом стоял. Клянусь, по — моему, мой голос дрогнул на моменте с «валыной». Зачем я вообще это сказал.

Сейчас я заметил, как девушка сщурила глаза и насупила нос. В тени, вроде, серые. Губы довольно пухлые, так что мимика весьма заметна, брови выразительные, они собрались возле переносицы. Но, помимо этого, я также заметил, что лопата в её руках ходит ходуном, хоть и стоит ровно возле моей шеи. Молчание.

— Ты слышишь меня? — я зачем — то двинулся вперёд, но быстро остановился, когда заметил, что она также двинулась подальше от меня, словно... Боялась?

Эдик, да ты гений мысли! Bravo! В студию автомобиль, этот мертвяк допёр, что он пугает бедную девчонку. Вспомни, как ты выглядишь! Я перевёл взгляд на руку и аккуратно ею подвигал, открывая общему взору обгоревшую плоть. Лицо моментально скривилось в отвращении. В кадык настойчивее впилося лезвие лопаты.

— Тих — тих, — я поднял теперь уже обе руки, показывая безоружность, как мне показалось, я должен был выглядеть безобидно — Я без зла. — процитировал фразу Толика — нолика. Ну всё, верный признак того, что я нервничаю.

Девушка всё ещё стояла в стойке, я снова заострил взгляд на глазах. Мне показалось, что они стали ещё более серые, чем были до сих пор. Она вампир или типа того? Я уже ничему не удивлюсь.

— Маруська! От проказница! — вдалеке послышался знакомый старушечий голос. Бабка была метров за двадцать дальше нашего, однако в секунду оказалась позади девахи, которая, к слову, ни капли на такое не отреагировала, в отличии от меня. Я с ужасом отскочил от бабки — соника, припадая на пятую точку. — От, горемычный. Два сапога пара. Не вишь что ль, что он бешенный? Только — только очнулси. Ягодка, ты уж не пугай окаянного, он ведь и так пуганный. — почему — то мне казалось, что эта старуха издевается. Но меня сейчас сильнее волновала её скорость. Да они тут все упыри что ли?!

— Ты как здесь очутилась, Яга недоделанная?! — я вновь агрессивую. Видно, полгода без социума дают о себе знать. Раньше я был не такой нервный. Да вообще — то раньше я и не был в подобных ситуациях.

Бабуся, аккуратно опустив ручку лопаты девчонки, начала ковылять с клюшкой ко мне. Я же припустил отползти подальше. Приметив мои телодвижения, бабуся растворилась в воздухе. На секунду опешив и пропустив «выдох», я краем глаза заметил клюшку уже возле своего плеча. Медленно отследив, кто её держит, заорал.

Бабка недовольно «цокнув», обозвала меня шалопаем и снова исчезла.

Девчонка удивлённо наблюдала за этой картиной.

— Не то, чтобы я боялся бабулек... — решил пошутить. Своевременно. Маруся, так назвала её бабка, не отреагировала.

Я откашлялся и приподнялся. Моё мужское эго сейчас просто воеет от таких взбучек со стороны женщин. Я почувствовал неловкость и даже стыд за свою реакцию, совершенно упуская момент с тем, что чуть не обделался от происходящего секундой ранее.

Чтобы заполнить паузу, я прочистил горло и аккуратно начал подниматься, как заметил, что она опять притянула к себе лопату.

Расстояние меж нами три метра, всё, как батюшка «Ковид» завещал.

— У меня нет намерения причинить тебе вред. — тихо сказал я и зачем — то развёл руки.

— Я в курсе. — неожиданно ответила она. И что интересно, я не понял, чему удивился больше: тому, то она ответила или тому «что», она ответила.

— Тогда чего за лопату держишься?

— Чтоб ты не подходил. — Я ошалел.

— Больно надо мне к тебе подходить.

— Ну раз, подходишь, значит надо. — какая настырная девка. Но ведь она права? Чего я бычу — то?

— Да не сдалось мне к тебе подходить, блин! — давать маху и тут не позволяла гордость. Ну, не хочется мне, знаете ли, проигравшим быть. Хотя мы вроде и не играли...

— Ну, так и не подходи тогда!

«КАКОЙ ЖЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ ДИАЛОГ!»

Я замер на месте.

Она, ещё немного погодя, полностью расслабила руку и лопата тихо приземлилась на листву.

Маруся начала что — то искать в сумке через плечо, которая вся была увешана какими — то значками с аниме. На большинстве из них были сцены сражений, кажется, я заметил пару знакомых.

— «Наруто», — Ну, Маша, если ты и эту попытку с тобой заговорить заворишь, я не знаю, что сделаю. Девушка продолжила рыться в сумке торопливее. — «Тёмный дворецкий», «Стальной алхимик» — продолжил я.

Деваха подняла на меня недовольный взгляд:

— Смотрел при жизни аниме? — раздражённо уточнила она, на секунду останавливая свои поиски.

Я обрадовавшись, что наконец добился внимания девушки, закивал:

— В подростковом возрасте. — стоп. «При жизни»? Погодите, она не отреагировала на бабкины фокусы, логично, что она не впервой такое видит! — Пардон, Ваточка, но я как бы жив.

— Ну, да? — Деваха состроила скептическую мину. Одна бровь поднялась выше второй, губы теперь расплылись в издевательской улыбке, глаза сменились с раздражительных на самоуверенные — А чё ж тогда ты тут забыл?

— Гуляю.

О, как. Я и сам не ожидал такого ответа.

— Ну, гуляй дальше. — После этих слов меня пронзила целая гамма болевых ощущений. Где — то щипало, где — то свербело, где — то кололо, где — то зудело. Я заорал.

Девушка, не сводя с меня взгляда, прошагала на прежнее место. Столкнув моё извивающееся тело с кучи земли, присела на колени. Ловко расчистила от листьев землю, открывая моему заплывшему взору, ямку. Сунула туда часы, невесть откуда взявшиеся и что — то прошептав, присыпала землёй бедный аксессуар.

Я бросился кататься по земле:

— Сука! Что это?! Что ты сделала?!

Ещё немного посидев над кучкой, Маша начала осматриваться. Присмотрев оранжево — жёлтый лист с пластиной, напоминавшей сердце, гордо взгромодила его на самодельную могилку.

Наконец, девчонка поднялась и, вздёрнув сумку, направилась к близлежащему вымощенному тротуару.

На меня накатила та же паника, что и в первый раз. Когда вонючий душок от деда стал уходить за компанию вместе с ним.

Я попытался ползти следом:

— Не уходи! Объясни! — слова категорически не хотели подбираться, пока я боролся с припадками, пытаюсь не отставать от Маруси — Я тут недавно, а ты, видимо, давно! — Эдуард, сегодня тебе в пору взять с полки пирожок за высокоинтеллектуальные умозаключения.

Маша молча продолжила двигаться по своему пути.

— Да стой ты! — наконец взбрыкнул я и попытался зацепиться за щиколотку девчонки,

но, по закону жанра, рука моя проскользила сквозь неё. Я опешил— Нет... — обессиленно вырвалось у меня — Быть не может...

Девушка остановилась. Повертев головой, озираясь, она резко развернулась всем туловищем ко мне. У неё, видно, привычка делать такие «виражи»:

— Слушай сюда, клочок человека! Мне глубоко плевать, как ты помер и при каких обстоятельствах! Мне не интересна ни одна история из твоей жизни! Более того, — она вздёрнула указательный палец — Мне совершенно плевать как ты себя сейчас чувствуешь! Ты всё понял?

Я поднял влажные глаза. Розововолосая на секунду вздрогнула, но быстро пришла в себя. Она опустила на корточки:

— Это была соль.

Я непонимающе вглядывался в уверенные глаза новой знакомой:

— Салат?.. — первая ассоциация, что пришла на ум, звучала именно так. И я её зачем — то озвучил.

Машка выдохнув, поднялась и удалилась прочь.

Не знаю сколько я пролежал, прогоняя по кругу алгоритм «Заплакать — успокоиться», но судя по всему довольно долго, ведь начало постепенно светать.

— Ну чавой, чистюля, как день минул? — вонючий старик возник над головой. Я смотрел на него перевёрнутого и меня начало мутить. Решаюсь воздержаться от ответа. — Ну голову — то что свесил, ай? На кой к Маньке пристал?

Вопросы его казались мне раздражающими, но злиться на старика сил не было вовсе:

— То гарланит, как зяпастый чёрт, то лежит, как воды в харю набрал. Ишь чё... — дедок причитая, снова достал газету.

Я невольно взглянул снизу на дату.

«11 ноября»

Глаза сами по себе расширились:

— Какое сегодня число? — вопрос на одном дыхании.

Старик подло сощурил глазки и улыбнулся:

— Ты неграмотный иль чё? Смотри, коль читать умеешь.

Он протянул мне газету. Опять. Руки вновь брать этот бумажный вестник не хотели, в голове уже выстроилась ассоциация: газета — плохие новости. Хотя, когда было иначе.

Я нехотя принял свёрток:

Ну вот же, 11 ноября. Вчера было 10 октября, а сегодня 11 ноября. Логично же.

— Ядрёна копать... — протянул старик — А ты помер — то когда?

Слова застряли в горле.

Старец тихонько забрал у меня газету, словно боялся делать резкие движения, ну, или просто не хотел. Справедливости ради, бояться ему больше нечего.

— Оглох что ль... Бедолага.

Я аккуратно приподнялся, сначала на локти, потом на колени, позднее аккуратно выпрямился в полный рост. Вонючий дедок всё ещё стоял рядом.

— Мне надо выйти отсюда. — я ответил на предыдущий вопрос. Если интересно, пусть знает.

— Всем надо. — усмехнулся дед — А газётку — то она ведь передала, Маруська наша, девка, хоть и колюча, но без даты смерти не оставят...

Я взглянул на старика с раздражением. Теперь, когда свет начал выравниваться, я мог

лучше его рассмотреть, да и к запаху я уже попривык.

Старая куртка, напоминающая кафтан. Какие — то обломки медалей на груди, по виду, века девятнадцатого. История в школе даром не прошла, спасибо, Асе Евгеньевне. Руки все в пузырях, да болячках. Глаза красные от слёз, потерявшие прежний цвет. Щёки впалые, губы обветренные. Кожа местами просвечивает вены, особенно возле глаз, от чего кажется, будто мужик только и делает, что читает по ночам.

— Выглядишь, старче, дерьмово. — заключил я, заглядевшись на руки.

— А оспа, сынок, другой вид давать не может. Как есть, так и выгляжу.

Я сглотнул. Оспа. И правда, верные признаки — эти самые отвратительные пузыри на руках. Фу. Когда мы проходили эту болезнь на биологии я старался быстрее перевернуть страницу.

— И давно ты... — я замялся — Тут? — сменим тему. Пора разбираться в этом чёртовом колесе.

Старик усмехнулся:

— Как годков сто по два раза, сынок.

— Двести лет?! — от неожиданности я вскрикнул.

— Да поди уж так, коль память на подводит.

«Твою мать, во влип.»

Безысходность снова накатила, я с размаху приземлился на лавку.

— Мне выйти надо, дед. — мой вердикт прозвучал очень жалобно, почти отчаянно.

Дедок начал складывать газету. Аккуратно сгибая уголки, он разглаживал по линиям.

— Макар меня звать.

Я опомнился. И правда ведь, мы даже не познакомились во всей этой суматохе.

— А я Эдик, Эдуард то есть. — я протянул более целую руку для рукопожатия. Старик принял жест и поддержал. В глаза снова бросилась обугленная кисть. Господи, Эд... Куда же ты влип.

Обменявшись приветствием, Макар зашагал в сторону ближайшей лавки. Я пошёл следом. Приземлившись на деревянные доски, дедок тяжело выдохнул.

Спустя часа полтора молчания, старец начал приподниматься, также тяжело кряхтя и заодно возвращая меня в момент:

— Дед, куда лыжи наострил?

— Айда за мной, да узнаешь. — он даже не повернулся, просто стал удаляться вперёд по тротуару.

Я отвёл взгляд. Идти куда — то за стариком мне очень даже не хотелось. Идти куда — то в принципе мне не хотелось. Хотелось уснуть и проснуться в том же дне, когда мне позвонили ребята.

И что? Не поехать с ними? Да нет же, поехать! Остановить!

Я, сам того не отследив, инерционно приподнялся и поплёлся следом.

Весь оставшийся путь мы шли в тишине, мне хотелось много чего спросить, но судя по всему, мёртвым разговоры не улыбаются.

Добрались мы сравнительно быстро, за десять минут примерно. Я узнал знакомый дуб, стоящий неподалёку, семенящую перед мамой девчонку, ту самую, блондинистую. Невольно я снова разглядел отвёртку в её спине. Женщина, которая всё также стояла, скрестив руки на груди, одета была в траур: чёрное платье, шляпа с вуалью того же цвета, чёрные колготки и чёрные, очень неудобные на вид, туфли. Она постоянно жала одну ногу к другой, так, что

казалось, будто обувь была мала. Глаза её прикрывали огромные солнцезащитные очки.

Чуть дальше разместилась та самая бабка — сонник в своём цветастом наряде, выбивающимся элементом была её серая шаль.

Я наконец обратил внимание, как много всяких людей стягивалось к дубу со всего парка вслед за нами. Удивительное зрелище. Народ стекался одной сплошной рекой, но в разных руслах.

Тут и недовольные подростки с сигаретами, и пожилые люди с библиями и даже парни нерусской национальности, которые, наверняка, в очередной раз докопались до безобидного менеджера. Выглядел этот бедняга весьма красноречиво. Белая рубашка, серые штаны и бейджик на груди. Всё, как полагается офисному планктону. Единственное, что выделялось, кровавая гематома на лбу.

Солнце вошло в раж, когда толпа разрослась до больших размеров. Мне даже стало тесно.

К дубу вышел какой — то мужик с мотающейся верёвкой на шее:

— Дорогие почившие! — он деловито запрокинул верёвку на плечо, в дядьке я постепенно узнал бывшего мэра своего города, который как — то неожиданно сошёл с поста. Хороший был мужик, довольно многое делал для народа. Наверно, поэтому и сошёл... Я немного возгордился своими талантом каламбуров — Поприветствуем же! — стоящие впереди нас люди разом обернулись на меня и начали хлопать, кто — то сзади пристрастился меня толкать, а дед Макар так вообще пнул меня вперёд. Недовольно посмотрев на него, я сам того не заметив, очутился уже возле бывшей главы города — Ну, как зовут тебя? — вдруг обратился он ко мне. Я слегка сжался. Никогда не любил представляться на публику. Да и настроя нет.

— Эдуард. А вы, вроде, Доброделов? — Глаза мужика радостно распахнулись.

— Так вы, молодой человек, меня при жизни знали? — он по — родительски похлопал по моему плечу — Ой, как я рад! Как рад!

Толпа заликовала сильнее, я испуганно всех осмотрел. У кого — то нет глаза, у кого — то ноги, кто — то махает кровоточащей культяпкой. Меня опять замутило, но я сдержался.

— Добро пожаловать в наш парк, товарищ! — я тут же вспомнил Тольку и улыбнулся хоть чему — то знакомому в этой ситуации. Улыбнулся своей же мысли. Эд, это шиза.

Мэр аккуратно меня отставил и снова назвал чьё — то имя. Из толпы показался преклонного возраста мужик, по виду, бизнесмен: дорогой костюм, лакированные туфли, его лицо тоже казалось знакомым.

— Вы кто?! Кто вы?! — расталкивая людей, кричал он. Доброделов принял его за руку и легонько взял под локоть, но тот, развернувшись, неожиданно для всех сильно заорал — Я же убил тебя, сволочь! Убил!

Толпа затихла. Даже девочка в белом платьице перестала радостно скакать, теперь она растерянно переводила взгляд с мамы на этого потерпевшего.

Мэр явно занервничал, так как верёвка (которую он то и дело поправлял) теперь весела бесхозно, пачкая костюм. Я проследил за его взглядом, который менялся от обиды до гнева в секунду.

— Ты?... — наконец послышалось в тишине — Так... Меня... По твоей прихоти?..

Новоприбывший ошалело следил за всем происходящим. Теперь я понял, как выглядел в начале.

Он от чего — то сорвался с места и бросился на мэра, но стоявшие за ним дагестанцы

ловко перехватили его попытку за плечи. Он продолжил вырываться, тогда один из активистов прописал бандиту в коленный сустав, заставляя того припасть на землю.

— Сволочь! Мразь! — кричал бизнесмен — Как много крови выпил, сукин сын, так и ещё и скрывался так долго, падла! Я тебя с потрохами сдам, скотина! Всё сдам! Не тем ты людям дорогу перешёл, Матвей, ой, не тем!

Доброделов только стоял и слушал. Я не мог сдвинуться с места. Так, мэра всё — таки убили? Вот бабки у подъезда обрадовались бы своим рассуждениям.

— Так это твоих рук дело, Леший? — это, видимо, кличка убийцы. Интересно. Голос мэра стал увереннее. Злее. Решительнее. — Твоего ума распоряжение?

Леший быстро затих, телодвижения по рывкам стали более слабые и спокойные, через секунду он и вовсе обмяк. Дагестанцы расслабились, но хватку не расцепляли.

Минуту все наблюдали за мэром, казалось, их совсем не интересовала судьба предателя. Уверен, так прозвать его успел не только я.

Бывший глава города помрачнел.

— Внести его в список. — скомандовал Матвей.

Девушка с сине — фиолетовой полоской на шее, стоящая почти возле меня (нас разделяли малыши лет пяти), резко подорвалась и вытащив из — за пазухи малиновый блокнот, что — то в него прописала.

— Когда они придут?

— Неделя, господин Доброделов.

Он кивнул. Натянув дрожащую улыбку, поднял руки и скрепив их над головой в «замок», мол, держитесь, был таков. Растворился в воздухе. Чем вызвал у меня, конечно, не малое удивление, но всё — таки не такое большое, как реакция толпы на бизнесмена.

Я почувствовал непреодолимое желание также исчезнуть с своего места, но решительно не понимал, как это сделать.

Люди разом двинулись на мужика, который то и дело начал вопить: «Не трогать! Не трогать меня! Засужу!». В голове мелькнул случай с тем мальцом с дворовой перепалки.

Меня никто не пихал и не толкал, только поздравляли с прибытием и хлопали по плечу. Старались обходить, как можно аккуратнее. Я пытался было рассмотреть, что там стало с Лешим. Куда все идут и по какой причине, но...

В один момент вся толпа просто растворилась в воздухе. Абсолютно вся. Я снова стоял возле дуба в одиночестве.

Вот уже неделю я находился в статусе мертвенного аморфного человека. Хотя я и пытался выбраться из парка другими путями, выискать среди плывущих душ хоть одну живую — ничего не получалось. Я ни спал, ни ел, ни дышал. Что делать?

Забавно, кстати, что все окружавшие призраки, да чего уж там, и я в том числе, упорно делали вид, что в лёгких есть воздух... По привычке что ли.

Я начал ждать возвращения Мани, как второго пришествия. Как высказался Макар: «Как покойничка отыщешь, так и жди». Правда, какие средние сроки поиска, он не уточнил.

— Откудовой ж мне знать, когда кто к богу в гости захочет? — я только понимающе кивал.

Но не без интересных нюансов обошлась эта неделя. Например, я вспомнил, что, когда только «пришёл» (мне так думать комфортнее) в парк, первым делом я увидел себя, как человека здорового. Даже носки с лягушками были целы, хотя сейчас от лягушек остался только глаз и то, только на правой ноге, и то, намертво въевшийся в мою плоть. Так вот, о чём это я... Ах, да. Объяснила мне эта женщина, мама Ангелинки, девочки с кудряшками, так:

— Пока не осознаёшь, что умер, мёртвым себя не видишь. — томно произнесла она, потягивая из золотого мундштука.

— Звучит философски.

Она скривила рот. Из — под вуали, как такового лица её видно не было, но сжатые в полоску алые губы было трудно не заметить.

— Никакой философии. Просто правда после жизни становится очевиднее и прямолинейнее. Проведи параллель с депрессией, не знаю. — она раздражённо, но стоит заметить, от того не менее элегантно стукнула по мундштуку пальцем, скидывая пепел.

Позднее я и правда провёл параллель с человеческими недугами и со своим личным самочувствием в целом. Как бы сильно я не был болен, я никогда не обращал на это внимания, но стоило кому — то заставить меня измерить температуру, которая всегда была под 39 градусов в разгар болезни, я мог слечь моментально. Эффект Плацебо, но наоборот, честное слово. Именно поэтому у меня в квартире не было градусников.

И ещё, потому что Перс мог их разбить, вильнув хвостом.

Перс... Ах, мой бедный Персик, мой бедный котяра! Как же я переживал за него, больше всего я испытывал тоску не по жизни, а по своему коту, по его урчанию и цепким лапкам. Как он там? Я оставил ему корма всего — то на вечер, кто же знал...

Дни мои проходили в диалогах с призраками и выяснением кто лучше играет в шахматы: я или Баб Тамара, и к моему удивлению, я ни разу ни выиграл. Я мало — помалу начал обвыкаться с новыми умениями, например, перемещаться от одного дерева к другому стало моим любимым занятием, а вот растворяться в воздухе я так и не научился. Макар советовал «Быть легче», знать бы, что это значит.

— Ну тык ты не думой про то, что исчезнуть — то надо, окаянный! Ты просто исчезай! — я силился исполнить совет — О — ой! Ой! — подначивал старый — Ты ж сейчас родишь, горемычный!

— Отъ престал, Макар! — вступалась баб Тамара — Чавой пристал к парню, шик отсюда! Раскомандовался!

Стоило этой женщине появиться в поле слышимости дедка, как его и след простывал. На мой вопрос почему так, оба всегда отмахивались.

Она меня учила умению растворяться по — другому, говорит, ножку так, ать и поднял. Обопрись, говорит, на клюшку, ногу подними и шнырьк, исчез!

— Баб Тамар, так нет у меня клюшки!

— У тебя и пол ноги нет!

На этом моменте я всегда прыскал смехом. Это правда, половина ноги не выглядела хоть на что — то способной, но справедливости ради, отвалиться тоже не могла. Вывернутую ступню я то и дело в первые дни возвращал на место. Она забавно прокручивалась и не хотела вставать в прежнее своё положение, да и по сей день всё старается «выбиться».

Мелкий Антонка, так прозвали пацана шести годков, принёс мне как — то жгут от своей последней капельницы, и мы вместе перевязали мне непослушную конечность. Он поделился, что его не устраивает его положение в нынешнем социуме и что, несмотря на свой крайний возраст, он имеет право на нормальное восприятие себя остальными. Это дословно.

— Ты откуда таких выражений понабрался, Антон? — затягивая жгут, вопрошал я.

— Так мне уже пятый десяток идёт, просто помер я в шестилетнем возрасте.

Я ошарашенно поднял взгляд. Всё — таки слышать такое наяву для меня до сих пор непривычно.

Наступила суббота. Солнце уже почти не показывалось, погода была пасмурная. Кропил небольшой дождик. «Жизнь» в парке била в своём ритме. Вдалеке слышался детский смех, чуть ближе старики раздавали друг другу щелбаны за неотвеченные вопросы по истории, совсем близко ко мне, Ангелинка играла в классики. Я продолжал сидеть на скамье возле ворот и ждать Маню. Единственное, что меня волновало помимо её возвращения, так это состояние мэра и кто должен был прийти через неделю. Судьба Лешего меня, что примечательно, не интересовала.

Краем глаза я заметил, как к маме Лины подошёл знакомый мужчина с верёвкой и что — то прошептав ей, хотел было вновь раствориться:

— Господин Доброделов! — выкрикнул я и быстро переместился к компании — Как вы, господин Доброделов?

Мы обменялись дружеским рукопожатиями. Он с доброй улыбкой хлопал меня по плечу и расспрашивал про моё прошлое. Через минут десять мы уже гуляли по парку без сопровождения, просто о чём — то переговариваясь.

— Да я на самом деле, в последние свои дни вообще не был активен. — продолжил я — Расстался как — то с девушкой, так депрессия и шибанула.

Мэр деловито качал головой, выказывая своё небезразличие.

— Понимаю, что неправильно это, но смысла просто не видел.

— Что интересно, — наконец вступил он — Люди бояться жизни после смерти, но смерти при жизни стороной не обходят.

Я, прокрутив эту мысль в голове, согласился.

— Но я же не был мёртв. Я просто...

— Не жил.

Теперь я понял, почему моя бабушка, царство ей небесное, всегда так торопилась включить новости, если в программе стояло интервью с Доброделовым. Он же просто

ходячая энциклопедия по философии.

— Ну, не то, чтобы... — замылся я— Точнее, не совсем так. Я вроде жил...

— Послушай, Эдуард. — мэр развернулся ко мне, заставляя остановиться на месте — Дышать, поглощать пищу и иногда мыться — это не жизнь. Заниматься сексом, употреблять вещества, снова заниматься сексом — это не жизнь. Постоянно учиться, читать книги, развиваться год за годом без передышки — это тоже не жизнь. — он упорно смотрел мне в глаза.

— А смысл вы мне сейчас это говорите... Смысл в чём... Я мертв. — взгляд сам по себе вильнул вниз, словно меня пристыдили.

Мэр похлопал по моему плечу и мы продолжили идти:

— Существо будет существовать радостно только тогда, когда в своём существовании увидит радость, мой друг. Что для человека жизнь, то для дельфина — смерть. — мой мозг начинал тупить от такого избытка аналогий и примеров — Проще говоря, — Доброделов, видно заметил мою растерянность — Вопрос в том, что ты сам назовёшь жизнью. Можно постоянно работать, но осознавать, что для прогресса нужны силы. Можно постоянно смотреть фильмы, но понимать, какие ведут к деградации, а какие к твоему личному росту. Наркотики я никак не могу оправдать, да и не хочу. Ты хоть каплю меня понимаешь?

Я неуверенно кивнул:

— Вы хотите сказать, как корабль назовёшь, так он и поплывёт? — выдвинул я предположение.

Мэр удовлетворённо улыбнулся.

— То есть, если бы мне нравилось проводить время, так, как я проводил, я бы с пользой проводил время? Даже, когда вонял, как дед Макар?

Мэр кивнул.

— Так, мне же нравилось.

— А от чего ж тогда жалеешь бывшего?

Я замолчал. Дальнейший путь до пруда мы шли в полной тишине.

Я был согласен с Доброделовым и не согласен одновременно. Ну нельзя же быть довольным своей жизнью постоянно, так же и к полному застою прийти можно.

— А я и не говорил, что ты должен быть доволен жизнью. Жизнь — это промежуток времени. А жить — это про «сейчас». Я вот сейчас не живу, а существую, но чувствую себя лучше, чем при жизни, как люди говорят. Мне спокойно, я занимаюсь своим любимым делом и...

— Но вы же здесь. — перебил я. Мэр в лице не поменялся, но глаза дрогнули. Он откашлялся и отвернулся, рассматривая уток.

— У всех, кто здесь обитают, остались незаконченные дела, мой друг. А вот понять, что это за дела — более трудное занятие.

— То есть, всё прям, как в фильмах? Мол «незаконченное дело» и так далее, да? — моя интонация была довольно весёлой, что выдавало мой появившийся энтузиазм— И пока вы, они, пока я, не поймём, что это за дело, мы не отправимся в мир иной, так?

Мэр, вздохнув, снова кивнул.

Меня было не остановить:

— А какое у вас дело, вы уже поняли?

— Закончить строительство детского сада на Лесной улице.

Я был поражён. Сколько лет прошло с его убийства, а он до сих пор болеет за город?

— И всё? — я сразу осознал, что мой вопрос звучит до тупого невежливым.

Мэр повернулся ко мне, слегка улыбнувшись. Улыбка его не была саркастичной, как у шутника Коли, или виноватой, как у Толика. Она даже не напоминала мою улыбку, почти всегда неловкую, вымученную. У него губы сложились в каком — то спокойном и «тёплом» выражении.

— И всё.

Я почувствовал, как мне стало крайне неловко. Его зелёные глаза по — доброму наблюдали за моей реакцией. Он в очередной раз похлопал меня по плечу:

— Не тушуйся. Тебе надо выйти, я помогу.

Мои уши чуть не свернулись в трубочку от счастья:

— Поможете? Вы? Мне? — ещё вопросы будут, Эд? Что —нибудь ещё? Ну же, не стесняйся.

Мэр разразился смехом, я улыбнулся происходящему. С ним было спокойно, я будто бы разговаривал с отцом.

В миг сердце пробила стрела из накатывающей боли. Выражение моего лица изменилось, мрачнее меня были только тучи на небе. Вспоминать родителей было тяжело.

— Что это за список, который ведёт Юля? — не хотелось заострять внимание на том, чего я изменить был не в силах, поэтому, спохватившись, и перевёл тему. Справедливости ради, мы быстро нашли с секретаршей общий язык. Её розовый блокнот однажды остался бесхозным возле дуба, и я смело защищал его от нападков Ангелинки, которая то и дело стремилась в него заглянуть.

Мэр резко изменился в лице и отвернулся обратно к пруду, к уткам, что так спокойно проплывали посреди водоёма.

— Знаю, что не отстанешь, вижу в тебе себя в молодости, поэтому отвечу без зазрений совести. Обычно, новоприбывшие узнают об этом списке гораздо позднее, и то, некоторые по сей день не осознают о чём идёт речь. У меня будет огромная просьба — рот на замок. — он сделал характерное движение руками, будто выкидывая ключик. Я молчал. — В пруду этом часто тешатся навки, девицы, что утонули при странных обстоятельствах. Нередко выходят к нам, потешить детей, самим позабавиться. — он откашлялся и заметно занервничал, сцепляя пальцы в замок — Был у нас случай, когда к нам попало одно чудовище. По общему мнению, разумеется. Педофил, что вылавливал девчонок возле детских садов, старых детских садов. — на этом моменте он повернулся ко мне, видимо, ожидая какой — то реакции, но её снова не последовало — На его счету было немало жертв, молоденьких девчат, которые и жизни — то не видали. Попал он, значит, к нам и давай куролесить. То, что он мёртвый, он быстро понял. Застрелили его, в голову. — мэр очертил крест на лбу — Да и поделом ему. Поймал он как — то Ангелинку, знаешь же, шabutная она, то там, то сям вертится, покоя ей нет. Ну и начал под платъице лезть, а она, вроде, хватъ его за патлы и давай выдирать. Он, как заорёт. Тут прибежала Анфиска, мама Ангела нашего, не знаю, как она себя сдержала, но единственное, что она сделала, это затушила сигарету о его причинное место. Орал он знатно. Делать нечего, мы его повязали. Ребята мои, — в памяти всплыла толпа дагестанцев — быстро с ним разобрались, да вот только ненадолго. Сбежал, падалъ. Девчонок и мальчишек мы всех попрятали, а дети всё — таки, резвиться хочется. — он заметно погрустнел — Месяца три так их держали, пытались сами развлекать, да из — под виду не отпускать. В один день к нам Манька зашла, долго её тогда не было... — мэр расправил плечи, давая понять, что эта часть монолога основная — Видит, что нет никого,

меня, давай, к себе звать. Я ей всё выложил, а она в шоке стоит. Говорит: «Так, я нарочно обряд провела, чтоб его сюда не пускать. Как дошёл — то?», я плечами пожал и стою. А она мне: «Ладно, дядь Матвей, не переживай. Сделай то — то то — то, скажи так — то так — то, цацки, мол принесу»

— «То — то то — то, так — то так — то», — повторил я, выдавая любопытство.

Мэр кивнул:

— К пруду послала меня короче. Если вкратце, то я сам обряд и провёл. Вызвал навку, объяснил ситуацию, да договор заключил. В полночь на берегу шпук тридцать девчат молоденьких появилось, да голышом все главное. Красивые, страх. — он немного замялся, но быстро прогнав мысли, продолжил — Я им всем одёжку, которую Манька принесла отдал, жемчужные ожерелья передал. Попросил помочь и впредь не оставлять нас в таких ситуациях. Они дары приняли и разбежались по парку. Через минут пять уже тащили этого самого педофила по траве и щекотали. Орёт он, орёт: «Больно! Больно!», а они всё продолжают да продолжают. Так до самого пруда и с ним под воду. Манюша потом рассказала, что они сначала изгаляются над чудовищем под водой, как могут, всласть, а потом вроде на «другую сторону» переправляют. Что за сторона — не знаю, не спрашивай.

Я так увлёкся, что приоткрыл рот. Доброделов отвёл взгляд:

— До сих пор жалею, что так всё вышло.

Я был ошарашен и вмиг вернулся «в реальность»:

— Так вышло? Как?

— Это заключение договора с этими девами. Решил всё единолично, а я знаешь ли, демократичен.

Я поджал губы и перевёл взгляд на тех же уток.

— Вы были хорошим человеком, Матвей Александрович. — я не знал, что хочу сказать, но при этой ситуации чувствовал острую необходимость в своём слове — И хорошим мэром. К сожалению, народ нередко может ошибаться в своих решениях. Эффект толпы и так далее... Но даже безмозглое стадо овец всегда нуждается в защите.

Доброделов приподнял бровь, вглядываясь в моё лицо:

— Считаешь?

— Считаю.

— Так, я по твоему мнению, всё сделал правильно? И с Лешим?

Мэр, мужчина, который так отчаянно защищает свой народ, сейчас сам остался без защиты. Он пропал на целую неделю и наверняка долго обдумывал своё решение. Я могу ручаться, что все эти дни он думал, как импульсивно и неправильно поступил. В его глазах читалось великое желание услышать заветные слова.

Я постарался улыбнуться, но быстро понял, что прятать эмоции не умею. Лицо моё вмиг стало серьёзным.

— Господин Доброделов, будь я на вашем месте, я бы сделал более страшные вещи. Вы изолировали убийцу от социума, это было необходимо. Разве кроме него есть ещё здесь убийцы?

— По случайности убившие, имеются.

— Так то по случайности! — я понял, что лицо моё начинает принимать более уверенную «форму». Доброделов расслабил плечи. Ну, славно. Значит я говорю правильные вещи — Разные ситуации и мотивы: по самообороне убить или за деньги, вы же понимаете?

Он кивнул.

Я понял, что примеры мои довольно радикальны, но в такой ситуации — это меньшее, как я могу измениться в своих высказываниях.

— Я просто хочу сказать, что вы безоговорочно правы. Я не подлизываюсь, стараюсь быть честен с вами. Для меня такое поведение непривычно. — как — то я совсем разоткровенничался.

Матвей Александрович одобряюще кивнул:

— Я тебя слышал, Эдуард. Я благодарен тебе. Клянусь, я благодарен.

Оставшийся вечер мы обсуждали способы уговорить Маню, так называл эту упёртую девчонку мэра, забрать меня с собой. В перерывах мы декламировали басни, рассказы Пушкина, Крылова. Посмеялись над умением Толстого описывать дуб и не забыли упомянуть дерзость Есенина. Я и забыл, что у меня когда — то была тяга к чтению книг.

Мне понравилось общаться с мэром. Он был прост в диалоге и почти всегда мягок в высказываниях. Даже не мягок, нет. Аккуратен. Наверное, работа с людьми так сказывается.

К вечеру мы добрались до лавки, дед Макар привычно читал газету. Я заметил, что число на первой странице теперь изменилось, «18 ноября». Ровно неделя.

— Манёк пришла. — объявил он, заметив мою заинтересованность афишей на главной странице.

Я почувствовал, как ноги начинают становиться ватными. Я так долго ждал эту вредину, что передумал все возможные развития событий. Как она согласится, как откажет, что я буду делать, что не буду. Я продумал все возможные пути исхода и последствия после этих путей, а потом продумал последствия последствий. Времени у меня было предостаточно.

— Где она? — Доброделов спокоен, как удав.

— Да поди к дубу опять ушла, кто её знает.

— К дубу я ушла часов пять назад, дед Макар. — позади меня выросла аккуратная фигурка молодой розововолосой девчонки. Я замер, не смея пошевелиться. С виду можно было сказать, что я абсолютно не нервничаю. По крайней мере, я на это очень надеялся.

Девушка обошла меня и приземлилась рядом с стариком:

— Приветствую, Мария. — Доброделов протянул руку. Девчушка потянулась ответить на этот жест — Мария, душа моя, у меня будет к вам дело.

«К вам» — повторил я в мыслях — «К вам, словно она какой — то реально важный кадр. Коза расфуфыренная. Жесть.»

Девушка достала резинку из кармана синей обшарпанной парки и зажав её в губах, начала собирать хвост. Она перевела взгляд на меня, потом снова на мэра и вынув резинку изо рта, изрекла:

— Нет.

Внутри обрушились надежды, но воцарилась неутолимая злость. Как она смеет так смотреть на меня?

— Мария, я позволю себе быть сегодня настойчивым. — Доброделов выпрямил осанку, заключая руки за спину. Он был похож на солдата, который отчитывался генералу — Юноша неплох, весьма разговорчив и довольно коммуникабелен. Я давно не встречал такого человека, а потому принял решение просить вашей помощи. Поспрашивав у всего парка мнение, я могу выступить с такой просьбой от лица всего нашего общества.

Маша, затаив высокий хвост потуже, выпустила две пряди по бокам:

— Нет. — снова повторила она.

Я стоял и молчал, не зная, как не усугубить ситуацию. Единственное, чего я реально

хотел сейчас сделать — это просто напросто надавать тумачков этой мелкой дрянни. Воображение нарисовало картинку. Я блаженно улыбнулся.

Мэр подошёл поближе к девушке и медленно протянул руку:

— Я предлагаю нам пройтись, моя душа.

Машка отвела недовольный взгляд, потом снова вернула его на меня и раздражённо выдохнула. Подтянув знакомую мне сумку с значками, она вложила свою ладонь в ладонь мэра. Тот деликатно поднырнул под локоток девицы и они вместе начали удаляться, обсуждая прошедшую неделю. Чем дальше они отходили, тем сильнее слышался громкий смех Доброделова.

Я, выдыхая, приземлился на скамью.

— Вот же су...

— Ты огоди обзыватьсь. — прокряхтел Макар — Лучше иди прощайся со всеми, если Матвейка взялся, то он дело до конца доводит. Человек он такой был.

Я недоверчиво оглядел старика:

— Не верю.

Через полчаса Матвей Александрович возвращался в компании Ангелинки, которая неслась на меня с распростёртыми объятиями. Когда я распахнул руки для обнимашек, она неожиданно растворилась в воздухе и появившись сзади меня на скамье (я тогда уже присел на колени перед сидением), ловко забралась мне на спину.

— Ты уходишь? — поканючив, спросила она. Маленькие ручки цепко ухватились за шею. Я подсадил тело девчонки повыше и перевёл вопросительный взгляд на уже подошедшего Доброделова. Какая всё — таки говорящая фамилия, только сейчас заметил.

Он широко улыбался:

— Уходит — уходит! — подтвердил мэр.

Я не верил своим ушам. Он справился? Уломал вредину? Да быть не может!

Аккуратно опустив девчонку на землю, я побежал жать руку Матвею Александровичу.

— Вы правда смогли? — я всё ещё тряс руку бедного мужчины. — Как же у вас вышло, она ведь такая!..

— Добрая! — перебил Макар и закашлялся.

Я непонимающе на него посмотрел, а потом проследил направление его газеты, которая незаметно указывала на подходящую Машку.

— Я почти поверила, дедушка. — не удостоив меня и взглядом, она продефилировала с ровной спиной к Ангелине. Достав белоснежного зайца из сумки, «Сладкая Вата» (в дальнейшем просто «СВ»), потрепала её по голове и прошептав что — то на ушко девчонке, поднялась из сидячего положения.

Высокомерный взгляд холодно впивался в мои глаза.

— Ты идёшь со мной, говоришь, что тебя здесь держит и мы прощаемся, всё понятно?

Я скривил гримасу. Вот же...

Мэр, вынув руку из моей, незаметно ткнул меня в бок пальцем, отрезвляя мои позывы послать эту... Девушку, куда подальше.

Я кивнул.

— Время на прощание надо?

— Да.

— Десять минут. Жду на выходе.

Дальнейшие пять минут я перемещался от одной компании к другой, обнимаясь со

всеми и благодаря. Неделя впервые так сблизила меня с людьми.

Наконец я снова появился возле скамьи, там меня поджидали Доброделов и Макар.

— Спасибо вам ещё раз! — не унимался я — Спасибо!

Мэр всё так же тепло улыбался, а Макар недовольно бубнел.

— Ишь, горластый! Топай уже! Замотал!

Я впервые обнял старика, заставляя его знатно ошалеть, пожал руку мэру и подойдя к невидимой черте, которая останавливала меня, слегка ступевался. Боялся снова ощутить эту стену.

Протянув руку, я начал ощупывать пространство. Препяды не было. Лицо моё растеклось в блаженной, даже слегка сумасшедшей улыбке. Я рванул к воротам и у самого выхода из парка остановился. Повернулся и осознав, что добрая часть нашего мини — города махала мне на прощание, чуть не расплакался. Я махал в ответ.

Переступаю границу парка. Оказывается, она была очерчена солью. Мою настрадавшуюся плоть слегка обжигает покалывающими «искорками», улыбаюсь. Пусть и такие ощущения, но всё же я успел почувствовать.

Ноги автоматически замерли, когда передо мной впервые «после» стали проплывать знакомые городские сюжеты. Вот девушка спешит на работу, кофе выныривает из бумажного стакана прямо на её белые кроссы. Какая — то слегка злорадная улыбка появляется на моём лице. Ну, а что. Сама виновата. Так торопится, будто ей есть куда спешить. Ничего в нашей жизни не достойно спешки, как недостойно и промедления. Я понял это. Теперь понял.

Рядом со мной снова проходит собака, та самая, что зарычала на меня на прошлой неделе. Я приветственно кивнул, корги снова шуганулся и поскуливая, вернулся к хозяйке.

Грудь привычно приподнялась от накатывающего раздражения.

Слева, растерявшись, взвизгнула девушка, что шла под руку с своим кавалером. Писк собаки слегка испугал её, и она сильнее сжала руку юноши. Тот гордо улыбнулся. Ну а как же, геро — о — ой.

Я закатил глаза. После расставания с Ленкой, моё существо категорически не принимало все эти «нюни». Фу.

— Раздражаешь. — оборачиваюсь. «СВ» стояла на корточках, очевидно, делая вид, что завязывает шнурки — Сколько прикажешь мне ждать, пока ты насладишься здешними пейзажами?

— Ты не смотришь на меня. — констатировал я.

— Вау, да ты умён не по годам! — раздражённо шепчет девушка — Если люди заметят, как я переговариваюсь с пустым местом, что, по — твоему, случится? — она аккуратно приподнялась и начала «отряхивать» штанину — Так, — Маня всё ещё не поднимала взгляда от джинс — Моя машина на обочине, справа. Придунок, я говорю справа. — я удивился, как быстро она заметила, что я повернулся не в ту сторону. Наконец, СВ подняла голову и вытащила из кармана парки телефон. Девушка приложила кирпич к уху и уставилась прямо на меня — Если ты не будешь на месте буквально сейчас, — злость в её глазах накатывала с какой — то пугающей скоростью — Моё время для тебя истечёт.

Я кивнул и направился следом за улепётывающей женской фигурой. Только сейчас заметил её миниатюрность. Рост не более 160, худощава, весьма спортивного телосложения, но не сказать, что специально занимается. Скорее, просто часто ходит. Шаг у неё и правда довольно шустрый. Был бы я в прежней своей версии, более живой, я бы наверняка отстал.

Спустя минуту, мы уже сидели в миниатюрной «Кие», насколько я помню, модель «пиканто», но могу ошибаться.

Девушка лёгким движением завела автомобиль, далее аккуратно выжала сцепление и наконец потянулась к рычагу передач. Я был удивлён. На вид ей лет 17, но она так умело всё делает, что это вызывает нескрываемое восхищение.

Мы уже выехали на знакомое шоссе, когда я решил задать вопрос:

— Так, у тебя есть права? — Эдуард, ты сегодня жжёшь. Не знаю даже, как прокомментировать собственную «школьную» навязчивость. Вдруг словил себя на мысли,

что каждый раз, когда пытаюсь заговорить с Марией, чувствую себя отвечающим возле доски школьником.

Маня бегло бросила на меня раздражённый взгляд и вернула его обратно к дороге.

— Просто ты выглядишь молодо, и я слегка запутался. — я предпринял попытку снять с себя клеймо идиота. В ответ тишина. — Не пойми неправильно...

— Ты не можешь сидеть молча? — она включила поворотник — Пожалуйста. Ты правда отвлекаешь.

Я был снова ошарашен. «Пожалуйста». Сегодня я умру второй раз? В чём причина такого поведения? У неё проблемы с головой? Биполярное расстройство или что там?

Но взаправду, в ответ я лишь кивнул и отвернулся к своему окну.

Спустя 10 минут «доброй» дороги, мы встряли в пробку. Маня нервно отбивала ритм по рулю. Я заметил её длинные худые пальцы.

— Занимаешься музыкой? — решаюсь сделать вторую попытку. Девушка выдыхает.

— Ранее занималась, да.

Фу — ух, наконец — то нормальный ответ. Напряжение слегка встряслось.

— Как тебе?

— Что именно?

— Ну, музыка.

Тишина. Комментарии излишни. Я явно попал впросак.

— Нормально. — машинально вздрогнул. С момента, когда я задал вопрос, прошло уже не менее пятнадцати минут. — Ранее, — неужели она решила взять инициативу на себя? Я точно умру второй раз — я играла на сиринге.

— Сиринге? — теперь я стопроцентно походил на вопрошающего школьника.

Маня кивнула, наш ряд потихоньку трогался, Kia не отставала.

— Такая флейта со многими трубочками. Может, видел при жизни.

Я призадумался.

— Как у фавна? Из «Хроников»? — от энтузиазма я подскочил на сидении и повернулся в пол оборота к водителю. Девушка дёрнулась, но сохранила самообладание.

Она мельком отследила моё положение и расслабила напряжённые плечи при осознании дистанции.

— Я не понимаю о чём речь.

— Ка — а — ак? — мою интонацию в пору назвать детской, потому что эмоции у меня хлещут через край. Я уже говорил, что последние три года я прибывал в глубочайшей депрессии. В середине этой истории я даже не мог встать с кровати ради «облегчения». Стыдно признавать, но я купил себе мобильный горшок. Это была не лень, а всепоглощающее чувство усталости и уныния, которые так умело руководили моим состоянием. Я не был расстроен чем — либо, мне было плевать на бывшую и на всё происходящее в принципе. Если у меня была возможность остаться дома — я это делал. Потом немного отпустило, но на смену этому этапу, пришёл другой: алкоголь. Ну в общем, история длинная.

А сейчас я чувствовал себя, словно мне вновь одиннадцать.

Это я к тому, что времени у меня было предостаточно. Я пересмотрел и перечитал всего «Поттера», «Хроников» и даже некоторые манхвы. Быть может, у моей новой знакомой просто нет столько свободного времени — Так ты правда не видела «Хроники Нарнии»? А читала хоть?

Мария помотала головой и снова включила поворотник. Мы съезжаем на пригородную дорогу. Тут уже нет пробки и более спокойное «течение» машин.

— Же — е — есть... — протянул я и вызвал явное недовольство Машки. Она как — то слегка съёжилась и сильнее вцепилась в руль. Хотя... Может, это смущение? — Я не хочу сказать, что это плохо, правда. Я имел ввиду, что это для меня удивительно. Ты не смотрела такую картину... А «Гарри Поттера»?

Машка улыбнулась и расслабила плечи:

— Смотрела! — гордо заявила она. Мне даже показалась, что она кокетничает, но резкий рывок вперёд отвёл такие мысли. Машина начала набирать ход.

— И кто любимый персонаж? — мой инстинкт самосохранения внезапно решил проявиться, и я посильнее вжался в кресло, но старался виду не подавать. Я же мужчина в конце концов.

— Хагрид. — девушка бросала беглые взгляды на зеркала заднего вида и боковые, аккуратно маневрируя меж машинами, вела своё авто очень уверенно. Маня постепенно сбавила скорость на светофоре и приостановила транспорт, когда цвет сменился на красный — На меня похож.

Я улыбнулся, почувствовав себя в «живом» диалоге. Молча кивнув, я снова отвернулся к своему окну. Моё удовлетворенное настроение настойчиво растекалось по груди.

— Матвей Александрович сказал, что ты зазря растрачивал свою жизнь последние года. Расскажи мне об этом. — машина снова двинулась. А ей явно не занимать деликатности при темах разговора.

Глаза мои расширились, и я повернулся с удивлённым лицом к водителю:

— Зачем?

Девушка начала заворачивать:

— Я взяла тебя под свою ответственность. Вопросы задаю я. — она не отнимала взгляда от двора.

Спустя десять минут мы поднимались по подъездной лестнице в довольно удушающем молчании. Только мы, казалось, нашли общий язык и вот опять. Я чувствовал вину.

Мы зашли квартиру на первом этаже. Переступив порог, я почувствовал, как тело начинает сильно и больно обжигать. Крик мгновенно вырвался изо рта.

Маня быстро спохватилась и бросив расшнуровку кроссовок, что — то прошептала себе под нос, попутно выпрямляясь. Жжение рассеивалось, словно «стекая».

— Что это было?! — я «тушил» свои руки и ноги похлопывающими движениями, пытаюсь ускорить процесс.

— Защита от духов. — Маша была абсолютно спокойна, даже бровью не повела. Пожав плечами, она сняла сумку и отыскала пушистые розовые тапочки. Ловко просунув обе ножки, девушка прошаркала на кухню — Идешь? — казалось, она стала более дружелюбной, чем была до этого. Я проследовал следом. Короткий коридор с старыми обоями, по стенам которого располагались туалет и ванная комната. В самом конце — кухня.

Маленькая комнатуха, довольно уютная по своему устройству, но от того не менее захлавленная. Везде весят сушёные цветы и какие — то травки. Запах божественный, удачно подобранное сочетание душистых растений, давало знать о ознакомлённости девушкой по части ароматов. В раковине гора грязной посуды: пара кастрюль, тарелка, с уже приевшейся гречкой и сковорода с остатками яичницы. Стол полностью завален газетными свёртками с неизвестным содержимым, на подоконнике одиноко стоит кактус. Если бы я не помнил

свою квартиру, уверен, подумал бы, что эта местность — мой родной уголок, ну или уголок любого уважающего себя холостяка.

Я заметил, как СВ ставит цветастый чайник на плиту. Ловким движением поджигает конфорку и начинает перебирать всящие над плитой травы.

— Присаживайся. — не поворачиваясь, скомандовала она. Достав какую — то сиреневую веточку, девушка бросила её в стеклянный чайник для заварки.

Я послушно присел на ближний стул.

— Так, ты собираешься игнорировать мой вопрос? — Маша наконец повернулась ко мне.

— Вопрос? — я уже и правда забыл про её интерес к моему прошлому — А, вопрос. А выбор у меня есть?

— Нет.

Я скривил лицо, словно меня заставляли есть ненавистный рыбный суп. Она очень настойчива.

— Что тебе успел рассказать Матвей Александрович?

Маша приподняла бровь, скрещивая руки на груди.

— Какое это имеет значение? Расскажи мне всё, полностью.

— С чего такой интерес?

Девушка сохраняла спокойствие:

— Я уже говорила про вопросы.

Я инерционно сузил глаза, но быстро их расслабил, понимая шаткое своё положение.

— Я был в депрессии три года. Фактически, умер я три года назад, месяцем ранее я лишь подтвердил статус официально.

Маня кивнула:

— И? — я удивлённо на неё посмотрел.

— И?

— Ну, что дальше было и что было до этого? Расскажи мне ВСЁ. — последнее слово она специально выделила интонацией, не оставляя мне шанса «съехать» с темы.

Я закатил глаза.

Чайник начал издавать привычный свист, закипая. Мане пришлось отвернуться, чтобы залить растение кипятком.

По причине звука чайника, секундой я оказался в родительском доме, на такой же маленькой кухне, разве что, более прибранной. Мама с какой — то неестественной усидчивостью оттирает и так чистую плиту, ну, так мне казалось во всяком случае. Маленький я, то и дело роняет рис с ложки, отец без устали над этим посмеивается и раз за разом передразнивает попытки полностью донести еду до рта. Тогда я злился и обижался, сейчас ностальгически посмеиваюсь, разглядывая Манины пушистые розовые тапки.

— Прикольные потапуськи. — попытка отвлечь хозяйку от темы моей жизни «при жизни» не уставала быть.

Девушка перелила мутную жидкость из чайника в прозрачную кружку. Размешав стебельки растения, она наконец «приземлилась» напротив меня.

Отхлебнула:

— Спасибо. Так, что на счёт моего вопроса?

Улыбка с моего лица спала, я нахмурился.

— Да не хочу я тебе рассказывать! — наконец взорвалось терпение. — Что ты, как из

банка, чес слово!

Мария подняла на меня взгляд исподлобья, это заставило усмирить нарастающее раздражение. Я откашлялся, выгоняя ком из горла.

— Это трудная тема.

Маша молчала, не отнимая взгляда от моего стушевавшегося сознания. Я почесал нос и поёрзал на стуле, пытаюсь устроиться поудобнее.

— Да — а — а, блин. Перед смертью не надышишься. — выдавил я.

Машка как раз отпивала из кружки и тут же прыснула своим недо — чаем из носа. Смех настиг её внезапно. Секунд десять она не могла откашляться от нарастающего «ха — ха», но, когда заметила, что я испуганно её разглядываю, начала смущённо прикрывать лицо ладонью.

— Прошу прощения. — проглатывая очередной смешок, пропищала девчонка — Не знаю, что на меня нашло.

— Чёрный юмор, подруга, дело такое. — я всё ещё ошарашенно вглядывался в свою новую знакомую. Никогда бы не подумал, что такое хрупкое существо может так сильно ржать над шутками про кончину. Приметив, что Машка отводит от меня взгляд, пытаюсь спрятать слёзы от ранее вырвавшихся эмоций, я снова потянулся к кончику носа. Я и сам засмутился. — Ты меня тоже извини.

Она кивнула. Резко выдохнув, девушка отставила кружку.

— Я пытаюсь понять, что народ заставляет радоваться смерти, Эдуард. Мне близка эта тема, потому что... — она запнулась и снова вернула в руку напиток — Просто потому что. А люди — то...

— Ты рассуждаешь так, будто сама себя человеком не считаешь. — и с чего я сделал такие выводы вообще... Эта её фраза: «Что народ заставляет радоваться смерти» звучала интересно.

Машка почти незаметно прикусила губу, уверен, она и щеку с внутренней стороны сейчас кусает. Я задел её за живое?

Маня быстро собралась и снова хлопнула «чаем»:

— Я и не считаю. — ответила она — Будто ты считал себя частью этого чёртового гнилого общества.

Я почувствовал лукавость, но не придавал значения. Во мне заиграл азарт, может хоть так получится её отвлечь?

— Как — то ты нелицеприятно отзываешься о месте, где живёшь. Тебе не нравится страна?

— Важная ошибка, Эдуард. Я говорила о людях. Не о месте.

Попытка сбить с толку провалена. Что ж ты такая внимательная?

— Читаешь много? Такие рассуждения и такое поведение в семнадцать — то лет.

— Потому что мне, блин, не семнадцать. — кружка с грохотом приземлилась на стол. Я не понял, что вызвало такую реакцию — Ты достал уже, честное слово! Я сразу заметила, что ты не видишь «лица», а ты ещё и возраста не различаешь. Мне двадцать один, понял?

Я кивнул.

— Не вижу лица? — не особо интересно, что она имела ввиду... Больше интересует, почему она так бабахнула — Чё орать — то?

— Да потому что предвзятое грёбанное отношение уже вот где сидит! — она поднесла руку к горлу, голос её теперь становился громче — Сил нет! Ехала вчера, сегодня, месяц

назад по грёбанному Троцкому, угадай, сколько раз меня останавливали? Каждый раз! — она не дала и слова вставить, вопрос был риторический, я понял — Каждый раз останавливают и каждый раз один и тот же диалог, нет бы сразу права спросить, так фиг там, они мне: «Гражданочка, а лет — то вам сколько?» и ещё так щурятся мерзко! Задолбали! Лукавая улыбка, видно, что взятку хочет! А я им: «На те — с, барин, пожалуйста — с, всё есть: права, СТС, аптечка! Всё имеем — с!»), а они так удивлённо смотрят. Один, знаешь, что сказал? — я подпёр рукой голову, мне стало до жути интересно — Говорит: «Срать я хотел на твои документы, может ты их, говорит, подделала. Поедешь в участок за фальсификацию!» Ты прикинь! А мне надо спешить было, рвалась только так. Ну, я на три весёлых послала его и газанула. А мне штраф прилетел! Что за логика тупая: если в машине девушка, то она обязательно либо «обезьяна с гранатой», либо «нелегал»?

До этого момента я кивал, но, услышав про последние действия знакомой, немедленно остановился:

— «Послала и газанула»? — я попытался скрыть саркастичную интонацию.

Маша кивнула.

— И только штраф прилетел?

Она свирепела на глазах:

— «Только»?! — передразнила Манька — Все мои документы в полном порядке, я сама сдавала на эти чёртовы права! А он меня за фальсификацию! Что за высосанная из пальца причина?! Хоть бы проверил!

— Тебя ж привлечь могли за «отказ лицу при исполнении». Там срок, вроде, имеется. Несколько суток.

Девушка залпом допила оставшуюся жидкость:

— Я не терплю к себе такого отношения. — подытожила она — Если бы причина меня удовлетворила, я бы сделала всё: как полагается, по правилам. Но он их нарушил первый. Я ещё в начале сказала, что спешу, а он начал размусоливать по три часа! Но это чёрт с ним, ничего страшного. Я позднее с ним разобралась и расплатилась за такую подлянку. — девушка на удивление быстро осела. Положение её тела стало гораздо более расслабленное и уверенное, она с некоторой элегантностью закинула ногу на ногу.

Я почувствовал себя очень неудобно. Почему — то эта её интонация показалась мне очень и очень пугающей. Бояться мне, как такового, конечно, нечего. Но справедливости ради, шестое чувство при жизни меня редко подводило.

— Ты очень довольна собой, да? — я старался не показаться собеседнице подозрительным. Старался насколько это было возможно, потому что в голове у меня возникла масса предположений. Деваха видит призраков, почему? Может, она убивает людей за этот дар? Может, продала душу сатане? Кто она, что она? Ну и паникёр ты, Эдик! Боже! Бедный ДПС — ник!

Машка приподняла бровь и откинулась на спинку стула посильнее:

— Да, тогда я очень гордилась собой. Это чистая правда. — она начала кокетливо покачивать тапком — Потом выяснилось, что я могла потратить гораздо меньше ресурсов.

«Ресурсы» — до боли знакомое слово. Когда мы в очередной раз вышли с Колянчиком пройтись, он, якобы случайно, подвёз меня прямо к центру психологической помощи. Там меня любезно встретила уже предупреждённая моим любимым другом, довольно милостива девица, как выяснилось в дальнейшем, мой психолог. Она быстренько завела меня в кабинет, оставив Кольку за дверью. Усадив меня на удобное кресло, начала задавать весьма общие

вопросы: был ли уже опыт с психологом, как себя чувствую в последнее время, чувствую ли дискомфорт, прибывая тут. Я лишь отрицательно вертел головой, иногда прерываясь на своё привычное «увы» и продолжал с достоинством выдерживать новый и новый залп вопросов. Дискомфорта мне испытывать не приходилось, просторный светлый кабинет приветливо укутывал атмосферой тишины и спокойствия, девушка была ненавязчивой, держалась в моих границах. Малейшее моё недовольство было тут же подмечено и записано в блокнот. Я не придавал этому большого значения, потому, как не придавал большого значения всему происходящему в принципе. Зелёный фикус смешно отражался в окне, что заставляло меня раз за разом отвлекаться на причудливые картинки. Разумеется, я пытался всё делать незаметно, но учитывая, где я находился... Сделать это было трудно.

— Я имею предположение, которым хочу с вами поделиться. — тихонько прервала меня психолог.

Я кивнул:

— Буду рад услышать.

— По моему мнению, как специалиста, вы прибываете в депрессии, я могу помочь вам с этим разобраться, если вы будете со мной заодно.

— Ощущение, что у вашего предположения имеется продолжение.

Девушка сняла очки:

— Буду с вами откровенна. Синдромы, которые вы и Николай описали мне, — твою мать! Ну, Колян, вот козлиная болтливая — Крайне опасны. Вы, как я считаю, запустили механизм нарочного самоуничтожения. Эдуард, вы в критичном состоянии. Ментальное здоровье также важно, как и физическое. Вы слышите меня?

Я кивнул.

Мы «словили» продолжительную тишину. Ни она, ни я не проронили ни слова в течении пяти минут. Я заворожено наблюдал за отражением фикуса, который любезно кланялся мне при дуновении сквозняка, а она сосредоточенно писала, как я думаю, отчёт на компьютере.

— Эдуард.

— Это выйдет за пределы кабинета? — Я наконец сказал более одного слова. Девушка на секунду онемела.

— Нет, разумеется, нет. — психолог поднялась с кресла и обошла стол, оказываясь прямо передо мной. Я заметил её точенную фигуру. Иногда моя внимательность меня поражала, иногда раздражала. Сейчас это просто отвлекало. — Я допустила ошибку, упомянув Николая. Извините.

Мне захотелось начать отнекиваться, но сил на подобные действия не было, да и желание — то, как таковое, быстро исчезло.

— Не поймите меня неправильно. Я не глупый подросток. Я сам всё прекрасно осознаю и знаю, насколько сильно могут волноваться мои друзья, в частности... — я бросил беглый взгляд на дверь. Девушка понимающе кивнула. — Но я не стану сейчас заниматься этим вопросом. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего или как там?

Привычное умиротворённое выражение лица специалиста наконец сползло. Не то чтобы я добивался этого, но некоторое удовлетворение я всё — таки получил.

— Вы несомненно правы. Я не стану с вами спорить. — она снова поправила очки и двинулась обратно к креслу — Консультация завершена, мы уложились в час.

Я молча поднялся с кожаной сидухи:

— Но Эдуард, — психолог не отрывала взгляда от экрана монитора, продолжая что — то набирать на клавиатуре — вокруг вас есть люди, которые хотят вас слушать, я говорю не о себе. Советую принять это во внимание.

Я изобразил жест прощания, приподнимая невидимую шляпу и молча удалился из кабинета. Колька терпеливо ждал возле двери и завидев меня, широко улыбнулся. Я нехотя улыбнулся в ответ. Он ничего не спрашивал, только молча положил мне руку на плечо, и мы вместе удалились из этого места. В машине пару раз друг пытался аккуратно начать тему, но не заметив особого желания с моей стороны, наконец отбросил попытки.

— Почему ты говоришь, как маньяк? — не выдержал я. Окунувшись в моменты воспоминаний, я от чего — то набрался смелости.

Манька слегка смутилась:

— Как маньяк?

— Ну, вот это твоё: «Я с ним разобралась, расплатилась», это же реально жутко.

Брови «СВ» сползли к переносице, но выражение их было не злым, вовсе нет. Оно было каким — то отчаянно непонимающим, словно я ей сказал какую — то теорему из школы, а она, староста класса, знающая каждую тему наизусть, ни разу не слышала о моём «способе» решения. С глаз быстро исчез вспыхнувший огонёк горделивости, сменяясь грустью. Я снова почувствовал потребность оправдаться.

— Ну, я имею ввиду...

— Нет, лучше молчи. — поднимается, не глядя на меня. Она совершенно точно выбрала точку в противоположной стене, чтобы не отвлекаться на рядом сидящего. Я знаю, я так делал. — Комната справа твоя. Располагайся. В мою не входить. Нарушишь правило — вылетаешь.

— Меня отправят к навкам? — я предпринял попытку разрядить обстановку своей шуточной догадкой.

Манька отставила кружку в раковину:

— К ним.

В горле возник ком. Сразу вспомнилась любимая фраза Сани, которую он цитировал при каждой удобной возможности: «Топ пять пранков, вышедших из под контроля». Я нервно сглотнул.

— Всё, понял.

Ещё минут пять мы прибывали в тишине. В очень неловкой душащей тишине. Манька занялась грязной посудой, я же сидел позади. Так продолжалась бы ещё долго, я думаю, если бы не её неуклюжесть.

По квартире раздался звук бьющейся посуды.

— Твою ж!.. — я вскочил с места. По мне пробежалась фантомная боль. Осколки долетели прямо до моих ног и слава богу, пролетели сквозь них.

Машка стояла в оцепенении. Я заметил, как у неё подрагивает рука. С пальца начала сочиться кровь.

— Мария?

Девушка не ответила. Она уставилась куда — то в одну точку, взгляд стал напоминать кукольный.

— Маша? — я поднырнул под лицо девчонки, акцентируя внимание на себе. Она вздрогнула.

— Чё творишь? — огрызнулась хозяйка — Тебе место мало, ты решил на меня залезть?

Я выпрямился, став на порядок выше СВ. Неприятно.

— Да уж, благими намерениями. — сказал, как отрезал.

Девчонка приподняла бровь. Вид непонимающий. Не уж то не заметила, как зависла? Может, она вообще уснула на тридцать секунд? Ну, и странная же эта Мария.

— Ты, случаем, кошкой нигде не подрабатываешь? Может, ты не только призраков видишь, но ещё и в животных обращаешься?

Маша посмотрела на меня, как на идиота. Понятия не имею, как описать этот взгляд, но он был хорошо мне знаком. Дома на меня так часто смотрели.

— Я просто не выпалась. — не моргая, произнесла она.

Я почувствовал неловкость.

— Ладно — ладно. — запричитал я — Подумаешь. Смею предположить, посуда у тебя долго не держится.

Снова присев на своё место, я повернулся к окну. Как хорошо, что я не отражаюсь. Видок мой сейчас, прямо скажем, не из приятных.

— Меня напрягает твоя внешность. — ведьма будто читает мысли. О, нет! А если и правду умеет?!

«Шесть, семь, девять!» — в голове я перебирал спонтанные числа. Хотел проверить измениться ли реакция Маньки на меня, но к моему удивлению, она продолжила смотреть тем же взглядом, что и до этого, но теперь там кажется появилась толика жалости.

— Скажи, как есть, Эдуард. Ты больной? Почему ты так ошарашенно на меня смотришь? Что с тобой?

Я выдохнул. Привычки с жизни.

— И что прикажешь мне сделать? Макияж? Грим? — я невольно бросил взгляд на свою обгоревшую ногу. Штанина сильно вьелась в кожу. Это даже выглядело больно, я уж не говорю про ощущения при жизни. Жесть.

В голове возник момент, когда я только — только увидел себя мёртвым. «Грим! Это точно грим!» — кричал я себе.

Девушка раздражённо закатила глаза. Ловко провернувшись на пятках, ведьма потянулась к верхней полке. Раздвинув пару баночек с какими — то приправами, девчонка вытащила плесневелый кусок хлеба. Также ловко достала нож и быстренько «скорябала» крошки с очерствевшего хлебобулочного изделия. А мне говорили, я странный.

Что — то пошептав над жертвой, девушка резко развернулась и дунула этой трухой на меня. От неожиданности вздрогнул и чуть погодя, чихнул пару раз.

— Ты! — вырвалось у меня — Ты просто невыносима! У тебя явно привычка людей фигнёй обдывать!

Девчонка пожалала плечами. Разворачиваясь обратно к мойке, она почти шёпотом, начала что — то говорить. Мне пришлось напрячься, чтобы услышать:

— У меня есть зеркало в соседней комнате. — Спасибо за информацию. Она похвалилась мне? Стоит оценить интерьер? — Оно для духов. — уточнила хозяйка. Я потупил взгляд. — Советую тебе глянуть на себя. А, и да. — Деваха указала ножом на какое — то расписание, прилепленное к холодильнику. Я начал вглядываться. — Меня в это время не будить. Услышу шум — выкину.

Надписи на магнитном поле с сердечками гласили:

8 — 9 утра — Я сплю.

9 — 10 — Я ем.

10 — 18 — Я сплю.

18 — 23 — Ищу духов.

23 — 6 — хороню души.

6 — 8 — занимаюсь йогой.

Ну а что, обычное расписание двадцатилетней одинокой женщины. Ничего удивительного.

Сквозь свои саркастические рассуждения, я мельком услышал мяуканье за окном. В голове снова возник образ домашнего жителя, оставшегося без присмотра на целый месяц. И на всю жизнь...

Мария уже закончила намывать посуду, когда снова повернулась ко мне:

— Видит бог, я не хочу это спрашивать, но почему — то мне кажется, что стоило бы. — она глубоко вздохнула — Чего грузишься?

Я поднял грустные глаза на СВ. Рассказывать ей о Персике не хотелось, но её слова про «почему — то кажется, что стоило бы» меня слегка удивили. Я следом отвёл взгляд.

— У меня кот был при жизни. — тон получился грубым. Я не хотел. Машка не отреагировала — Персиком звали. Вредное создание, но любимое.

Девушка кивнула:

— Знаю. Ну, в смысле, про потерю любимых животных. — поспешила объяснить Машка, завидев мой удивлённый взгляд — У меня как — то был пёс. — она обняла себя за руки — Пришлось оставить в краях, где я родилась.

— Родных краях? — мне порезало слух это её «в краях, где родилась».

— Я не ошибаюсь в выражениях, Эдуард. Я сказала так, как сказала.

Девчонка горделиво отбросила волосы, которые лезли в глаза.

— Ты уйдёшь сегодня с кухни или нет? — в голосе послышалась раздражительность. Видно, моя педантичность её задела.

Я, спохватившись, подскочил. Правда, сам не понял, почему так резко это сделал. Секунду спустя осознал, что ноги непослушно тронулись с места. Всё тело не слушалось. Сейчас всё выглядело так, словно меня связали по рукам и ногам, и заставили танцевать.

Моя тушка неловко покинула кухню и перебирающими движениями, пошла к указанной комнате. Вскрикнуть не удавалось, да что там «вскрикнуть», даже возразить не удавалось. Колдовство, не иначе!

«Ведьма поганая!» — вертелось в голове — «Нежить сволочная!»

К тому времени, как я успел перебрать все ругательства, я уже пересёк границу закрытой комнаты. Спасибо, что призраки могут проходить сквозь поверхности. Хоть какие — то плюсы.

Помещение было довольно маленькое, не более двух метров в длину и ширину. Честно говоря, пространство скорее напоминало гардеробную. Ну да, гостеприимность уровня «VIP». Хотя, чего это я? На что рассчитывал? На что надеялся? На отдельный дворец с видом на Эйфелеву башню?

Осмотревшись, обнаружил, что в комнатухе даже нет кровати. Ни кровати, ни дивана, лишь одна почти сломанная табуретка. По стенам развешены плакаты с различными группами, как странно, «КиШ» — а здесь нет. Удивительно. По углам пыль. М — да, а маман говорила, что все девушки аккуратны и что с таким свинтусом, как я, никто жить не захочет. Во, ирония. На полу слой опилок. Маленький столик возле окна, которое скорее напоминало форточку, приветливо манил меня разложенными старыми книгами. Уметь бы

ещё переворачивать страницы...

— Блин, Ваточка! — я не выдержал раздражения — Ну чё за дела, милая?! Что ж тут даже кровати нет для дорогого жителя?!

На кухне послышался дикий ржач. Он продолжался с минуту, потом я услышал шумный топот ног, с каждым шагом приближающий меня к посмертному инфаркту. Клянусь, такого грозного «топ — топ — топ» я ещё ни разу не слышал.

Дверь в комнату распахнулась. Я сжался внутри и выпрямился снаружи. Машка осмотрела меня с ног до головы, после чего лицо её озарила гаденькая усмешка. Глаза засверкали лукавостью, девчонка произнесла:

— А с каких пор призраки храпака дают, а? — она сильнее впилась в меня взглядом.

Вопрос поставил меня в тупик. Точно, призраки ведь не спят. По привычке спросил про спальное место... Хотя, стоп. На скамейке деда Макара, я стабильно почивал с трёх до восьми утра каждые сутки.

— Обычные не дают. — уверенность в голосе пополнила собой ряды страха и удивления от его наличия — А я вот не обычный.

Девчонка приподняла бровь:

— Чувство собственного достоинства при жизни, полагаю, было ещё выше? — я обмяк и замолчал. Ну что за вредина? — Практикуй левитацию возле зеркала. — Машка на носочках просеменила к шкафу, заполнявшему большую часть пространства. Открыв с скрипом дверцу, девчонка кивнула внутрь.

Я медленно приблизился к деревянному гиганту. Заглянул за дверцу и остолбенел.

Одежда была полностью цела. Джинсы привычно мотались на ногах, толстовка, слегка помятая местами, облегала тело. Кроссы всё такие же грязные, но целые. Руки не обгорели, ноги не обгорели. Злосчастная лодыжка в нормальном положении. Смотрит чётко прямо. Лицо... Моё лицо абсолютно цело! Те же глаза, тот же рот. Я приподнял руками губы, раздвигая их в разные стороны. Ну точно, знакомый кариес!

Машка удивлённо за мной наблюдала.

— Ты точно больной. — она развернулась и направилась к выходу — Кого приютила, на кой чёрт... — причитала она, удаляясь.

Я всё ещё не мог поверить своему счастью. Ноги начали радостно прыгать, руки сами взмыли над головой. Я начал выдавать абсолютно рандомные движения, не упуская возможности в сотый раз вглядываться в целую плоть. Я готов был кричать от благодарности. Я готов был обнимать! Целовать! Подарить весь мир за такой сюрприз!

Хотя, пожалуй, два последних моих порыва я заберу обратно, но я готов был на многое!

— Маша, спасибо! Машка! Спасибо! — вырвалось у меня.

За дверью снова послышались шаги.

— «Какого дьявола ты здесь шумишь?!» — с интонацией дяди Дурсли, произнесла СВ — Ты и так мне должен, теперь должок увеличился. Сегодня с тобой пойдём отрабатывать благодарность, милоч. — Машка снова гадко усмехнулась — Готовься, Эд. — мне стало страшно.

Мельком я отследил, что она, кажется, подмигнула в зеркало, ведь смотрел я на неё именно через него, но танец моих потряхивающих поджилочек это не остановило.

Из — за двери высунулась половина розововолосой. Девушка, очевидно, озиралась. Она осмотрела одним глазом всю комнату и, убедившись в «чистом» пространстве, зашла внутрь целиком.

Просторный зал по приветствовал переливающимся светом. За окном уже начало темнеть, смена сезона в этом году проходит как — то слишком скоро. Розовый закат залил всё помещение.

Машка сделала глубокий вдох. Заперев дверь на замок, девчонка вприпрыжку проскакала к компьютерному столу. Скинув на ходу свитер, деваха плюхнулась на стул и даже слегка потеряла равновесие, но удержалась за краешек деревянного.

Данная комната составляла большую часть квартиры и, по размерам, была примерно «семь на пять». Правый угол был уставлен с шиком: кровать с тёмным балдахином, рядом маленький ящик с ночником, в виде фиолетового пингвина, чуть дальше расположилась напольная вешалка, к слову, она была абсолютно пустой, лишь внизу была выставка из кроссовок, кед, валенок и берец. Ни одной всящей футболки или платья. Зато напротив, как раз там, где и сидела Манька, на трёх табуретках, составленных в ряд, царил настоящий хаос. Скомканые джинсы, с десятков ярких футболок, возможно, даже парочка платьев и огромная (ОГРОМНАЯ) гора разноцветных носков, неприветливо нависавших над хозяйкой квартиры.

Та, обнаружив кусок булки на столе, не обратила внимания, как снова добавила пару носков к горе. Девушка была увлечена экраном, на котором, то и дело, переливались картинки. Быстрыми щёлканиями мышки, Мария приступила к геймингу. Булка с удивительной скоростью пропадала во рту девахи. При чём исчезало изделие без особой помощи рук. Маня запрокидывала голову и откусывала по кусочку.

Остальная часть комнаты была заставлена какими — то совершенно не вписывающимися в интерьер, странными вещами. Или лучше сказать, несуразными.

В одной стороне синяя двухсотлитровая бочка, где вот — вот распластается стопка книг, которая, (может, тебе интересно, читатель) тряслась от каждого дуновения ветерка. Машка приходила в восторг, в очередной раз замечая, что стопка до сих пор на месте. Рядом несколько лопат, лейка, одна зелёная резиновая перчатка. Бочка поменьше, канистра почти того же размера и тумба, на которой уместно (в данном контексте) лежали ножницы, тетрадка и картон. Чуть ближе к выходу, расположился большой прозрачный мешок с мягкими игрушками, мини — холодильник, залепленный всякими магнетиками и чёрный мусорный пакет. Отдельной вишенкой на торте стала светодиодная лента, переливающаяся разными цветами, которая была кое — как прилеплена по периметру комнаты.

По стенам же, были развешаны ещё штук пятьдесят плакатов, самых различных групп. Среди прочих, можно было заметить: Linkin Park, Nightwish, Mayhem, Кино, Йорш и Радикальный метод, выделяющиеся гораздо большим размером, чем остальные.

— Меня поражает, как ты здесь уживаешься.

Девчонку резко разразил приступ кашля из — за застрявшей в горле крошки.

— Да уж, Мария. Приветствие, как всегда на уровне. Не удивлён. — из — за тёмных штор медленно вытекала тень, заполняя пространство меж дверью на балкон и кроватью. Секунд тридцать спустя перед девушкой уже вальяжно расхаживал брюнет в шёлковой

сорочке.

Девчонка уже откашлялась, когда парень присел на край кровати, деловито закинув ногу на ногу.

— Как дела, дорогая?

— Какого лешего ты здесь забыл? — СВ медленно поднялась — Покинь мой дом. — осознав, что она сейчас стоит в своём голубом бра и джинсах, девчонка быстро прикрылась, сверля злым взглядом, невесть откуда нарисовавшегося, нахала.

— «Твой дом»? — в голосе прозвучала очевидная усмешка — Когда этот мир успел стать «Твоим домом»?

Машка поджала губы. Девушка чувствовала себя некомфортно рядом с этим «существом», так она называла подобных непрошенных гостей. К тому же, в подноготном, мало кто будет чувствовать себя уверенно.

— Я предупреждаю. — голос дрогнул, когда в глаза хозяйки уставились пара карих глаз.

— Мне осточертело слышать предупреждения. Ты, по преданиям, моя жена. Ты должна быть рядом со мной, а не якшаться с этими чёртовыми!.. — парень сдержался.

Пара словила тишину, к счастью, через десять секунд комнату наполнил театральный смех.

— Ха — ха — ха! — девушка громко выкрикивал каждый слог. Теперь её смущение сменилось нескрываемым насмешкой — Жена! Вот ты мочишь! — розововолосая потянулась к куче вещей, позади себя. Ловко выдернув жёлтую футболку со «Спанч Бобом», она присела обратно на стул, закидывая ногу на ногу. Демонстративно размяв руки, девушка сцепила их на коленках. — Когда я успела стать женой, Петя?

— По традициям так положе!..

— Ты не заметил? Я не следую традициям. — Маша аккуратно разогнулась, утирая с глаз выступившие слёзы. Уверенности в её действиях поприбавилось ещё больше — Пётр, мой дорогой Пётр. Катись колбаской, пока пинками не погнажи! — СВ с ловкостью акробата вздёнула футболку на себя.

— ПЕРЕСТАНЬ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ЭТИМ ИМЕНЕМ! — вся комната содрогнулась. Холодильника послышался стеклянный звон. Несколько плакатов поотклеивалось.

Наблюдая, как краешек одного из любимых, отлипает от стены, Машка сжала правый кулак.

— НАЗЫВАЙ МЕНЯ, КАК ПОЛАГАЕТ, ПОМЕШАННАЯ!

Следом сжался левый.

— А что, бедолага, мой дорогой Петр, синдром самозванца разыгрывает? — Ведьма опустила сереющее глаза на брюнета. Тот немедленно обмяк и слегка даже вжался в кровать — Имя своё назвать не можешь в владениях людских? Так, возвращайся к своим предкам. Кричи о своём существе, сколько влезет. А меня впредь и навеки не трогай. Иначе я заведу новую традицию.

— Какую, на пример? — парень пытался привнести усмешку в свой дрожащий тон, но у него это мало получилось.

— Традицию амазонок. И вообще, Петруха. — девушка скривила гримасу — Ну, давай по чесноку, радость моя. Ну, перепалки наши, чес слово, как абсурд выглядят. Ну, ты что ли, предупреждай заранее, чтобы я не в трусах тебя встречала.

Тело гостя спешно рассеялось в воздухе, превратившись в изначальный силуэт.

— Ты вернёшься. — пронеслось по комнате. Тень окончательно сползла в никуда.

Машка лишь кивнула. Подождав пока её отпустит дрожь, она резко ударила ладонью по столу.

— Мерзавец! Каков мерзавец! — вырвалось у неё — Ну, это ж надо! НУ, ЭТО Ж НАДО! — повторяла она, вскочив, выставляя обе руки в бока.

Девчонка начала наматывать круги по комнате, попутно успокаивая себя фразами: «Всего лишь мнение, всего лишь его мнение» или «Да фиг с ним, чёрт с ним, да кто угодно пусть с ним будет, только не я! Нет — нет! Я не могу!»

Причитания розововолосой прервал внезапно разразивший квартиру крик юноши, что находился в соседней комнате или, по крайней мере, оставался там в последний раз.

— А — а — а!!! — кричал Эдик — Твою — то, да намотать на крючки для вязаний! Ай, как жжётся! Ай — я — я — я — я — я — я — я! — тянулось из коридора.

Манька, испугавшись, рванула на встречу звукам. Ловко провернув ключ, девчонка тут же встала в ступор. На полу, катаясь из стороны в сторону, держась за причинное место, валялся новый сосед. Он дрыгал ногами, по — видимому, пытаясь заглушить боль.

Ведьма расслабленно оперлась на дверной косяк, сложив руки на груди. Слегка заметная улыбка появилась у розововолосой на лице.

— Чё ты смотришь?! Чё смотришь?! — верещал Эд, активнее ёрзая по линолеуму — Твоих рук дело! Твоих рук дело! — выкрикивал он, сильнее сжимаясь в калачик. — Я знаю, сука! Ай!

Машка сильнее улыбнулась, выгибая бровь:

— Пластинка заела?

— У — у — ух!.. — кряхтел Эдик — Не могу! Как — больно — то! — парнишка, казалось, сейчас изобразит фокус с исчезновением, потому что, так скрутится в бараний рог, это явная подводка к чудесам.

Машка, наконец, разразилась сильным смехом. Звучал он теперь неподдельно, искренне. Слегка, злостно...

— Не могу с тебя! Ой, не могу! — ещё немного погоготав, она, видать, сжалившись, щёлкнула пальцами.

«Оханья» Эдуарда прекратились моментально, парень расслабленно растёкся по полу, раскидывая руки по сторонам.

— Что... это... было... — обессиленно произнёс Эдуард — Так больно...

Машка снова прыснула смехом и сползла в проёме на корточки:

— Да, как это у вас там называется? Заклинание одно, для любопытных гадёнышей! — она опять прервалась на смех — Ручку заморозила, а ты, видно, когда подслушать пытался, причинным местом своим да приложился!

Было больно признавать, что ведьма оказалась права. И не только нравственно. Да, Эдуард действительно очнулся от дрёмы из — за грохота во всей квартире. Даже книги на столе слегка обновились, ведь слой пыли с них попросту сдуло. Удалось даже рассмотреть сказки про колобка. Собственно, сначала, Эд предположил, что это просто гром. Но когда за окном он увидел спокойное ночное небо, немедленно забеспокоился о происходящем.

Он долго держал себя, чтобы не пойти к дальней комнате. Эдик проверил кухню, ванну, даже уборную. Предположения были подтверждены. Звук ярче всего был именно за запретной, ко входу, дверью. Аккуратно вывернув в коридор, юноша на цыпочках пробрался к цели.

Затаившись, Эдуард стал слушать. Он застал диалог на середине, но даже с учётом

этого, мужская солидарность дала о себе знать почти в конце. Он услышал слово «Помешанная» и почему — то его это дико разозлило, он слегка двинулся вперёд и, тут же, почувствовал жжение в районе паха. Отскочив от двери, парнишка начал «тушить возгорание», пытаясь не проронить ни звука. Хватило его на минуту. Ровно минуту. Он считал секунды, он знает.

— А — а — а!!! — раздалось в коридоре.

Машка уже начала заходить обратно в комнату, когда Эдик собрался с силами и подскочил на ноги:

— Ты живёшь не одна? Почему не предупредила? — вопросы выскользнули изо рта быстрее, чем шатен успел их обдумать. В прошлый раз, когда он произнёс такие слова, ввязался в историю с бывшей.

— Потому что, первое. — девушка вскинула указательный палец прямо к носу собеседника — Я не обязана о таком сообщать тунеядцу. И второе, — средний палец вылез следом — Я живу одна.

Ох, уж эта привычка сначала сделать вид, что скрыл информацию, а потом её тут же выпалить. Тенденция подобных случаев отлично закрепилась в памяти Эдика за родной сестрой. Маринка частенько практиковала такой приём, чтобы побесить брата. И, к слову, всегда срабатывало. Чего стоит одна новость о сигаретах. Бр — р, аж вспоминать не хочется. Эдик тогда прикрыл сестру и отхватил от предков, великих, во всех смыслах, тумачков. А всё почему? Потому что, Марина Артемьевна решила снова попрактиковаться в своих навыках лукавства и сказала заветную фразу: «Ну ладно, да, это мои сигареты», прямо перед родичами.

— Тогда кто это был? — Ну, почему Эдуарду это так интересно? Ну, что за любопытство?

О, ну вот! Вот и пошла фирменная реакция Маньки выгибать левую бровь. Ну, что ж такое...

— Тебе есть до этого дело?

— Я услышал, как ты вскрикивала что — то про «жену» ... — замявшись, ответил Эдик. Прямо перед тем, как услышать грохот, юноша уловил смешки с этим словом. Это его разбудило, правда, он решил и дальше подремать, поэтому особой уверенности в том, что он «словил» именно это слово, не было.

Манька кивнула.

— Ты же в курсе, что я не просто девочка на побегушках у призраков?

— Ну, типа того. — а ещё ты заносчивая, назойливая, абсолютно не эмпатичная стерва.

— По традициям моей...Э... Семьи. Я обязана быть с одним... — ей явно трудно давались объяснения, ведь стопорилась она почти на каждом слове — Ну типа... Э... Правнуком чувака, который однажды спас мою... Ну, бабушку вроде... — она щурилась глазами, скидывая взгляд в левый угол. Она, что... Придумывает?

По наставлениям дяди Ваньки, мы все выучили невербальные жесты и мимику, для лучших и продуктивных переговоров с некоторыми личностями. Нас иногда засылали на всякие там, встречи по бизнесу, так что, мы, хоть и редко, но метко, практиковались.

Эдуард молча кивнул.

— Ну, вот так как — то. — пожав плечами, заключила Мария.

— Я сделаю вид, что поверил, а ты сделай вид, что повелась на моё доверие, договорились? — ну не могу я врать на враньё. Табу у меня такое.

Машка усмехнулась и с грохотом закрыла передо мной дверь. Я остался один в тёмном коридоре. Грудь сама поплыла вверх, я сделал вид, что вдохнул. Само собой, получилось, по инерции. Хотя, справедливости ради, на секунду мне показалось, что по лёгким прошёл холодок.

Немного погодя, я вернулся в свою комнату. Как Маринка любовалась новым платьем в зеркале, я любовался своим видом. Я заснул напротив рамы и проснулся там же. Если бы Ванька увидел, как долго я трусь возле отражения, он бы непременно записал меня в ряды всем известной ориентации. **НО КАКОЙ ЖЕ Я КРАСИВЫЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ.** Да чернушные круги под глазами не казались мне столь отвратительными, как было при жизни.

— Да уж... Я такой идиот. — опускаю взгляд на ладони. Такие живые... Может, это сон? Глупый сон? Кошмар? Да, точно, кошмар!

Голова вскинулась к потолку. Я слегка шандарахнулся затылком об стену. Тут, кстати, в своей комнате, я чувствовал все поверхности и проходить сквозь них, не мог. Хотя чего это я... Будто, люди могут чувствовать и щеголять сквозь плоскости. А вот дверь в комнату Машки, кстати, наоборот, была для меня закрыта. Ни коснуться, ни нырнуть насквозь. Ведьма постаралась. Хотя, личное пространство, все дела... Уважение ей, ну или типа того.

Слёзы слегка проступили из глаз, я мощно хлюпнул носом. За стеной послышался недовольный стук.

«Бум — бум — бум» — она явно бьёт кулаком. Такая силища. Краем глаза я уловил, как с стены посыпалась штукатурка. Невольно сработал невроз горла. Прогнав ком, я слегка поднялся. Плакать уже не хотелось. Я попробовал ударить по стене.

«Бум»

В глазах у меня появился нескрываемый восторг. Я сделал ещё один стук. Снова глухое «бум». Да, я знал, что могу трогать стены и не могу щеголять внутри них, через них, но бить по ним?! Дотрагиваться?!

Я затарабанил от радости посильнее. Град из ударов, вероятно, быстро настиг Маню, потому что за стеной послышался быстрый топот ног. Я резко замер.

Через секунду распахнулась первая дверь.

Следом вторая.

— Я. Тебя. Убью.

На моём лице расплылась приветственная, ставшая уже привычной, глупая улыбка.

Вдвоём с Манькой, мы вот уже полтора часа тряслись по мокрой дороге. Недавно начался сильный ливень, поэтому девушка старалась ехать максимально аккуратно. К тому же, дворники абсолютно не справлялись со своей задачей. Дорогу было видно плохо.

После того, как Манька застала меня избивающим соседнюю стену, она сказала такие слова, цитирую: «Ни разу не сомневалась в твоих умственных способностях, Эдуард, но, чтобы так отличиться в первый же вечер, это достойно похвалы.» На мой вопросительный взгляд, девчонка указала на электронные часы, мигающие в углу комнаты. Надо же, только тогда я заметил, что они очень похожи на мои. Циферки выстроились в знакомую полосу: «23:00».

— Время хоронить усопших. — объявила ведьма. И, учитывая то, что следом за окном сверкнула молния, освещающая её безэмоциональное лицо, момент был жутким. Вряд ли это из — за молнии...

В машине я сидел молча, старался не засыпать, чтобы не схлопотать сарказм со стороны

водителя. Девушка же, что — то приговаривая, то и дело выглядывала через окно на дорогу, пытаюсь, видимо, лучше рассмотреть полосы, от чего её розовые волосы приобретали, как бы, седоватый оттенок.

— А куда мы едем — то? — Вот, блин, не выдержал. Сам не ожидал, что спрошу. В окне переливались ряды деревьев, в отражении которых я попытался спрятаться — Сказала «А», говори и «Б». Меня хоронить едем, да? — На кой чёрт ведьма высовывалась то и дело из окна, мне было невдомёк. Волновало меня одно и это самое «одно» я озвучил.

В голове до сих пор сидел образ этого монотонного лица и пугающих слов: «Время хоронить усопших».

Машка, в очередной раз, нырнула в машину:

— Я Матвея не обману. Раз сказала, что душу твою отпущу, значит отпущу. — смахивая дождевые капли с волос, отчитала Маша.

Нервозность слегка успокоилась. Я немного расслабил плечи. Бог знает, почему я ей так доверял, но меня и это тоже мало волновало, честно говоря.

Вдалеке стали еле — еле различимы неоновые буквы. Когда мы стали подъезжать чуть ближе, я смог увидеть название: «Мотель: Белая розочка». О, вау. А название — то... Загляденье.

Машка подъехала настолько близко, насколько смогла.

— Приготовься, придётся много побегать. — она достала с заднего сиденья свою сумку и начала там что — то укладывать — Смотри, заходим по очереди. Там при входе будет штук пять ребятни, нужно будет их поймать. Давно хотела это сделать, но всё руки не доходили. Мои люди в 9013 номере подготовили пять стульев. Нужно будет детишек туда всех засадить. На ловлю детёнышей тебе три часа, справишься?

— А ты что делать будешь? — недовольно спросил я. Тут меня подписывают под какую — то авантюру, не хотелось бы одному влипнуть в какое —нибудь дерьмо — Детишки непростые, как я понимаю. Что — то я сомневаюсь в своих способностях.

— Умственных, полагаю? Слушай, Эд. Меня не волнует, как ты это сделаешь. Сделай и всё. Отвечая на твой вопрос: я буду спать. Ты ж разбудил меня танцем с бубном, забыл? — Манька заглушила тачку и открыла дверь — Давай, вперёд. Не ссы.

Деваха ловко вынырнула из автомобиля и в мгновение ока оказалась в дверях мотеля. Изобразив жест рукой, как бы зазывая, она скрылась в помещении.

«Во, влип.» — пронеслось в голове — «Ну, надо ж было сдохнуть. А бабушка говорила, что на «том» свете отдохнём. ОтдохнЕм, когда сдохнЕм. Враньё!»

Я по привычке потянулся к ручке двери, но с разочарованием понял, что пальцы проскользнули сквозь механизм. Закатив глаза, я нырнул сквозь. Дождя я не чувствовал, но ливневая стена всё равно мешала видимости. Кое — как добравшись до входа, я просунул голову внутрь, через дверь.

Взгляду открылся довольно просторный холл. Наверху дешёвенькая люстра с тремя плафонами. Жёлтый свет противно давил на глаза. Я обратил внимание на Машку, о чём — то увлечённо говорящую с жирной тёткой за стойкой. Видимо, администратор этой дыры. Да — а, это вам не Отель «Кортес». Хотя... Хых, призраки тут есть. (Читатель мой, убедительная просьба сказать последнюю фразу именно с моей интонацией и именно с «Хых». Прошу озвучь её и улыбнись, т. к. далее история обещает быть мрачной)

По стенам весели разные плакаты, но к моему удивлению, выполнены они все были в готическом стиле. Это меня заинтересовало, и я целиком прошёл сквозь дверь. (Ты

спросишь, читатель, почему к удивлению. Вспомни любые гостиницы, в которых ты бывал и ответь на свой вопрос.)

Подойдя поближе, я приступил к изучению:

«Мотель ужасов Тёти Ньюры»

«Ужасная расправа»

«Легенда гласит...»

Я активнее всматривался в кричащие красные буквы. Маркетолог поработал на славу, внимание это и правда привлекает.

Внизу мелким шрифтом была приписка: «Если хотите узнать подробности, подойдите к стойке тёти Ньюры. Она обязательно расскажет вам ВСЁ»

Последнее слово было нарочно выделено красным цветом с имитацией стекающих капель крови.

Я раздражённо фыркнул.

«Эта ведьма издевается? Час ночи, а я должен слушать всякие сказки б/у — шных маркетологов? На это вообще кто — то ведётся?» — моему раздражению не было предела. Я резко развернулся и громким, как мне бы того хотелось, шагом, направился к Машке.

Разумеется, шаг мой был невесомым, и девушка даже не заметила, как я оказался рядом.

— Ты смеёшься надо мной? На свидание меня вывести решила?! — мой недовольный «рык» пронёсся по всему холлу.

Машка, недавно активно говорящая с тёткой, резко замолчала и немедленно покраснела.

Взгляда от администраторши она не отвела.

— Ой, деточка! Ты аж вся забагровела, милая! Водички? Плохо стало?

Машка медленно кивнула. Она, видимо, сама не поняла, как её лицо выдало такую реакцию.

Тётка Ньюрка скрылась за углом.

Я молча сверлил взглядом «спасительницу». Мои плечи активно вздымались, опять же по инерции, но в груди очень неприятно разгорался ком злости, который я ощущал наяву.

Девчонка медленно повернула на меня голову. Она ни разу не моргнула с момента моего наезда, и даже сейчас, когда она смотрела чётко «в» меня, ненавидящим взглядом, глаза её оставались неподвижны. Я почувствовал стыд. Моя поза обмякла, плечи остановились, а ком злости ретировался куда — то, где, судя по всему, переоформился в неприятные покалывания.

— Тут просто плакаты, — оправдаться захотелось сразу же — Там написано, что тут, какой — то Мотель страха, ну фигня же... — я выпрямил спину, сложив руки за спиной. Да, было страшно. Но не подавать же виду? — Мы что, на аттракционы приехали, развлекаться вздумалось? — Эдик, походу тебя похоронят второй раз. Удачи.

Нет, ну справедливости ради, отец всегда говорил: «Не ссы. Кто ссыт — тот гибнет, хочешь ссать — либо держись, либо обделайся по полной, чтоб не помирать зазря.» Он бы мной гордился. Отвечаю.

Мария, наконец, моргнула.

Из — за угла выбежала, причитая, тёть Ньюра. Она протянула стеклянный стакан моей спутнице, и даже потянулась было погладить Маньку по голове, как та закашлялась.

— Тёть, это что?! — выплёвывая остатки жидкости, кричала деваха — Это водка?!

Я сдержал смешок. Губы предательски свернулись в трубочку, выдавая мою реакцию.

— Таки самогон, милая! А что? У нас, как кому плохо, тому лекарство и несём! Да ты не переживай, доца, это ж всё легенда, выдумка просто! Тут ещё прабабка моя заправляла, когда слушок про это всё пошёл. Ты не думай, у нас всё чисто! Все процедуры прошли! Всеми инстанциями одобрены! — Пухлая ручка медленно забрала стакан из рук свирепеющей Мани. Девушка явно была недовольна происходящим.

— Поняла. — почти не открывая рта, процедила Машка — Мой номер готов?

— Таки да, доца! Пойдём провожу, вещички есть? Помочь поди? Ой, милая, далеко ведь ехала, а я тут всё говорю — говорю! — тётка выплыла из — за стойки и почти прошла бы сквозь меня, если бы не сноровка. Манька зло всматривалась в пухлое лицо горе — администраторши. Та, не прерывая зрительного контакта, потянулась за рюкзаком постоялицы.

Розововолосая отёрнула руку:

— Мне... — моя волшебница неожиданно икнула — Мне... — слова снова прервал довольно милый писклявый «ик». — Мне в номер надо!.. — последние слова она выпалила на одном дыхании, видимо, чтоб снова не прерваться.

Я и не обратил бы внимания на эти её заикания, если бы сделав шаг, деваху бы не повело в сторону. До меня дошло. Ведьма пьяна!

Я готов был заржать во всеуслышание. Её «вынесло» с капли спирта?!

Тётъ Нюра подхватила «поплывшую» девчонку под руку.

— Ой, милая! Ты как же живёшь с такой выдержкой, дорогая? Ой, радость моя, ой, бедная! — она поглаживала руку девчонки, одновременно семеня ногами — У нас бы в деревне — то ты б таким путём замужем бы была! Ой, милая! — минуты три, пара из обвисшей Маньки и толстой громкой тётки, виляла по коридору. Ещё минуту, бабища, придерживая СВ, пыталась воткнуть и повернуть ключ с маленькой табличкой «9013». Ещё минуты две, хозяйка этого аттракциона страха, укладывала СВ на кровать. Укутав её одеялом, попутно превратив в подобие гусеницы, бойкая администраторша, в цветастом халате, удалилась из арендованного номера.

Я и не заметил, как тётка прошла сквозь меня, наделяя моё измотанное существо, спёртым душком из аромата спирта и пота. Не выдержав и пол секунды в таком амбре, диагональ от двери до окна, была преодолена мной за секунду. Спасибо призрачному миру за возможность телепорта!

Голова скользнула сквозь стекло. Я попытался вобрать в себя, как можно больше свежего воздуха. А говорят, мёртвые не плачут.

Противные кудряшки ещё секунд тридцать стояли перед глазами.

— Жесть! Просто жесть! — я плевался, как мог, пытаюсь очистить ротовую полость от привкуса самогона.

Сзади послышался «Кхм — кхм».

Развернувшись, я увидел Машку, скрестившую руки на груди и отбивающую ритм правым носком. Взгляд был недовольный.

— Ты что там устроил?! — грозным шёпотом спросила ведьма — Я непонятно объяснила?! Пять детей! Пять! Три часа! Почему ты ещё здесь?!

Ну, начнём с того, что ты была бухая пять минут назад и я проявил мужское благородство, не оставив тебя в этом мусорнике. А закончим тем...

— Ты чё вылупился?! Ноги в руки и вперёд! — я молча кивнул и направился к двери.

Так, она притворялась?

— Получается, ты у нас актриса? — замечание явно не пришлось Маньке по духу, потому что следом за ним, в меня полетела горсть соли. Пришлось пронырнуть сквозь дверь в два раза шустрее.

Вновь оказавшись в коридоре, я краем глаза уловил телодвижения тётки. Цветастый силуэт активно пританцовывал, подметая холл. Меня передёрнуло. По ходу, тётеньке неплохо здесь работается. Бр — р.

Я отогнал от себя фантомные запахи и сконцентрировался на задаче. Пять детей. Ага. И где их искать? Так, ну... Где дети обитают?

В голове сразу возник голос Николая Дроздова: «Это дети обыкновенные. В пятилетнем возрасте они перебираются в среду более подходящую, чем прежняя. На данной локации для них настоящее раздолье, ведь тут есть целый ряд комнат, куда они могли бы заглянуть. Например: уборная, ванная, гостиная. И непременно, венцом новой среды обитая детёньшей становится детская...»

ДЕТСКАЯ!

Сунуться обратно к Мане будет самой фатальной ошибкой за всю мою жизнь и смерть. Что делать? У мадам спросить дорогу? Ну да, её тут инфаркт хватит и от противного запаха мне уже не избавиться, как минимум, во век.

Я начала осматриваться.

Плакаты — плакаты — плакаты. О! Указатели!

Телепортировавшись сразу к зелёным табличкам, я начал их бегло изучать. (Да — да, читатель. Я, между прочим, уже во всю перемещаюсь. А ты как думал?)

«Туалет женский. Налево. Так... Туалет мужской — на второй этаж. Норма — а — ально. Вот где истинный сексизм, в реалиях российской провинции. Чайная комната — второй этаж, 1013. Интересно, что они там делают... Игровая — 9015 номер. О, как. Родителям бы здесь понравилось, всё для комфортного времяпрепровождения. Отправили ребёнка в игровую и вперёд чай гонять. Ну или чем там предки ещё занимаются... Спят?»

Я повернулся к коридору. Сзади послышался знакомый отвратный аромат. Периферийным зрением я уловил, что тётка задом настойчиво пританцовывает в мою сторону. На радио активно наигрывала песня «Новый — новый — новый — новый го — о — од...»

Фига се, во даёт. Праздник через 2 месяца, а она уже новогоднее настроение распыляет.

Опомнившись, я отскочил в сторону. Меня опять передёрнуло. Да что ж такое!

Прогнав все мысли, отправился вперёд по коридору. Так, 9010, 9011, 9012, 9013, Господи упаси, 9014, 9015, вот. Обнаружив нужный номер, я «сбросил» напряжение, разминая плечи. Какое — то ощущение от перспективы встречи с призрачными детёньшами было... Так себе.

Шагнув вперёд, я попал в абсолютно тёмную комнату. Ни зги не видать. Кошмар.

Напомнив себе, что врезаться, априори, в ничего не могу, шаг сменился на более уверенный.

— Дети — и — ишки — и — и? — позвал я — Меня Эдик зовут, я ваш новый усатый нянь. — не осуждайте, ничего умнее я не придумал — Я пришёл с вами побегать и попрыгать... — ага, или убежать от вас к чертям — Пойдёмте скорее! — На лице возникла натянутая улыбка — осталось руки развести в разные стороны и во — аля, Мери на минималках. Год вожатым в пионерском лагере не прошёл даром. Чувство стыда за такое зрелище я не испытывал. Хотя, стоило бы...

Позади послышался топот маленьких ножек. Я вздрогнул.

— Дети — и — ишки, — снова протянул я — Обнимашки приветствуются? — стоило мне раскинуть руки для объятий, как в пах прилетел мощный удар хлипкой ножки. Из лёгких вышел, не заходивший туда, воздух. Я заскулил и согнулся.

— Ты кто? — мальчишечий голос пронёсся по комнате — Откуда про нас знаешь? — я не видел собеседника, но по направлению удара, смог предположить, что стоит он передо мной.

— Эдуард, говорю же. — ёрзая в полусогнутом положении, пропищал я. Стоило переехать к девушке, стал регулярно отхватывать по яйцам. Говорил отец, будь аккуратнее, все бабы — ведьмы.

«А мама?» — спрашивал десятилетний я.

«А мамка твоя — моя любимая ведьма. Её чары на меня не действуют.» — отвечал батёк.

Боль не отступала, я вскинул глаза к потолку. Что ж такое — то...

— Откуда узнал про нас, щегол? — мальчишка, видно, подошёл ближе и приподнял меня за подбородок. Я знатно прифигел, но противится не стал — Откуда взялся?

Мне сжали щёки, поэтому дальнейший диалог выглядел комичнее некуда:

— У меня тут встреча. — я решил слукавить. Пацан, очевидно, знает больше, чем я. Незачем раскрывать карты.

— С кем? — щёки сжали сильнее.

— С Сашкой! — я выпалил популярное русское имя. В случаях 8 из 10 срабатывает. У каждого первого русского есть знакомой Сашка. У каждого второго есть родственник Сашка. То ли дело, Артемий...

— С каким Сашкой? — чёрт, не прокатило. Что делать?

— С средним. — если врёшь, ври до конца. Чего уж. Их пятеро, средний же должен быть, да?

Лицо моё рывком отбросили в сторону. Боль уже отходила, поэтому я выпрямился.

— Санька, подь суды! — в комнате послышалась ещё одна пара ног. Кто — то снова зарядил промеж моих пострадавших ляшек, но уже сзади. Я припал на колени, заорав.

— ДА ЕДРИТЬ — КОЛОТИТЬ!

Маленькая ручка толкнула меня в затылок и оставила хватку на шее сзади, сжимая место сонной артерии.

— Какой Эдуард, сволочь? Я никаких Эдуардов не знаю! — на слух, голос принадлежал пацану лет восьми. Хотя, судя по хватке, это был какой — то гном — качок. Я почти заплакал. Машка не предупредила, что в этом месте пострадает моё мужское достоинство. Даже не так... Машка не предупредила, что здесь я потеряю своё мужское достоинство.

— Ладно — ладно! Я от Машки! Она вас найти всех приказала! — выпалил я.

Хватка стала менее сильной.

— От Манюньки? — голос, что я слышал первым в миг изменился до неузнаваемости. Угрожающая интонация моментально стало детской и наивной. Мой прищур от боли превратился в округлённые зенки от удивления — А она тут? Она — то пришла?

Я кивнул, забыв, что мы все в темноте. Когда меня толкнули в бок ногой, я выкрикнул:

— Да! Да! Мы вместе приехали, блин! Хватит меня бить!

Хватка исчезла также резко, как и появилась. Топот послышался в коридоре, при чём он

отдалялся с каждой секундой. Я выдохнул.

— Эдуард, говоришь? — девичий голосок заставил меня вздрогнуть — Давай поиграем, Эдуард?

Вернулся я полностью измотанным от девчачьих потягиваний за волосы. Трое девчонок, одной три года, второй пять лет и самая старшая, девятилетняя, быстро взяли меня в оборот и активно катались на мне по всему мотелю. Я был осликом, был пони, был козлом, свиньёй и кабаном. Меня заставили кричать, как петуха, заставили прыгать, как цаплю. Я даже разыгрывал «высиживание яйца». И что же я увидел, когда уставший ввалился в номер к Мане?

Она, весело общаясь, сидела на кровати вместе с этими демонами. Два пацана, восьми и десяти лет, сидели по бокам от розововолосой, а девчонки, которые, к слову, были позади меня, уже активно рассматривали растрёпанный пучок Мани.

Теперь, когда я увидел их при лучшем свете, выглядели они довольно пугающе не только «на вскидку». Меня чуть не вывернуло. У первого мальчугана, которому восемь, вместо глазницы зияла чёрная окровавленная дыра, с навечно вытекающим содержимым. Кровь циркулировала сверху вниз, не достигая никакой поверхности. Голубая выглаженная рубашка заляпана чёрными и алыми пятнами. Волосы все испачканы в грязи. Штанина одна и вовсе оторвана. Маленькая ножка вся исцарапана когтями и испещрена порезами, на вид, от перочинного ножика. С другой стороны, вытянув ноги, сидел братишка пацана. Этот встретил меня первым. Мне поплохело, когда я увидел, что у него срезан скальп. Парнишка в остальном был «целым», если это можно так назвать... Такая же голубая рубашка, как и у младшего, но вся изрезанна в лохмотья. Кровь также, в прозрачном состоянии, до сих пор сочилась на ткань и сквозь неё. Штаны просто испачканы, карманы вывернуты наружу. Сидит босиком. Вот только маленькие ступни изгвазданы мелкими глубокими точками, словно его заставляли ходить по гвоздям.

Две девчонки в цветастых платицах уселись впереди Машки, поджав босые ножки. Платья целые, что удивительно, только грязные и мокрые. Из — за высоких хвостов, что сильно стягивали волосы, на двух головках, можно было заметить синие полосы на детских шейках. Их душили. Полосы были довольно тонкими, душили либо жгутом, либо леской.

Внутри всё переворачивалось. На глаза начали накатывать слёзы.

Последняя девочка, самая младшая. Стояла позади Машки и с нескрываемым восторгом всматривалась в розовые волосы моего «начальника». У девчонки был прострелен лоб. Меня пошатнуло, не удержав равновесие, я «выпал» из комнаты, оказываясь наполовину внутри, наполовину снаружи, номера. Мне стало дурно. Теперь из глаз уже покатались слёзы, целым водопадом. Тело начало содрогаться в конвульсиях, я подтянул ноги к груди, полностью оказываясь в коридоре. Свернувшись калачиком, я зарыдал.

Что за мразь это сделала? Что за сволочь?

Я старался сдерживать всхлипы, чтобы не побеспокоить собравшихся.

Кто — то активно начал тянуть меня за штанину. Я открыл заплывшие глаза. Сквозь дверь просовывалась детская ручонка и судя по всему, девичья, платья были с короткими рукавами.

— Чего тебе? — всхлипывая, спросил я. Голос дрожал и были каким — то даже сишлым. Удивительно. Давно я так не плакал.

Через фанерную дверь просунулась девичья голова, с высоким хвостом. Самая младшая всматривалась в меня своими зелёными глазками.

— Вас Маняня зовёт! — объявила она.

Уж что — что, а идти сейчас к этой бесчувственной ведьме у меня желания не было. Особенно со слезами на глазах. Я посильнее сжался и зарылся в коленях.

— Не хочу. — звук был глухим, я говорил куда — то внутрь себя.

— Маняня о — о — очень просит! — настаивала девочка — Ну пофалуйста!

Я выглянул одним глазом, она всё также не сводила с меня взгляда. Ну, за что мне это?

Хотя, ладно. «За что», предположим, я знаю, а вот почему именно мне?

Я разогнулся и уселся посреди коридора.

— Пойдёте? — эта малышка была куда вежливее, чем её старшие братья и сёстры. Мне было приятно. Запишу это в компенсацию за моральный ущерб.

Я смотрел на неё красными глазами. Идти не хотелось, врать тоже.

Вдалеке послышался активно набирающий ход звук железной тележки. Повернув голову направо, моему взору предстала ещё одна ужасающая картина. Прямо на меня неслась тётя Нюра с телегой всяких штук для уборки. Там и швабра, и мусорные пакеты, и тряпки, и какие — то пузырьки с жидкостями. Осознав, что бабища сейчас опять пройдёт сквозь меня, я на четвереньках вполз обратно в комнату, стараясь не задеть девочку.

За дверью теперь слышались звуки удаляющейся тележки. Я испуганно выдохнул.

— Ну и трусло. — заключил старший мальчишка. Я уставился на него обиженным взглядом.

— Да, золотце, не говори. — поддержала Машка — Ну ладно, готовы? Эд, вставай. Помогай.

СВ принялась расставлять стулья по кругу. От меня требовалось рассадить всех ребят по местам. Закончив со своей задачей, поспешил отойти в сторону.

Манька потушила освещение, остались гореть только свечи под каждым стулом. Девушка аккуратно протиснулась между старшим братом и сестрой в центр круга.

Розововолосая ещё немного поболтала с ребятами, уделяя каждому равное внимание. Я подметил, что она прекрасная няня.

— Ну что, зайчата, прошу приготовиться! — ребята одновременно кивнули — Все помнят? Не выпускать из рук нитку!

Только сейчас я заметил, что у детей в руках одна протянутая нить. Один конец держал старший брат, второй конец держала старшая сестра.

— Кто спросит, дорогу нашли сами, запомнили?

Раздалось единоголасное «Да!»

Я стоял, как замороженный, наблюдая, как Маня выкладывает из кармана своей толстовки какие — то травы. По запаху напоминало шалфей, но с ещё более резким запахом.

Вся комната наполнилась ароматом.

Девушка подожгла веточку и бросила в кучку травы под своими ногами.

Я хотел было окликнуть зачинщицу, но заметил, как только что оранжевый огонь изменился на чёрный. Огоньки теперь переливались серыми оттенками.

Тело само припечаталось к стене. Я не провалился. Я снова чувствовал. Рука ощутила прохладную шершавую поверхность, я невольно улыбнулся.

— Ни Явь, ни Навь, направо на Правь. Ни Явь, ни Навь, направо на Правь. — Маня аккуратно припала на колени. Она медленно дотронулась до огня. Подцепив искру на указательный палец, девушка аккуратно перенесла её на конец нитки — Ни Явь, ни Навь, направо на Правь. — повторяла она — Ни Явь, ни Навь, направо на Правь. — она почти

шептала, но я старался расслышать.

Огонёк задорно пробежал вокруг пацана, добравшись доверху, серое пламя обуяло всю голову. Я вскрикнул, мальчонка захохотал. Когда огонь спустился на нить, я опять почти заорал, но тут заметил, что голова хулигана цела. Теперь вместо содранного скальпа присутствовали блондинистые кудрявые волосы. Он был похож на Купидона из мультиков. Вид его преобразился, щёки стали розовые, никаких пятен на рубаше и никаких следов от бывших царапин. Огонёк, переливаясь, пробежал по нитке и добрался до младшего брата. Быстро поднявшись по руке мальчишки, огонь резво нырнул в глазницу. Я поёжился. Немного там поёрзав, серый светик пробежал «по винтовому» пути на тельце пацанёнка и снова спрыгнул на нить. У второго мальчика исцелился глаз. Вид снова стал живым. Никаких царапин и ранок. Я был в шоке. Следом огонёк преодолел и двух девчат, правда, добравшись до младшенькой, которая сидела посреди сестёр, огонёк приостановился и капельку попрыгал, заставляя рассмеяться ребёнка. Звонкий смех наполнил комнату. После этого, серое пламя «впечаталось» в лоб девчушки, заставляя ту даже слегка откачнуться. Теперь и у сестёр были чистые жёлтые платица. Добравшись до последней, огонька почти не осталось, оно будто таяло по пути. Старшенькая прикрыла глаза. Пламя взобралось по руке вверх, аккуратно очертило шею, прошлось по волосам, распуская хвост и исправило грязное платье, возвращая к прежнему виду.

— Спасибо, Маш. Всегда ненавидела этот хвост. — прошептала девочка.

Манька кивнула, не переставая повторять ту самую фразу: «Ни Явь, ни Навь, направь на Правь.»

Теперь, когда все дети выглядели, как при жизни, огонёк обратно в центр.

Мария резко хлопнула в ладоши. В комнате повисла звенящая тишина. Дети всё так же сидели на стульях.

— Не полу.. — я хотел было выдвинуть предположение, но тут пламя, как по фитилю, побежало ко мне. Я вскрикнул. Старший пацан усмехнулся.

— Отойди, дурень! — крикнул он. Я перепрыгнул через огонёк, оказываясь теперь позади него.

Дверь обуяло серое пламя. Языки сжигали фанерную поверхность, оголяя коридор.

А что, если тут просто фильтр и мы с Манькой подожгли мотель? А вдруг пламя это обычное, оранжевое? И она помрёт? Она меня суициднуть позвала?

Теперь образ коридора начала дрожать. Я постарался присмотреться. Вместо привычной оранжевой стены начал прорисовываться горизонт. Вдалеке стояло похожее на наш парковский дуб, дерево. Но местность другая. Повсюду пение птиц, позади деревца растекается широкая река. Где — то вдалеке кричит петух и стоит деревенька. На картинку выбежал серенький пёс, усыпанный чёрными пятнами. Он приветливо замахал хвостом, завидев ребятшек. Коричневый нос, янтарные глаза. Он завертелся вокруг себя, выдавая все эмоции разом, и я увидел его чернушный хвост. Пёс поднялся на задние лапы. По — моему, он улыбается?

— Камесек! — первой рванула самая младшая. Она остановилась в проёме и повернулась к семье — Пойдёмте!! — крикнула малышка и скрылась в пейзаже. Пёс набросился на девчонку и повалил ту на траву. Он был размером с неё, но габаритами старался не придавить, прыгая из стороны в сторону, он перескакивал через ноги. Настойчиво облизывая лицо девочки, «Камесек», судя по всему это имя «Камешек», напористо толкал хозяйку передними лапами, то и дело роняя её обратно.

Следом сорвалась средняя сестра, размахивая платьем, девчонка вприпрыжку вбежала в дверь. Теперь Камешку приходилось бегать от девочки к девочке, стараясь не упустить ни одну.

Я улыбнулся.

Далее рванул средний брат.

— Машка, спасибо! — крикнул он на прощание и прыгнул в проём. Пацан поманил за собой пса и тот принялся догонять.

Я перевёл взгляд на оставшихся ребятёнок. Мальчонка и девчонка, размазывая сопли по щекам, обнимали Маньку. Та еле — еле сдерживалась, чтобы не зарыдать.

— Спасибо, сестрёнка! — всхлипывая носом, поблагодарил мальчик — Правда, спасибо!

— Да, Машка, спасибо! — подхватила «Рапунцель». Её волосы оказались довольно длинные.

Мария посильнее прижала ребят.

— Не обращайтесь! — посмеиваясь, ответила она — Ну, бегите, лучики! Удачи!

Ребята отстранились и взявшись за руки, рванули к двери.

Пацан приостановил девчонку прямо возле меня. Я вопросительно уставился в ответ:

— Ты береги Маньку. — отрезал он, смотря на меня исподлобья — Понял?

— Да, я, как бы...

Пацан снова замахнулся ногой, заставляя инерционно сжаться сжался, ради защиты и, без того, отбитого места.

Говнюк усмехнулся.

— Спасибо тебе, Эдуард. — глаза мои расширились — Без тебя бы ничего не вышло. Спасибо!

Девчонка, улыбаясь, закивала:

— И правда! И правда! Спасибо, Эдуард! — повторила она — Ну, Жора! Ну, пойдём Каменюга заждался! — она потянула мальчишку за рукав. Тот, не отводя от меня взгляда, улыбнулся.

Они вместе вошли в проём, и картина снова поплыла. Двое старших ребят остались махать нам с Манькой, пока совсем не исчезли. На месте сожжённой двери появилась старая, целая фанера.

Я перевёл взгляд на СВ.

Та, еле заметно, смахивала слёзы и сдерживала, судя по всему, целый тайфун эмоций.

— Поплачешь?

— Не дождёшься. — отчеканила ведьмочка, собирая травы.

Вот уже второй час я сидел в своей комнатухе, рассуждая о произошедшем. По дороге домой, ведьма моя, была хоть и не многословна, зато открыта к вопросам. Я было даже удивился желанию делиться деталями. Хотя, учитывая то, что я пережил, извините за каламбур, этого даже мало, чтобы покрыть всё моё унижение...

Выяснилось, что детей в мотеле убили в девяностых, а именно в 97 году. Убиты они были жестоко и бесчеловечно, виной тому подражатель Чикатило. Усыновив пятерых сирот, мужик, недолго думая, отвёз тех, в этот же день, в мотель и жестоко расправился с каждым. Я с замиранием сердца глотал каждое слово, подавляя то рвотный позыв, то истерику. Историю решили приписать к более ранним годам, времён позапрошлого века, чтобы не закрываться и повысить рентабельность заведения.

Мария спокойно вела машину, рассказывая, как она наткнулась на эту шайку. Ей о произошедшем рассказал, новоприбывший в парк, призрак, она в тот же вечер сорвалась с места и, дабы убедиться во всём, взяла с собой целый мешок мягких игрушек и сумку с настольными играми.

Ребята приняли её очень даже радостно, почувствовав в ней сразу и материнское тепло и сестринское заступничество. Не удивительно. Когда я наблюдал за поведением розововолосой в общении с детёнышами, я тоже млел на каждом шагу.

— Они сразу рассказали, чего хотят больше всего. — говорила Манька, в очередной раз обгоняя старую советскую машину. На её счету было уже пару оскорблений за невежливый «манёвр», но ей было до фонаря. Это с её слов, разумеется. Она хотела побыстрее попасть домой и этому мало кто мог помешать.

— Когда этот изверг забрал их, он обещал с ними поиграть. Девочкам обещал покатать на спине, а мальчишки очень хотели побыть бандитами. И ты нам в этом очень помог.

Когда я начал выкрикивать впечатления о произошедшем. Мол: меня избивали, топтали, пинали и щипали, Манька только улыбалась и мило подтрунивала каждый мой пункт.

— Я пыталась сама им помочь, но нюанс заключался в том, что им обещал такую игру именно мужчина. Ни женщина. Я пыталась, правда. — сжимая руль, объяснялась девушка — Не получалось.

Я почувствовал тогда неловкость и укор совести за подобную реакцию. Ну, поехали на мне, ну и что? Ну, ударили пару раз, ну обозвали... Это ж дети... Детишки, милые, маленькие.

«Ну и трусло.» — раздалось эхом в голове.

ДА ЭТО НЕ ДЕТИ, ЭТО ДЕМОНЫ!

Успокоившись, мне припомнилась странная деталь:

— А ты не опьянела, получается? — с наивным взглядом, спрашивал я.

Манька кивнула.

— Надо было сделать так, чтоб тётя Нюра, в девичестве Ленка, не обращала внимание на звуки из комнаты. А пьяное сознание — неплохая отговорка для громких ударов и странных запахов.

Я, после аргументации, вытянулся в лице и одобрительно покивав, вернул взгляд обратно к окну. Мы проезжали всё те же деревья, на часах телефона мигало пять утра, а дорога оставалась, всё такой же, противно мокрой.

Девушка по прибытию почти сразу отрубилась. Мне вот совсем не спалось. В голове вертелись самые разные мысли, начинались они с «Да как она могла меня туда привезти?!», заканчивая «Как ОНА могла меня ТУДА привезти?»

Так, СВ на в одиночку со всем этим разбирается? И сколько на её счету подобных случаев? Скольких уже успела «перевести»? Это та самая «сторона», про которую говорил Матвей? Что за огонь? Почему чёрный? Кто такая Машка? На что ещё способна?

Мне становилось страшно и в большей мере от того, что начинал видеть её хрупкой и отважной, заносчивость приобрела своё обоснование, чёткие правила оправдывались невозможностью ошибиться. Она живёт в совершенно другом мире, я и не понимал, пока сам не очутился в «закулисье». Представить, что может сниться после подобного... Даже в перспективе страшно.

За стеной раздался крик. Срываюсь с места. Крик был душераздирающий, ужасный, пронизывающий до самых костей. Выбежав из комнаты, я уже почти поднёс кулак к двери, как почувствовал жжение на коже.

Что делать?! Что там происходит?!

Я вбежал обратно. Достигнув стены, начал активно тарабанить по поверхности всем, чем было. Руки и ноги чередовались, чтобы звук был, как можно чаще и настойчивее.

Спустя секунд пятнадцать, крик утих. Из комнаты послышались шаркающие шаги.

Маня показалась в проёме, почёсывая ухо и пытающаяся разглядеть меня сквозь полуоткрытые глаза. Губы покрылись коркой, видно, спала с открытым ртом, макияж оставил тёмные следы под нижним веком. Бывшая не позволяла себе оставлять на глазах тушь, теперь я понял почему. Зрелище... Интересное. Волосы напоминают огромную мочалку. Оказывается, они у неё вьются. Как я раньше не заметил?

— И? — потирая глаз, спросила хозяйка.

Пижама её состояла из длинной чёрной футболки, с солистом какой — то группы, и розовых тапочек. Я сам не заметил, как расплылся в облегчённой улыбке.

— Кто блажен, тот дураком не станет. — пробормотала Мария и, теми же, шаркающими шагами, направилась на кухню.

Я спохватился и согнал дурацкое выражение лица.

— Ты не подумай, Машка! — припускаю следом. Разбежаться было негде, так что, я быстро нагнал подругу — Ты кричала, вот я и...

— Знаю. Всё нормально. Спасибо. — Коченею. Ни криков, ни недовольных фырков? Она выспалась и успокоилась? Хотя «выспалась» — это громкое слово. Деваха поспала с 6:30 до 8. Полтора часа даже я не спал в свои лучшие годы, а в худшие... А в худшие, не просыпался сутками.

— Да... Ну, ты это, извини всё равно.

— Я же сказала, всё нормально. — девушка подожгла спичку и поднесла ту к газовой конфорке. Синий огонёк пробежал по кругу и сомкнулся в единое кольцо. Перед глазами возник образ серого пламени с ночи.

— Мань, а тот огонь... — я остановился, наблюдая за девушкой. Вроде, не отреагировала. Обычно, она более красноречиво проявляет эмоции. Не проснулась, видимо. — Он почему серым стал?

Машка поставила чайник на плиту. Зевнув, вытащила ближайшую кружку с верхней полки и бросила туда пару кубиков рафинированного сахара. Зачесав волосы назад, девушка прошаркала к столу и присела, напротив. Я уселся следом.

— Это что — то, типа, алхимического прикола. — потирая глаз, ответила Маня.

Киваю.

И всё? Это всё, что она мне скажет? Маловато информации, гораздо больше вопросов появилось после такого пояснения.

— Философский камень, все дела? — попытки вывести собеседницу на дополнительное объяснение не отступали.

Девушка кивнула.

— Ну, а у тебя он откуда?

Мария, наконец, посмотрела на меня уставшим взглядом. В глазах так и читалась фраза «Чё докопался?»

— Создала. — коротко ответила она.

— Окей, понял. — изобразив болванчика, я неловко развернулся к плите, чтобы не смотреть на СВ. Создала. Офигеть.

Слышал, хищник не нападёт, если не смотреть ему в глаза. А в такие моменты, хрупкая ведмочка напоминала не то, чтобы огромного льва, скорее, самую ядовитую змею на этой планете. Королевская кобра или типа того? А змеи хищники? Да, Боже мой, Эд, сконцентрируйся. Она создала философский камень. Что?

— У нас сегодня вылазка. В то же время. Будь готов.

Глаза округлились сами собой, я рывком повернулся к Машке.

— Опять?! — вырвалось у меня — Мы же только вот — вот были на деле! Ты не устала? Отдохнуть не хочешь?!

Девушка приподняла бровь. Чайник закипел, спасительный свист прокатился по комнате. Маня, оторвав от меня взгляд, пошла заливать кофе.

Аромат наполнил комнату.

Притянув пар от напитка носом, хозяйка квартиры развернулась ко мне.

— Я сегодня проспала йогу. Значит, могу проспать и завтрак с обедом. — Не, ну логика в этом есть. — Так что, Эд, небольшая просьба. Подготовься морально ко второму «делу», — это слово она выделила особой интонацией. Напомнила тон училки, когда та вещала о нашем будущем. Противный тон — И даже, если я буду кричать во сне. Не буди меня.

Я молчал, разглядывая кружку с кофе. М — м — м... Кофе...

— Ты услышал меня?

Вздрагнув, голова кивнула по инерции.

Девушка поддержала мой кивок, своим, и расслабленным шагом, направилась в свою комнату.

Я, дождавшись пока она щёлкнет замком, окончательно растёкся на стуле.

Господи, как давно я не чувствовал запаха кофе. Я и забыл, какой он замечательный... Какой замечательный...

В голове возник образ младшей сестры, улыбаюсь.

— И я хочу! — кричала пятилетняя Маришка, прыгая на месте. Мы стояли посреди кафешки, возле стойки с меню, и девчонка настойчиво привлекала к себе внимание.

— Марина, цыц! — шикал я — Хватит уже, перестань! Нельзя тебе кофе! Маленькая ещё. — последнюю фразу я бросил, скорее, на милейшей баристе по ту сторону стойки. Девушка, в сером фартуке, с логотипом кофейни, засмушалась. Застенчивая улыбка озарила лицо работницы, глазки опустились в смущённом положении.

— Ну, Эд! — канючила Маринка. Девчонка была моей маленькой копией. Только

женской версией. Те же сапфировые глазищи, те же щёчки, то же V — образное лицо. У этой малышки не было отбоя от мальчишек во дворе. Я пару раз уже раздавал тумачков мелким говнюкам, которые выражали свою мальчишескую влюблённость, тычками и пинками.

— Ты испачкаешь платье, Марина! — шептал я, не сводя глаз с баристы. Новое розовое платьишко, купленное мамой на прошлых выходных, было строго на строго защищено указом: «Ни падать, ни валять, ни пачкать, ни блевать». Этот слоган был неприступным и, что более важно, был аргументирован мотивацией домашнего ареста. А так, как отвечаю за Маринку я, домашний арест навис, непосредственно, над моей подростковой тушкой.

Снизу послышались всхлипы. Я испуганно перевёл взгляд на сестру, нижняя губа которой, к слову, уже ходила ходуном.

— Не смей. — процедил я.

После моей просьбы, (Да, читатель, согласен, просьбой это можно назвать с натяжкой) кафе наполнил дикий рёв ребёнка. Капучино пришлось купить, следом пришлось купить мороженое с ванильным сиропом. А потом, как вы могли догадаться, присесть — таки на трёхдневный домашний арест.

Как жаль, с той бариста, так ничего и не вышло. Эх... А Маринка, интересно, как переживает мою кончину? Было бы неплохо заглянуть к ним. Надо Машке как — нибудь «просунуть» эту идею.

Ещё полчаса я наслаждался ароматом любимого напитка, заполнившим всю комнату. Чуть позднее уставился в окно, разглядывая сереющие пасмурные тучи.

Мне всегда нравилась такая погода. Ещё нет ливня, вдалеке громыхает, а рядом то и дело сверкает молния. Находится в такие моменты дома было, бесценно. Сразу ощущалась невероятная безопасность. К слову, почти всегда проваливался в сон от осознания того, что при дожде, я буду в сухой и тёплой кровати. А потом, просыпался под звуки стучащих капель и улыбался такому уюту. На подоконнике мурлыкал Персик, а я, посильнее укутавшись в одеяло, расслабленно улыбался и снова засыпал.

— Ты... — Сзади послышался знакомый голос — Ты спишь?

Я еле проморгался от неожиданности, и развернувшись, уставился непонимающим взглядом на подругу.

Машка стояла в проёме уже одетая в свою парку и обутая в чёрные резиновые сапоги. Поверх всего наряда лаконично вписывался оранжевый дождевик. Девушка сильно затянула капюшон, так что, я видел лишь малую часть её лица. И чтоб вы знали, вид был смешной. Перетянутые щёки, собранные в кучку губы и взгляд... Взгляд, кстати, был незнакомым. Она как будто рассматривала меня с интересом и в то же время с страхом. Взгляд учёного Франкенштейна, я думаю, когда его создание ожило. Или там был восторг? Да чёрт возьми, Эд, сосредоточься! Что с тобой?

— Слегка задремал. — потянувшись, ответил я. Ещё немного меня «просканировав», девчонка пожалала плечами и направилась прямо по коридору, к выходу. Кинув взгляд на настенные часы, осознаю — время одиннадцать ночи. Я проспал двенадцать часов? Воу...

Тело побрело следом. Ноги были ватные, сознание ещё не оклемалось. В ступнях что — то закололо. Напомнив себе, что это невозможно, быстрее припустил за вышедшей Машкой.

— А сегодня что? — интересуюсь, прыгая в заведённую машину.

Машка выжала тормоз правой ногой, затянула ручной, и вставила ключ в замок зажигания:

— Будет весело. — вытерпев ещё пару махинаций, тачка тронулась — Ведь едем в цирк.

Добрались мы довольно быстро, здание было прямо в центре города, до которого ехать было минут двадцать.

Припарковавшись, отправились внутрь.

— Это будет коммерческая вылазка, не напортачь. — строго предупредила Мария.

При входе в холл в нос резко ударил запах попкорна. К моему удивлению, нас встречал целый коллектив. Тут вам и клоуны, и гимнасты, и дрессировщики, у одного мужика во фраке и цилиндре, на плече расположился белоснежный голубь с пышным хвостом.

— Мария Свароговна! — Машкина отца зовут... Сварог? Жесть. — Как мы вас заждались! — Почему, скажите, эту высокомерную стерву? (Ладно — ладно, читатель, признаю. Так мне казалось ранее, но всё — таки, с подобным характером... В общем, почему её везде так любят? Что за дела? Кто она такая вообще? Ты не знаешь, читатель? Ну, ты, это, как узнаешь, набери!) — Ну рассказывайте, душа моя! — разговаривала с нами пухлая мадам, похожая по внешности на Фрекен Бок. Ростом чуть выше Машки. Мне бы она была до подбородка. — Как там наш Макар поживает? Ой, поживает! — она рассмеялась. Смешок подхватила и стоявшая позади, толпа — Ну, как он там, лапушка?

Манька слегка улыбнулась и стянула мокрый капюшон. До меня теперь дошло. Это ж жена Доброделова! Точно — точно! Помню, как Маринка с ней фоткалась и потом целый день говорила, что от неё пирожками с капустой пахнет. Тогда Доброделова уже не было на свете. На этом, по крайней мере. Но в любом случае, она знает?

— Да всё нормально, Елена Павловна! Всё также переживает о детской площадке, всё также о вас спрашивает. Как дочка? Вышла замуж?

Глаза женщины слегка заслезились:

— Да вот ведь! Окаянный ведь под венцом прям бросил, представляешь?! Я до сих пор в шоке! О — ой!.. — жена бывшего мэра завопила на весь зал — Каков подлец!

Вспоминая её рыдания на площади, когда сказали, что новогоднюю ёлку в этом году ставить не будут, я не предал большого значения этим завываниям. Манька тоже стояла вполне отрешенно.

— Так, где нарушитель спокойствия? — вставила слово подруга. А сделать это было очень непросто, ведь тётка была с удивительной продолжительностью. Хорош, Манька, хорош. — Вы говорили, что в центре манежа пахнет гарью, кажется.

Тётка, раскрасневшаяся от такого бурного воя, закивала. Своими пухленькими ручками она достала из верхнего кармана пиджака белый платок и смачно в него высморкалась.

— Ой, Машенька, — интонация с рыдающей переключилась на причитающую — Ой, милая... Да ведь то — то и оно, что неделю назад так и было, милая. А теперь то тут, то там, чуем проклятущего. Силов уж никаких нет. — жаловалась Елена.

Манька состроила задумчивую гримасу и отвернулась. Губы произвольно собрались в трубочку, глаза слегка сощурились, взгляд в никуда, брови кучкуются у переносицы. Девушка, очевидно, рассуждала.

— Во — первых, почему они так уверены, что это призрак, а не просто, кто — то поджёт голубя в подвале. — глаза птицы, находящийся у мужика на фраке, заставили меня откашляться. — Ну, ладно. Раз уж мы здесь: спроси кем он был. — сам не понял, зачем посоветовал. Подруга удивлённо перевела взгляд в мои глаза.

— Я и сама в курсе. — неожиданно ответила барышня. Теперь не стеснялась присутствующих. Находилась в полном спокойствии. Это было весьма удивительно.

— Девочка моя, тут кто — то есть? — Елена Павловна начала водить ручонками перед

собой. Рукава пиджака поползли к плечам. Интересно, сколько лет этому варианту официального стиля. Я брезгливо поёжился и отпрыгнул в сторону. Мне хватило и Ньюрки с её ароматом жизни. Маша усмехнулась.

— Есть один. Недавно почил. — как бы отмахиваясь, ответила сердобольная — В аварии, кажется, помер.

— Авария?

— Та самая?..

— Вау...

— Ужас...

Слова быстро прокатились по толпе. Меня реакция заинтересовала. Решаюсь подойти к людям поближе.

Позади всех, стояли две маленьких девчушки, ростом, примерно, сантиметров пятидесяти. Очевидно, карлики. Яркий макияж, чёрные волосы собраны в пышный пучок, платья — боди, с пышными юбками. Девушки оживлённо рассуждали (более оживлённо, чем кто — либо), и я, разумеется, это заметил. Поборов свои принципы из ряда «То, что надо, ты услышишь, что не надо, не волнует.», телепортируюсь к ним.

— Если это один из тех мальчиков, то тогда встреча с этим мужиком должна пойти ему на пользу! — сказала одна.

— И не говори, Людка! Какой ужас, какой изверг!

Ничего не понимаю. Спросить у них не могу, остаётся слушать.

Спустя минут пять, так ничего и не прояснилось. Махнув рукой на двух болтушек, возвращаюсь в компанию СВ.

Болтушки много чего тараторили. Про бандитов, про расправу, про соревнование ОПГ. Всё слишком быстро и не информативно. Короче, бред.

— Спроси про призрака. Спроси, это упростит дело. Он то ли бандюган, то ли просто бедолага. Выясни.

— Ладно! — психанула Манька — Елена Павловна, кем был призрак известно? — девушка явно психовала от моих подсказок, почему — то меня это забавляло.

— Кем был? — лицо женщины вытянулось. На глазах снова проступили еле заметные слёзы. На сей раз она не отвернулась и не завывала. — По последним выяснившимся данным, от знакомого прокурора, он был одним из убийц моего мужа.

Я замер. Убийца Доброделова? Опять? Скольким ж людям перешёл дорогу наш славный дядька?

— А как умер не известно?

— А подожгли его в нашем подвале. Недавно, с недельку. — тётка вещала до стрёмного, спокойно. Ощущение создавалось, что она сама его и подожгла. Хотя... Не то чтобы, я её за это осудил. Каждая жизнь важна, бла — бла, да. В курсе. Обойдёмся без нравоучений.

Манька вздохнула.

— Ну ладно, — она хлопнула и потёрла ладоши — Всё сделали, как я просила?

Вся труппа дружно кивнула. Вообще не уливлен покер — фейсу подруги. Учитывая то, что я видел вчерашней ночью, я в принципе, также не был удивлён такой готовности помочь.

Оказывается, Мария и правда профессионал своего дела. Она предусмотрительно попросила остаться весь коллектив после выступлений и просыпать каждую дверь, кроме входной, солью. Вот почему они нас встречали. Дожидались.

Распрощавшись с каждым по отдельности, девушка подошла и к Елене:

— Спасибо за услугу, это очень поможет нам. — она сказала: «Нам»? Меня не удивляли больше призраки, шатающиеся по закоулкам города, не удивляли проходившие сквозь них люди, не удивляло само существование этого мира, а вот Машка...

— Оплатим, как соберём тогда. — доложила Павловна — Ты уж не серчай, девочка. Времена трудные.

— Нет проблем. — отрезала ведьма. Ещё о чём — то поболтав с присутствующими, девчонка, наконец, начала потихоньку всех выгонять. Последней ушла, конечно же, Елена. Я стоял, наслаждаясь ароматом попкорна. Ну, что поделывать. Не люблю вдаваться в подробности чужих диалогов. Меньше знаешь — крепче спишь. (Читатель, остерегись подстегнуть меня за моё желание услышать тех болтушек. Моим принципам это хоть и противоречило, но...)

Поворошив волосы пальцами, Мария уставилась на меня.

— Ну?

Я повторил фирменную реакцию СВ, поднял бровь.

— Ну, ты в курсе, где искать этого черта погоревшего? — снова убеждаюсь, что данной особе совершенно не нужно думать над оборотами речи. Ходячий сборник острых словцов.

— Ты спросила, чем он занимался? — пропуская мимо ушей такой каламбур, оставляя его неотмеченным, я внутренне похвалил себя за зрелость. Горбатого и правда исправляет могила.

— Он любил оркестры. Местная продавщица подрабатывает и здесь, и в театре неподалёку, а там, как раз, есть оркестр. Как сказала Павловна, он обожал маленькие треугольники. Ну, знаешь, с палочками. Которые, такие, «Дзынь» — девушка изобразила жестом действия при игре на музыкальном инструменте — И заканчивается акт из представления. Ну, или кульминация. Не суть.

Закатываю глаза. Пальцы потянулись к переносице.

— То есть, взрослый мужик, бандит на секундочку, был ценителем треугольников, так, хочешь сказать? — интонация приобретала толику отчаяния и издевательства — Ну, ты серьёзно?

— А ты, видно, любитель стереотипов. — фыркнула розововолосая. По привычному, повернувшись на пятках, девушка быстрым, я бы даже сказал, втаптывающим шагом, направилась куда — то вглубь холла. Недовольно пробурчав, выдвигаюсь следом.

Хотелось передразнивать недовольную мину СВ, хотелось обратить на себя внимание, хотелось побесить, но я сдержался. Я опять похвалил себя за серьёзное взвешенное решение. Я молодец. Я повзрослел. Колька бы заржал, услышав мою хвальбу. Ну и ладно.

Мы прошли мимо маленьких тележек с ароматом сладкой ваты, прошли мимо сувенирных стоек, конкретно я, прошёл сквозь большую статую клоуна, засмотревшись на красивый, расписной потолок. Никулин гордо смотрел сверху, это приводило меня в восторг. Всегда любил игру этого актёра.

Почувствовав неприятное дрожание по всему телу, перевожу взгляд вперёд, пытаюсь избежать повторного инцидента. Клоун позади лукаво осмеивается надо мной. Или это уже паранойя?

Кстати, ты знал, читатель, что внутри клоун воняет рыбой? Я вот нет.

Проходить насквозь предметов — самое отвратительное в жизни после смерти, фу.

Таким макаром, мы добрались до огромной бордовой двери, с двумя створками. Наверху, красиво переливаясь, повисла, как бы в воздухе, цифра «1». Я даже не заметил тросов, как

они её туда прикрепили?

— Вход в зал. — оповестила Манька и толкнула створку. Правая с скрипом отворилась. В нос ударил резкий запах гари.

— Жесть. — фыркнул я — Что за ужасное амбре? Такой же смрад стоял у моего вечно бухущего дядьки.

— Ты не слушал? Почему, по — твоему, они позвали меня помочь? — девушка двинулась вперёд — Тут воняет жжёной плотью, дети просто не могут здесь находиться, чего уж говорить про взрослых.

Молча соглашаюсь. Я и правда не слышал пол диалога, да и в подробности не вдавался. Интересующие вопросы, уточняю по мере их поступления. Так было всегда. Менять такую привычку не собираюсь.

— Так, где он может быть, юный детектив? — Манька развернулась ко мне — Выдвини предположение, а то у меня спросонья полный штиль в голове.

Я всматривался в слегка освещённое бледное лицо. Девушка смотрела на меня серьёзным и в то же время каким — то наивным взглядом. Ранее я такого не замечал. Может, и правда, не проснулась? Широко распахнутые глаза искали во мне ответ, и я собирался его дать прямо сейчас, незамедлительно, вот — вот.

— Я думаю, он может быть...

— АГХА — А — А! ВЫ КТО ТАКИЕ? — мы оба резко развернулись на крик. В само низу, на манеже, в середине которого стоял мини — оркестр, на нас тарачилось обугленное тело какого — то... Человека? Манька и подумать не успела, как перед ней, в шаговой доступности, очутился этот самый «Погоревший». Я увидел, как она вздрогнула. По моему телу пробежалась дрожь. В сумраке смог разглядеть лишь 50 % от всей картины, но и этих процентов вполне хватало, чтобы ужаснуться.

На лице не было «живого» места. Вся кожа обуглилась, глазные яблоки почти выпадали из глазниц. На нас ошалело глядело два зелёных глаза, зрачки которых, то сужались, то увеличивались до невероятных размеров. Нечто было голым. Никаких отличительных признаков видно не было. Лишь кровоточащие места повсюду. Все первичные половые признаки человеческого тела были удалены: ни сосков, ни члена, я нечаянно опустил взгляд на ноги, там не было пары пальцев. Запах усилился в несколько раз. Меня снова замутило.

Машка брезгливо заткнула нос.

— Отойди от нас. — мультяшным голосом, попросила она. Хотя интонация больше походила на приказ.

— ТЫ КТО ТАКАЯ?! — по всему залу раздалось эхо величавого «раската» — ОБЪЯСНЯ — Я — ЯЙ! — Мужик, открыв пасть, кричал на мою смелую подругу. Чуть погодя, он заткнулся, но лишь потому, что челюсть его разорвалась и язык теперь бесхозно болтался по воздуху.

— Отвратительно. — констатировала Маня.

Он расвирепел моментально. Лёгким взмахом руки, оттолкнул Машку в сторону, роняя ту прямо промеж рядов, представая теперь передо мной одним. Призрак на секунду замер.

— ТЫ — Ы! — проревел он. Я не обратил внимания, ведь мой шок от того, что он дотронулся до Мани был весьма велик. Мёртвый и толкнул человека? Что за бред? — ИЗ — ЗА ТЕБЯ! ИЗ — ЗА ТЕБЯ, МРА — А — АЗЬ! — «Уголёк» нависал всё больше, поднимаясь в воздухе с удивительной ловкостью. А я вот сколько не учусь левитации, фиг пальчик подниму!

Обгоревший резко замолчал, замерев в положении прямо надо мной. Манька, кряхтя, вылезла из — под стульев, держа левую руку навесу, как бы что — то сжимая.

— Закрой свой рот уже, горластый хрен! — она рывком «выбросила» руку в правую сторону. Дух отлетел от меня на десять метров и завис над бордовой ареной. Машка что — то ещё пошаманила пальцами и обгоревшее тело, отрубившись, зависло в воздухе.

Я до сих пор молчал. Мне было странно наблюдать за таким странным сценарием. Мысли крутились возле произошедшего. Призрак. Оттолкнул. Живого. Как?

— Как? — шёпотом спросил я — Как так вышло?

Девушка, отряхивая джинсы, подняла на меня взгляд:

— Ну, я просто ведьма и всё такое... — горделиво ответила она.

Перевожу пустой взгляд на подругу. Она хмурится.

— Или ты не об этом? — девушка кивнула на всеящего убийцу.

Я помахал головой в знак отрицания.

— О его словах, что всё из — за тебя? Да не бойсь, бандиты любят переключать ответственность на других. — Машка приступила отряхивать парку — Фишка у них такая.

— Нет, не об этом. — монотонно ответил я — Как он дотронулся до тебя? Я даже дверь машины потрогать не могу, а этот оттолкнул тебя, так просто... Оттолкнул. — паузы в моём вопросе подтверждали шок.

Мария понимающе закивала, отрываясь от парки. После чего, подтянула сумку на плечо сумку, и двинулась к лестнице, огибая на пути моё существо:

— Есть несколько типов призраков. Вот и всё. Не забивай голову.

В груди возник прилив злости. Бесит такое отношения. Пренебрежительное, как будто я дитя малое.

Тело само телепортировалось прямо на шаг вперёд перед Манькой. Девушка отшатнулась и приостановилась, вскинув на меня вопросительный взгляд.

— Я хочу знать. Объясни мне. Я хочу. Чувствую, что это важно. — голос мой почти перешёл на шёпот. Я уставился прямо в глаза собеседницы — Знать.

— Чёрт бы тебя побрал. — она зачесала волосы назад — Ладно, отлично! — вскидывая руки к плечам, поддалась Манька — Давай совместим ликбез по призрачным грехам и изгнание духов в один приятный вечер! Этого же мне так не хватало! — возмущалась ведьма.

Она обошла меня и громко фыркнув, пошла топающим шагом вниз, к манежу. Звук шагов раздавался по всему залу. Ловко запрыгнув на бархатный выступ, своеобразное ограждение, разделявшее зрителей и артистов, деваха очутилась на «сцене» цирка. Я шёл следом, предвкушая настроение лекции.

— Итак, есть два типа духов. — Розововолосая начала доставать ингредиенты из сумки. Первой явилась килограммовая пачка соли, с синей этикеткой. Девушка ловким движением пальца продырявила упаковку и начала осыпать вокруг себя. Я поднял глаза и заметил, что стоим мы ровно над всеящим телом.

— Висит груша, нельзя скушать. — выдаю, сам того не замечая. Ведьмочка прыскает смехом. Я знал, что она так отреагирует. Что поделать, любительница «чёрных» высказываний. Ценитель.

— Так. Без шуточек. — подруга быстро собралась и согнала улыбку с лица — Короче, первый тип. Это те, кто, не убивал. Вёл размеренный образ жизни, чудил, грешил по мелкому, ну и так далее и тому подобное, андэрстэнд? — привычная «американская» интонация с русским акцентом обратила на себя внимание. Так частенько говорила

Маринка. Я кивнул. Девчонка вынула из сумки целлофановый пакет с теми же травами, что и в первый раз. Аромат гари начал соревноваться с ароматом шалфея — Второй тип: человеки, друг друга истребляющие. Нет, я, конечно, вполне солидарна со мнением, что Земля — Матушка слишком преисполнена плохими эгоистичными личностями. — Машка начала выкладывать горку из трав, деловито пожимая плечами. Она аккуратно, то и дело водила туда — сюда веточкой розмарина, равномерно распределяя цветущие побеги — Но природа нашей планеты и сама вполне справляется с истреблением «лишнего», эти чудилы просто психически нездоровые.

Я только и делал, что водил носом за каждым действием подруги. Завораживает.

— Так вот. Те, кто своих сородичей посмел убить, те, как не прискорбно, на себя перенимают энергию отнятой жизни. Своеобразное проклятие, знаешь ли.

Она подняла глаза к всеящему:

— Они не могут ни умереть, ни вернуться к жизни. Скажем, если его просто сбила машина и он потерял сознание, в тело ему вернуться уже не дадут. Во, как. — она щёлкнула пальцами, тело поплыло вниз. Мужик издал громкий писклявый вдох, после чего сильно закашлялся.

— ВЕДЬМА — А — А! — заорал он. Обутленное тело приземлилось на подобие ног. Я сделал шаг назад.

— Я не волшебник, я только учусь. — Машка, улыбаясь, повернулась ко мне. Я оценил её невозмутимость и сделал два шага обратно, на встречу ревущему мужику. Девчонка стоит в кругу с этим чудовищем, а я бегу? Да счас!

— СВОЛО — О — ОЧЬ! — ревел он — ДА — АЙ МНЕ, ДА — АЙ МНЕ ДВИНУТЬ МРА — АА — АЗЬ! — не понятно от чего он кричал больше, от возмущения или от обиды.

— Они чувствуют всю боль, так что, не обращай внимание на его визги. — прервала мои размышления Маня — Это обычное дело. Отпущения от боли им не дают. Говорю же, проклятие. — девушка ловким движением выпрыгнула из круга, оказавшись прямо рядом со мной. На секунду, я почувствовал покалывание на руке. Видно, она дотронулась соляными пальцами до моей призрачной кожи.

— То есть, они и боль чувствуют, и предметы двигать могут, и жили, падла, как короли? — Не хотелось признавать того факта, что все самые «лучшие» фишки духовного мира, достаются убийцам и мародёрам. Я ведь ничем не хуже? Я тоже хочу в последние свои дни на брэнной земле, чувствовать, блин, чёртовы предметы!

— Эд, ты не слышишь.

— Мань! Ты сама сказала про «машина собьёт»! Они ведь могут и «просто так» умереть, без боли, а потом общаются всё также со своими родными?! А я не могу?! Я не могу даже грёбанного кота проведать!

Девушка прикусила нижнюю губу.

— Разберёмся. — слегка встряхнувшись, которое я ей нагнал, деваха ловко завязала высокий хвост. Она опустилась на колени и, поманив меня жестом, мол, присядь ко мне, начала снова что — то шептать — Убиенным по убитым пусть пройдёт тропа, убегай от нас, травитель, дорого далека.

— ВЕДЬМА — А — А! — снова взвыл бандит — НЕ СМЕ — Е — ЕЙ! Я НЕ УБИ — — ИТ!

Манька продолжала в том же ритме, сажусь рядом, подгибая ноги.

— Убиенным по убитым пусть пройдёт тропа, убегай от нас, травитель, дорого далека.

— СУ — У — У — УКА! МРА — А — А — ЗЬ! — орал мужик — Я НЕ УМЕЕ — ЕР! ЖИ — ИВ! — ряды стульев вокруг нас задрожали. Мужик резко замолчал. Два глаза, до этого безумно метавшихся по всему пространству, резко уставились на меня. Я уставился в ответ. Чё это он? В гляделки решил поиграть? — ТЫ — Ы! — обгоревший палец, дрожа, указывал мою макушку. Он пытался было распрямить руку, но невидимые путы надёжно сковали пародию на тело — ТЫ — Ы! ИЗ — ЗА ТЕБЯ! ИЗ — ЗА ТЕБЯ!

— Убиенным по убитым пусть пройдёт тропа, убегай от нас, травитель, дорогого далека. — слышалось рядом. Почему — то я начал придавать значение словам этого сумасшедшего. Чего он привязался ко мне?

— ДРУЖКА ТВОЕГО — О! ВМЕСТО МЕНЯ! ВМЕСТО МЕНЯ — Я — Я! — ре «Уголёк».

— Какого дружка, шашлык ты, недожаренный? — тихо шепнул я — Заткнись и молча собирай монатки, старик.

— СВОЛО — О — ОЧЬ! ТЫ — Ы — Ы! — обгоревшее тело затрусил, убийца припа на колени — Тебя за меня! Тебя надо было! Если б не ты!.. — не сдавался бандит.

— Господи, да заткнётесь вы оба или нет! — взвизгнула Машка — Эд, рот на замок, будь так добр! — я выпрямился, почувствовав свою вину.

Мужик в круге резко выпрямился перед нами. Он начал вдруг содрогаться, по мне пробежали мурашки. Все «корочки» на его обгоревшем теле начали разлетаться в стороны. Призрак хохотал.

— ВЫ — Ы! ДЕТИ — И — ИШКИ! — «Уголёк», издеваясь, расплылся в сумасшедше улыбке, показывая все золотые зубы — ВЕДЬМА — А — А! — он уставился конкретно на уже замолчавшую Машку. Я вдруг вспомнил, что под духом должен был загореться огонь, но пламени так и не было. Плечи мои напряглись — ВСЕСИ — И — ИЛЬНАЯ! — интонация приобрела совершенно блевотный подтекст. Он издевался и ёрничал над моей напарницей. Нервы начинали сдавать — ДА Я ПУСТЬ СДО — О — ОХ, НО Я ПЕРЕРОЖУСЬ, ТВА — АРЬ! Я ПЕРЕРОЖУ — УСЬ, Я ВЕРЮ! ВЕРЮ В РЕИНКАРНАЦИ — ИЮ! Я ВАС НА — У — У!

Перевожу взгляд на Машу. Та медленно поднимается.

— Веришь в перерождение, значит? А в наказание веришь? — она направила на него руку, мужик безмолвно застыл. Он начал ёрзать на месте, пытаюсь вырваться из невидимых оков — А веришь, что та девочка не хотела, чтоб ты её насиловал, гнида? — тонкие пальцы сжались, мужик закричал — А веришь, что та бабушка копила на подарок своему внуку, а не тебе на твои чёртовы крокодильи туфли?! Это я ещё про детёныша крокодила молчу! — Рука сжалась в кулак. Глаза СВ начали сереть с страшной скоростью. — А веришь, что Танька наша, тварь безвольная, вовсе не хотела умирать от шальной пули?! В СЕМИЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ?! — Моя подруга одним шагом размела границу соляного круга. Подскакиваю на ноги. Розововолосая оказалась в шаговой доступности от «Угля».

— Машка! — крикнул я — Вернись, Машка!

Быстро огибаю круг, чтобы оказаться спереди представшей картины. Голос дрогнул, когда я заметил посеревшие глаза. Девчонка медленно разжимала кулак.

— А веришь ли ты, Баб Яга, что Леший твой вовсе не хотел быть тобой преданным? — глаза, метавшиеся по всему залу, резко уставились на ведьму — Веришь? — она почти шептала. Но голос её был твёрдым, я буквально чувствую, как меня нанизывает на каждую букву.

Он кивнул.

— Ну, значит и перерождаться тебе ни к чему. — Манька рывком схватила убийцу за шею. Другой рукой она провела по воздуху, в пальцах что — то сверкнуло. Первым делом, я подумал на нож, но приглянувшись, заметил, что субстанция жидкая, тягучая — Я дарую тебе живую воду, в ней омылись все тобой убиенные. — начинает выливать жидкость прямо на голову мужика. Тот моментально взвыл. Плоть зашипела. Весь круг наполнился дымом. Я лишь слышал громкий вой бандита.

Резко он замолчал. Прослезившись, протирая глаза. Меня вдруг накрывает сильной волной, будто от взрыва. Ноги подкосились, приземляюсь на пятую точку.

Когда я смог проморгаться, дыма уже не было, я только увидел тяжело вздыхающую Марию посреди пустого круга.

— Мань? — тихонько зову, дабы не напугать — Мань, ты в порядке? — девушка кивнула и тут же зашаталась на месте. Я подскочил на ноги и хотел было поддержать подругу, но падающее хрупкое тельце пролетело сквозь руки.

— Это временное. — тихо оповестила СВ.

— Что это было?! — накатывает давно забытая волна беспокойства. Я так переживал последний раз только, когда Колька чуть не разбился на мотоцикле. — Что?!

Розововолосая улыбнулась:

— Я просто вышла из себя. — припадаю на колени перед девушкой. Лицо преобразается в гримасу страха.

— Ты теряешь сознание! Я боюсь!

— Я просто засыпаю — заверяет Маня — Слишком...

Она медленно прикрыла глаза.

Я просидел возле подруги, по крайней мере, до пяти часов утра. Её телефон периодически загорался, давая понимание времени.

Потом он, видимо, разрядился и я остался в тихом мрачном пространстве, рядом с спящей, иногда поскуливающей подругой.

Много раз успел обдумать слова бандюгана. Много раз успел обдумать этот «взрыв», пытался понять, как и почему всё произошло. Какая тогда сила у Маньки вообще? Ничего не понимаю, чёрт бы всё побрал.

Слегка пофырчав, Мария начала распрямляться. До этого она спала, свернувшись калачиком. На моё удивление, ни разу не вскрикнув.

— Машка? — Замечаю пробуждение подруги и слегка поддаюсь вперёд, нависая теперь над сонным телом — Ну, ты как?

Девушка открыла один глаз и расслабленно улыбнулась.

— О, Сашка... — выдохнула она. Выгибаю бровь.

— Сашка?

Маня открыла второй глаз и резко приподнялась на локтях:

— Эд? — переспросила девушка — Сколько я спала? — она аккуратно начала подниматься.

— Не знаю, всю ночь вроде... Последний раз, пять утра на часах было.

— О как, — деваха распрямилась и прогнувшись в спине, издала сдавленный писк. Позвоночник хрустнул. — Давно такого не было, хы. — она растеклась в неловкой улыбке. — Прости, если напугала.

Сверху раздались звуки открывающихся дверей, послышался детский смех:

— Твою мать! — Маша, спохватившись, начала быстро собирать травы и расталкивать ногой соляной круг — Я и забыла, что мы уйти гораздо раньше должны были! Чёрт! Всё не по плану, твою да наоборот!

Через пять минут, уже стоим в проёме, где по запаху, часто выходили пони.

Я заткнул нос, Манька последовал моему примеру.

— Сашка, значит? — спросил я шёпотом — Почему я вдруг стал Сашкой? — вопросы про волну и прошлую ночь, от чего — то отошли на второй план.

СВ молчит.

— Маш?

— До чего ж ты упрямый! — девушка двинулась в противоположную сторону от манежа, я потопал за ней.

— Нет, ну мне просто интересно. Парень твой, муж? — не отставал я.

— Бывший парень. — как — то быстро сдалась ведьма — На тебя был похож, я спросонья не разобрала, думала, сон.

— Насколько же мы похожи, что ты даже не разобрала? — Да, доставучесть — мой конёк.

Розововолосая развернулась ко мне. Глаза горели недовольством. Ну хоть не сереют, уже хорошо.

— А как тот мужик испарился? А почему он говорил про меня? А..? — я хотел заваливать вопросами Маньку и дальше, но по громкому вздоху и вздущимся ноздрям, понял, что пора замолчать. Сбоку это было особенно заметно.

— Я уже объясняла. Бандиты сваливают вину на других. Все, но не они. Уяснил?

Киваю.

— Испарился, потому что много болтал. Не заткнёшься, проверну с тобой то же самое, ок — кэй?

Снова кивок.

— И вообще, я думала, мы займёмся твоим котом, а не диалогами о прошедшей ночи. — Прозвучало двусмысленно, но все вопросы испарились моментально.

— Персиком?

— Им самым.

Мои глаза радостно распахнулись, я почти потянулся обнять Маньку, но вспомнил о бессмысленности своих действий.

Чуть позднее мы вышли через запасной вход и направились домой. Теперь не могу остановиться вопросы про своего рыжего сожителя.

Мы спокойно доехали до ближайшего к дому, двор, поэтому наша скромная компания возвращалась в квартиру в приятном расположении духа. Не считая возмущений Машки, про слишком дальнее место парковки. По дороге из цирка, я вещал девушке про свою жизнь, начав практически с самого рождения, выделяя самые весёлые и приятные моменты из канувшего в лету, времени. Энтузиазм подкреплялся встречей с шерстяным. Кстати, я говорил? Мы заехали по дороге ко мне домой!

— А потом Санька вылавливал нас всех по очереди из того пруда злосчастного! — воспоминания прервались раскатом смеха подруги и моим внезапно настигнувшим приступом «ха — ха». В последнее время, часто подхватываю её улыбку и зеркалю, сам того не замечая. Призрак дедка из соседней квартиры, завидев одну из таких сцен, перед нашим вчерашним отъездом, обозвал меня «обалдуем» и послав на три весёлые буквы, начал громко рассказывать о своей бурной молодости, акцентируя внимание на многочисленных похождениях и растущем, с каждым разом, удовольствии. Мне ничего не оставалось, как мельком прослушать эти истории и словить себя на мысли: «Во, даёт»

— Задумался? — Манька уже прикладывала ключ к магнитному считывателю домофона, когда так умело втиснулась в мою ностальгию. Привычный писк радушно приглашал в подъезд.

— Да, типа того... — неловко почёсываю затылок, наблюдая за ритмичными движениями женских бёдер. Пу — пу — пу... Что дальше?

— Окей, идёшь? — проживание на первом этаже имеет свои преимущества. Дверь квартиры с скрипом открылась, что заставило по привычке «телепортнуться» сразу внутрь. Я знатно преуспел в своих умениях умертвленного, это отмечаю довольно часто в последнее время. Правда, периодически наткаться на ножи и оказываться «внутри» стола, по сей день неприятно. Каково же было удивление Машки, когда, вчера днём, открыв дверь, вместо привычного белого трона, она увидела меня, наполовину скрывшемся в канализационной трубе.

Девушка аккуратно сняла сумку с плеча, выпуская Персика на волю. Завидев знакомую морду, я чуть не пустился прыгать от счастья.

Мой Персик, мой котяра здесь! Жив! Здоров! И даже поправился, кажется, с момента моего «ухода». Не могу поверить в происходящее, казалось, у меня даже кольнуло в груди, но ощущение это быстро прошло, и я радостно подскочил к своему пушистому другу. Тот, мурлыкая, перевернулся на спину.

— Надо же, при моей жизни, он так ни разу не делал. — я провёл рукой по пузу животного, но, как всегда, ничего не почувствовал. Это меня расстроило, однако, завидев довольный взгляд мурлыки, грустные мысли быстро пропали. Кот видел меня и это вполне удовлетворяло.

В пол глаза показалось, что Манька даже улыбнулась, но, когда я посмотрел на неё, она стояла с привычным, ничего не выражающим, лицом.

— Так, как давно ты его подкармливала? — перевожу взгляд обратно на Перса — Судя по всему, он хорошо питался. — котяра с обидой мявкнул и перевернулся, скрыв от меня живот. Не знал, что он был настолько умным, что даже мог обижаться на комментарии о весе. Более того, комментарии косвенные, вскользь сказанные.

Манька ошарашенно меня осмотрела:

— Ну ты и говнюк! — девушка присела на корточки. К моему удивлению, Персик быстро сменил настроение и мигом забрался к ней на руки. — Хорошего существа должно быть много! — она, выпрямляясь, ласково поглаживала котяру. Ловлю мимолётную мысль, что хочу оказаться на его месте... Ну в смысле, живым! Конечно, живым!

— Я ничего такого не сказал. — взглядом быстро столкнулся с осуждающим выражением морды кота. Невольно закатываю глаза.

— Ты просто невыносим! — девушка демонстративно протопала на кухню, с каждым шагом всё выше вздёргивая нос. На лице у меня снова зародилась блаженная улыбка, но спохватившись, быстро её сгоняю.

Немного подождав, я «проплыл» по коридору следом:

— А если серьёзно, давно ты знаешь о Персике? — очень хотелось называть этого пушистого беса именно так, как я обзываю его здесь, в своих мыслях, но, увы, тогда Манька точно изгонит меня из квартиры. Я безумно соскучился по нему, однако лукавость его, порой, просто зашкаливает. Не думал, что буду бояться реакции кота. И почему, собственно, я вообще её боюсь? Может, боюсь больше того, какая реакция хозяйки квартиры последует?

— Ну... — Манька вытащила из шкафа кошачий корм — Да вообще, как произошло всё, так и знаю. Я в тот день на подработке была, отпевала умершую бабку из третьего подъезда. А скорбь Персика за версту слышна была. — деваха на секунду притормозила ссыпку корма и посмотрела на меня — Ну, в смысле, крик. Мяуканье в смысле. — не остановись она, внимание бы не заострилось.

«Скорбь слышна?» — я мысленно повторяю слова подруги. Хотя кто знает, что у неё на уме, она часто изъясняется странными фразами, но почему именно эта так режет слух?

— Не то, чтобы я тебе не верил... — опустил на пол, возле кота. Тот снова одарил меня недовольным взглядом исподлобья и с новой волной жадности, начал наяривать «камешки» — Точнее, верю конечно, но всё это как — то странно, знаешь ли.

Машка зажгла конфорку:

— Не знаю.

— Ну, я имею ввиду...

— И знать особо не хочу. — отчеканила ведьма. Мне показалось, что девушка как — то особенно напряглась. Плечи стали тяжёлые, осанка более прямая. Она всегда выглядела, словно балерина, но сейчас её лёгкость была слишком показушной. Я и сам напрягся, понимая, что мне от чего — то не хотелось прерывать эту тему.

— Имею ввиду, что ты, словно богиня вездесущая, всем помогаешь, всё знаешь. — Комментарий этот я давно припас у себя в закромах лести, когда ещё в парке болтался. Запасной план, так сказать. А в этот раз, очень не хотелось съезжать с диалога. Очень.

Маня опустила на меня прищуренный взгляд:

— Я хочу сказать, — мой голос даже немного дрогнул, заставляя прочистить горло, и прерваться на типичное «Кхм — кхм» — Что очень тебе благодарен. Я искренен в своих словах.

Девушка, вроде, слегка смутилась и быстро отвела взгляд:

— Всегда пожалуйста.

В воздухе повисла неловкость, примерно секунд тридцать мы просто молчали, остальные 4,5 минуты моя спасительница мыла посуду, накопившуюся за день нашего отсутствия. У неё жил какой — то брат, не помню двоюродный или троюродный... Но то,

что он оставил за собой срач, наводит на мысль, что они близки, хотя кто знает. Быть может, он просто нахал. (Знаю, читатель, что задаёшься вопросом о моей порядочности, ведь как обвинять человека, что оставил бардак в бардаке Манькой, подругой моей, оставленном. Но хочу заметить, что перед отъездом, она как — то умудрилась убраться, так что, возмущение моё, оправданно)

— Получается, ты можешь услышать грусть животных за версту? — специально меняю слово «скорбь» на «грусть». Очень надеюсь, что, Маня на такую ловушку поведётся.

Девчонка на удивление кивнула и продолжила вытирать тарелки:

— Типа того.

— И ты всегда идёшь им на помощь?

— Стараюсь.

— Почему у тебя тогда не полная хата кошек и щенков?

Подруга громко вдохнула. Запретная тема вновь набирает накал, нужно ретироваться.

— Ты просто не выглядишь любительницей животных, вот я и думаю... Может, ты их тоже, ну... Того. — я поднял глаза к небу, выставив указательный палец по тому же направлению.

Машка выпучивает глаза:

— Отмаливаешь. — Отвожу взгляд в правый нижний угол, не выдержав зрительного контакта с Маней. Последний раз так неловко и стыдливо себя чувствовал, когда не выучил любимый урок у любимого учителя.

Девушка проморгалась и слегка дёрнув плечами, вернулась к своему прежнему занятию.

В комнате опять повисла тишина. Не выдерживаю.

— Мар, ну ты чего?

По квартире пронёсся звук битой посуды. СВ выронила из полотенца тарелку. Осколки пролетели сквозь мои ноги. Поднимаю взгляд на не моргающую ведьму. М — да, посуда и правда у неё не держится.

— Как ты меня назвал?

Я заметил, как в глазах девушки начали появляться слёзы от того, насколько долго она не моргает. Руки застыли в том же положении, что и в моменте «потери» посуды. Кажется, они даже немного подрагивают. Всё тело СВ выдавало её беспокойство.

— М...Мара. — заикаясь, ответил я. Подруга не отреагировала — Ну, — потребность объясниться росла в геометрической прогрессии — Моя подруга детства звала себя Марой вместо Машки, не знаю, с чем это связано. Вот я и привык. Извини, если задел. — Не знал что путаница с именем может вызвать такую бурную реакцию. Сразу вспомнились слова нашей философички: «Больше слушайте «ничего», которое возникло в диалоге, нежели диалог, который возник из «ничего.»

— А, да нет. — плечи стекают вниз, девчонка даже немного засутилась, выдавая спавшую напряжённость — Показалось.

Я фыркнул. Слишком много она сегодня реакции даёт «не на что»:

— Мар, — выдаю провокацию — Я же могу тебя так называть, раз всё нормально?

Машка громко вдохнула:

— Нет, не надо. У меня есть своё имя. Мне моё имя нравится. — оттараторила она — Мы вернулись домой и ты начал выдавать свои финты. То комплиментами осыпал, то в душу лезешь! Что на тебя нашло?

Я обомлел. Взорвалась? Так долго держалась и «бум»? Задел её?

— Да я просто...

— «Да я просто...» — передразнила ведьма — Я поставила вопрос конкретно: Что Тебе. Надо?

Когда она начинает говорить именно так, впечатывая меня в пол, я чувствую себя загнанным в угол. Тело само по себе поднялось в той же позе, ноги разогнулись, выпрямляюсь перед хрупким телом своей услужливой волшебницы. Девушка нахмурилась и чуть ли не попятилась, но сдержала порыв, вслед за мной, выпрямляя спину.

— Ладно, хочешь честно? Будет тебе честно. — глаза устремились конкретно в глаза Розововолосой — Ты странная. Мало того, что ты призраков видишь, так ты ещё и котов «спасаешь». Скорбь какую — то чуешь и так далее. Я называл тебя ведьмой, но на самом деле не думал так. Сейчас я меняю своё мнение. — Вот и у меня случился «бам». Внутри всё горело. Почему — то я хочу выведать всё у этой шпионки. Почему — то чувствую, что это важно.

Манька неожиданно закивала, прищутив глаза:

— Отлично! Я всё расскажу! Прицепился, как банный лист к...

— Без оскорблений пожалуйста!

Деваха шумно вздохнула и кивнула на стул. Собрала на поднос кружку с сахарницей и присела напротив.

— Я не ведьма. Я пра — пра — правнучка богини. — накладывая кубики в кружку, спокойно произнесла она. Когда успела залить чай?

Глаза мои стали расширяться с скоростью света. На третью секунду после сказанного я уже мог увидеть свои брови. Немного погодя усмехаюсь:

— Ты говорила, что расскажешь правду, а сама начала мне тут мифологию вещать.

Манька отпила из кружки, не сводя с меня глаз:

— Ну и что за богиня удостоилась чести быть твоей прабабкой? — интонация сама по себе получилась саркастичной. Не то, чтобы я пытался это скрыть, но акцент на сомнении получился весьма жирным.

— Морана.

— Мо... — пытаюсь бегло повторить слово, что выдаёт нервозность. Тут меня прерывает громкий мяв позади. Кот настойчиво смотрел на выставленную ногу из — за стола, намекая на её неправильное местонахождение. Препятствие для пушистого было огромным. Услужливо подтягиваю конечность.

— Не хочешь — не верь, мне не принципиально. Ты просил, я сказала. С меня взятки гладки. — девчонка глянула на рыжего — Перс, не стесняйся. Проходи. По сути, я в этой комнате почти одна.

Колко, Маня, колко.

— А что ж ты тогда тут забыла? — всё никак не унимаюсь и вместе с тем, мой сарказм, всеми силами, с огромной дерзостью, рвётся изнутри.

Маша уже гладила Перса на коленках, который, казалось, упивался всем происходящим и слегка даже издевался своей довольной ухмылкой:

— Я же пра — пра — правнучка, идиот.

— Нет, мне просто интересно, а откуда ты это взяла?

— Бабушка сказала.

— Свечку держала?

Маня поперхнулась чаем и с грохотом отставила кружку на стол, заставляя кота слегка

вскочить, выгибая спину:

— Да что ж ты неугомонный такой?!

— Да потому что мне интересно, кто за моего кота теперь в ответе! Я сестру не уберёг, так хотя кота должен ведь!

В комнате повисла тишина. Слышалось только громкое мурлыканье рыжего.

Замечаю, как Маня начинает медленно краснеть. Она, со своей привычной лёгкостью, принялась размешивать чай в кружке, заставляя медную ложку биться о стенки ёмкости. Та создаёт при этом характерный ритмичный звук. Глаза ведьма тупит в стол.

— Она жива. — уточнение показалось мне очень необходимым — Просто у неё сейчас подростковый период, все дела. Защита старшего брата нужна, понимаешь? — упускаю, как сам поддаюсь вперёд, но смекнув, что такой напор может и спугнуть атмосферу, осаживаю себя на место.

Маня кивнула. Тишина не умолкала.

— У тебя интересная реакция на мои слова о Маре. — делаю ещё один провокационный шаг, если не поддержит диалог, то всё. Абзац.

Маша угукнула.

Приехали.

Персик замурлыкал сильнее, девушка аккуратно отвернулась к окну, оставляя меня вне поля своей видимости. Чувствую себя пустым местом.

Я почти поднялся на ноги, как резкая боль в груди пресекла мою попытку. Сжав толстовку, пытаюсь выкрикнуть имя подруги, но воздух, которого и так не было в лёгких, почему — то сейчас и вовсе исчез.

Страх. Вот, что я почувствовал. В глазах начало темнеть, стараюсь сделать вдох.

«Умереть, будучи призраком. Это что — то новое.»

Отдалённо слышу, как Персик издаёт истошный «мяв», следующим кадром вижу, как Манька подпрыгивает с места и ставит руки перед собой, образуя треугольник из ладоней. Прикрывает глаза. Что — то шепчет... Или кричит? В глазах окончательно помутнело, стараюсь найти опору в рядом стоящей стене. Рука проползает внутрь.

— Тебя... — улавливаю, сквозь шум у ушах, отдельные слова — Меня...

Что за бред? Она рэп решила почитать?

— Силами я... — Марусь, заканчивай, я походу коньки тут отбрасываю! — ... не трогай меня!

Вот неугомонная!

— Силами я заклинаю тебя! Боль, уходи! Не трогай меня! — доносится до меня.

Фраза целиком. Делаю вдох. От кашля тело содрогается, на глазах выступают слёзы, я складываюсь по полам, впрочем, ненадолго. Ноги подкашиваются, и вот, я уже стою в положении на коленях, пытаюсь взять, как можно больше воздуха.

— Силами я заклинаю тебя! Боль, уходи! Не трогай меня! — повторяла Маня— Силами я заклинаю тебя! Боль, уходи! Не трогай меня! — теперь я слышал её. Она не шептала, и даже не кричала. Она истошно вопила на весь дом. Что это? Заклинание?

— Всё, всё!.. — выдавливаю сквозь кашель — Всё!

Девушка резко нагнулась, оказавшись на моём уровне:

— Ты как? Отпустило? — тянется потрогать лоб, но быстро себя останавливает. Видимо, вспомнила, с кем имеет дело. Немного тушуюсь. Давно никто на меня не смотрел с таким беспокойством. Мы что, синхронизировались за вчерашнюю ночь?

— Я не знаю. — честно признаюсь я. Мне было страшно. Я не испытывал страха три с половиной года. Я отвык. — Мань, я боюсь... — полные слёз глаза впились в покрасневшее лицо Маруси. Девушка активно закивала.

— Я знаю, знаю. Я тоже. Но мы разберёмся, дай мне время. Пару часов. Я разберусь! — деваха быстро поднялась и вытащила из заднего кармана смятую, чёрную от земли, сотню — Останься с Персиком, Эд, мне надо отойти!

Я не успел ничего сказать против, как девчонка выпорхнула из кухни, быстро схватила куртку с сумкой, и хлопнула входной дверью.

— Ограбят же. — пытаюсь прийти в себя. Персик с волнением наблюдал за моими действиями— Я уже умер, бес шерстяной. — Оповещаю бывшего сожителя, вдруг он не знал? В конце концов, эта пушистая морда последние три года была со мной. Почему я так к нему отношусь? — Ладно, извини. — рука потянулась погладить рыжика, но тот привычно прогнул спину, не давая до себя дотронуться. Прямо, как при жизни. Замяли. Прошлый вопрос снят.

Аккуратно поднявшись, я присел на место подруги. На своё меня уже не тянуло.

Что это было? Как это называется? Дед Макар говорил, что мёртвые не в состоянии почувствовать даже дуновение ветра. Ведьма утверждала, что боль обычные призраки не чувствуют. Почему так резко? Что спровоцировало? Столько вопросов... Но главное, куда пошла Манька? От чего не взяла меня с собой?

Персик ловким прыжком сократил меж нами дистанцию. Котяра теперь сидел рядом, прямо на столе. Удивительно, но пушистый не задел ни единым волоском чай своей спасительницы.

Глава 8

Девушка ловко перепрыгивала через лужи и обгоняла прохожих, как назло, шляющихся по улице в шахматном порядке. Пару раз она чуть не снесла детишек, но её это не сильно волновало. Крикнув беглое «Простите!», только сильнее припускала.

Пробежав так пол города, она выскочила на местный пустырь. Осмотревшись по сторонам, деваха отбросила сумку в сторону.

— Брат мой! — Мария злостно фыркнула и подняла взгляд наверх — Прощу, немедленно явись мне!

Ветер аккуратно потрепал розовые волосы, заставляя поёжиться. Никого не появилось.

— Люли... — ножкой СВ кокетливо очертила вокруг себя полукруг — Ай, люли... Где ж вы денюшки мои...

В небе раздался громкий раскат грома, горизонт быстро помрачнел, осенние листья закружились вихрем. Светлая вспышка ослепила глаза.

Позади хрупкого тела возник крепкий мужской силуэт.

— Ужасный, должен заметить, отвратительный приём, напоминать родному человеку о деньгах им позаимствованных. В чём дело? — тихий бас заставил вздрогнуть. Ловко провернувшись вокруг своей оси, девчонка предстала перед юношей в полный рост.

Парень был выше её на двадцать сантиметров. В плечах, раза в полтора шире, телосложение спортивное. Серо — голубые глаза настойчиво сверлили родственницу. Грудь угрожающе вздымалась, правый краешек верхней губы слегка подрагивал. Волосы платиновые, с изредка, проглядывающими серыми прядями.

Ведьма медленно прогоняет возникший ком из горла. Отвыкла видеть брата в таком амплуа, знаете. Поджилки слегка вздрогнули, но интерес к произошедшему пересилил:

— Как может быть, что мёртвый чувствует боль? Как такое возможно? Как может быть возможно, что он дремлет? — вопросы полились рекой. Хоть розововолосая и пыталась сдерживать дрожащую интонацию, получалось это, через раз.

Парень зачесал рукой блондинистые волосы:

— А мне по чём знать? — чёрная кожанка слегка скрипнула, когда он пожал плечами — Хочешь ответов? Вернись домой. — тембр голоса перешёл из раздражённого в азартный. Это умение брата всегда поражало Маню, как можно так быстро переключаться меж эмоциями?

Девушка отвела взгляд:

— Тебе самому здесь нравится, каждые выходные бегаешь ко мне поразвлечься. — осуждающе парировала она.

— Ну ты же не дома, вот я и бегаю. Зачем квартире, оплаченной, зря пропадать? Ты же таким трудом, — блондин потянулся было потрепать сестру за волосы, но та раздражённо вздёрнула подборок, изворачиваясь от намерения — Зарабатываешь деньги. Хотя, может и не зря, что именно так.

Маня искривилась в лице. Выражение стало сердитым:

— Я задала вопрос.

Блондин взмахом руки выдернул из пространства деревянную бересту:

— *Аже Навь прибавити неключимого, выжлец налести ёхо исповедати язву чують.* (Если смерть призовет недостойного, пёс — бес отыщет его и заставит болезнь познать).

Оже язва в море само налести (Если же, болезнь после смерти сама тебя нашла), *ведати же, к мору пути твоя омженны* (Внемли же, к смерти пути твои закрыты). *Ведь коли язва налести и таче*, (Ведь если болезнь тебе нашла и ПОСЛЕ/ПОТОМ) *помер ты чудовищем лукавым, або вовсе не жил*. — юноша на одном дыхании продекламировал писание. Он старался всеми силами скрыть свою гордость за смекалку, но получалось это тяжело. Сестра заметила потуги и вежливо пропустила их без колкостей.

— Я помню, Слав. Просто никак не могу поверить.

— Расскажи поподробнее, я слышал мельком. — парнишка протянул «шпаргалку» сестре, та принялась её разглядывать, всё глубже погружаясь в раздумья — Хэллоу? — брат очертил руками круги перед лицом.

— У него закололо в груди, спёрло дыхание. Мне пришлось прочесть славление. — не поднимая взгляда, высказалась девушка.

— Славление? Истинное или тобою написанное?

— Если я начну истинное читать, меня быстро засекут.

— А — ах, да... — Слав мечтательно улыбнулся, одарив Машу издевательским взглядом — Ты же у нас беглянка.

— Хватит стебаться, Борислав. Ты уже в который раз за пять минут упомянул последствия моего поступка.

— Наш бомонд по тебе соскучился.

— Я по бомонду ни чуть. — Маня подняла голову и расплылась в натянутой блаженной улыбке. Вся физиономия её выдавала огромное нежелание продолжать эту тему. Глаза лукаво сузились до размера щёлочек, уголки рта почти «приклеились» к ушам.

— Ужас, пугающее зрелище. Не делай так. — Платиновый демонстративно вздрогнул, шевеля плечами.

СВ выпустила древесный кусок из рук, круто разворачиваясь на пятках в противоположную от парня сторону. Когда береста должна была коснуться асфальта, она попросту растворилась.

— Ну чего ты злишься? — законючил Борислав — Неужели тебе так принципиально разобраться с этим троглодитом?

Маша приобняла себя за плечи, продолжая молча всматриваться в горизонт. На улице быстро вечерело.

— Ладно, давай подумаем логически. — начал парень — Если после смерти тебя пёс наш не отыскал, значит, плохо ты помер. Неправильно, так?

Маня кивнула, блондин плавно подошёл к сестре и встал возле неё:

— Если после смерти язва (болезнь) тебя найдёт, значит жил ты, как чудище. Верно?

— Ну? — в глазах девушки появилась искра заинтересованности. Цвет их слегка оживился. Серость разбавил голубоватый оттенок. — Намекаешь на то, что он маньяк какой?

— Ну! — Слав упёрся руками в колени, чтобы быть одного роста с беглянкой — А может и так, сестрёнка! Может, он из тех, кто людей убивал и теперь!..

— Давай дальше. Это невозможно. — твёрдо присекла Мария — Что там ещё было? «Или вовсе не жил?» — тон был сомневающимся.

Блондин недовольно надул губы:

— Да, так. Но тут два смысла.

— Первый я знаю.

— Удивишь?

— Если человек жизнь не ценил, он и не жил. Тогда его пёс быстро находит и на ту сторону переправляет.

Слав одобрительно кивнул.

— Второй смысл знаешь?

Маша молчала:

— Значит, слушай внимательно и желательно думай. Твоего суженного пёс ищет?

Девушка ненадолго задумалась:

— Вроде, нет.

— Ни «вроде», а нет. — поправил брат — Это что значит?

— Что душа его пока никуда не определена.

— Именно. Сколько времени прошло с даты его смерти?

— Больше месяца.

— Сколько дней нужно псу, чтобы отыскать душу, будь она определена или нет?

— От трёх до девяти.

— Следовательно?...

— Он его потерял. — заключила Машка.

— Предположим и так. Идём дальше: «Или никогда не жил вовсе», или как там...

Короче, второй смысл заключается в том, что человек НАСТОЛЬКО не жил, что жизнь его за жизнь не считается, а значит и смерть его как бы фиктивная. И пока наш великий и могучий бомонд пропажу не заметит, есть шанс того, что твой тунеядец...

— Жив! Покуда жизни не видел до двадцати пяти, а смерти не увидел!

Борислав вскинул руки к небу:

— Аллилуйя!

Машка слегка пошатнулась, брат, заметив это, подхватил её за плечи:

— Алё, гараж! Это не точно! Может, он просто от инфаркта помер! Потому и не заметил смерти — то!

Машка прыснулась смехом:

— Ты понимаешь? Он жив! — девушка, судя по всему, была уже далеко от происходящего.

Парень прищурился:

— Я бы не делал поспешных выводов, сестрица. Быть может, твой Лель просто сыграл ни на той флейте. Быть может, он также застрял меж миров, и та самая болезнь его пожирает. Быть может, он...

— Болезнь сжирает быстро, словно огонь. Особенно чудовищ, маньяков и так далее. Здесь тянется медленно, как смола. Ты сам прекрасно знаешь, что это значит, что мы правы. — настаивала собеседница.

Возникла непоколебимая тишина. Где — то вдалеке прокатился раскат грома. Родственники не прерывали зрительного контакта.

— Надеюсь, Ма — ри — я, — имя сестры Борислав выговорил с особенной усидчивостью и как будто издёвкой — Ты не допустишь прошлых своих ошибок.

— Я не допущу.

Слав выпрямился. Глаза его помрачнели.

— Ни тебе решать, кому возвращаться, а кому дальше прозябать в междумирие.

Сумка ловким движением руки очутилась на плече. Девушка вздёрнула ремешок

поближе:

— Я в курсе. Я не собираюсь ничего делать.

— Ты почти что потомственная ведьма здесь, так будь добра, хоть эти обязательства исполни, как надо.

Розововолосая приподняла бровь:

— Ты читаешь мне нотации. Какая досада. — тихими шагами, она ловко обогнула стоящего на её пути братца.

— Ты сильно рискуешь! — выкрикнул платиновый вслед. Сестра же, не поворачиваясь, взмахнула рукой. Позади послышался сильный раскат грома. Мужской силуэт растворился в воздухе, оставляя за собой белый туман.

«Он жив!» — проносилось в голове. Девчонка даже не замечала, как наступала в лужи от разыгравшегося дождя. По истечению десяти секунд, ведьму настиг настоящий ливень. Вода «стояла» стеной. Спустя минут пятнадцать, заметив, что одежда вымокла до нитки, Машка решила вильнуть в ближайший переулок, под навес.

Стоило ей сделать шаг, как по телу пробежала дрожь. Впереди, прижав за глотку к стене, кто — то теснил незнакомца.

Ведьма шустро вильнула за мусорный бак.

— Ты говорил, информация точная. То — лик. — последнее слово один из бугаев процедил слишком ядовито. Два взрослых мужика, размером с книжные шкафы, прессовали хрупкого парнишку.

— Не моя оплошность, что вы не уследили за людьми Прохора! — прошипел бедолага. Судя по тому, что он захрипел, глотку ему пережали сильнее — Я говорил правду! Я думал!..

Второй с размаху всадил кулак в живот отвечавшего, тот закашлял:

— А мы и не говорили, что ты лжёшь. Информация точная и информация неверная — по — разному караются, дружище. — Бугай постукал по плечу первого, видимо, отдавая невербальный приказ. Тот разжал хват. — Если бы ты солгал, щенок, ты был бы уже со своим другом. И не одним.

— Другом? — первый рассмеялся, Маня невольно вжалась поглубже в угол. Зачем она вообще там сидит? Надо бежать! — Да отведи Господь от таких друзей!

Толик, так называли парня «шкафы», пытался отдышаться и откашляться, одновременно вжимаясь в кирпичную стену.

Машу удивило, что парень, хоть и был в удивительно шатком положении, но взгляда, полного слёз и ненависти, не отводил. Там был ни страх, ни злость. Скорее, обида. И судя по тому, что он её сдерживал, больше обижался он на себя.

— Ты закончишь дело. — перебил Второй — Иначе начальство будет очень сильно недоволено. А если начальство недоволено, — мужик притянул Толю за шиворот — Оно лютует. — небрежно толкнув парня, мужики направились в сторону выхода из подворотни. Понимая, что ведьма рискует быть замеченной, она забралась поглубже за мусорный бак, но по неаккуратности задела за край, заставляя издать глухой «бум». Бугаи остановились. Словно псы, они начали водить носами вправо и влево.

— «Мя — я — яу» — передразнила Маня, с свойственным котам, пискком.

— Кошки дранные. — Первый вытащил из внутреннего кармана пиджака спрей для носа. Сделав два «пшика» в одну ноздрю, мужик лукаво усмехнулся — Найму службу по отлову, задолбали уже.

Розововолосая скривилась.

— Сезон осенний, босс. Потравим.

Когда фигуры достаточно удалились, девушка слегка высунула голову, оставаясь в своём прежнем положении. Удостоверившись, что опасность миновала, Мария выглянула в сторону пострадавшего парня. К удивлению, того на месте уже не оказалось. Позади переулка был довольно высокий забор, единственный путь отхода с этой улицы — перелезть через него. Девушку передёрнуло. Трясущаяся от дождя и ветра металлическая сетка уверенности не внушала, но смог же он как — то перемахнуть?

Ещё раз осмотревшись вокруг, Маша окончательно удостоверилась, что амбалы скрылись.

Быстрым движением руки, она достала из заднего кармана телефон и тонкими пальцами набрала номер:

— Такси? Да, здравствуйте...

Машина возле девушки была уже через пять минут.

Детская площадка полностью утонула под неожиданным циклоном.

Посреди стояла компания парней, которые активно что — то выясняли. К сожалению, у любопытной бабки с третьего подъезда всё никак не получалось расслышать о чём же там идёт речь. Ливень, стучавший по железному подоконнику, совершенно умолял слух местной сплетницы — Толик, ты прикалываешься? Скажи, что случилось, и мы поможем! — Ванька тряс за плечи товарища.

Блондинистый парнишка, ростом под два метра, с алым лицом тормозил своего друга, заставляя наконец «расколотся» и объяснить, что происходит в последнее время. Товарищ молча поддавался движениям вопрошающего. — Хватит молчать, придурок! Мы ведь семья! Расскажи, я помогу! Мы! Мы поможем! — оборачиваясь курящую позади компанию, внушал Ваня.

Толик, ещё немного послушав, лишь закатил глаза и вырвался из хватки, устремляя на друга злостный взгляд:

— Я помощи просил? Хоть раз заикнулся?

Ванька опешил. Слова застряли в горле, он замолчал.

— Дело не в том: просил ты или не просил, Толян. — вступился Саня — Мы видим, что с тобой что — то происходит. Мы уже потеряли своего брата, не хотим второго упустить сквозь пальцы.

Рядом стоящий Коля потупил взгляд. Глаза моментально наполнились слезами. Парень тяжело переживал произошедшее с Эдуардом. Он винил себя больше остальных. Они были ближе всех друг другу. Даже, когда Эд зашёл в эту чёртову депрессию, Колька, с периодичностью раз в неделю, приходил к постоянно спящему другу и прибирался у него. Проведённое вместе детство давало о себе знать. Ребята даже сделали запасной ключ, который хранили, как ни удивительно, под ковриком с дружелюбной подписью: «Вам здесь не рады».

Николай, в последнее время, вовсе перестал ходить к другу на квартиру. А какой смысл? Друга ведь там больше не было. Единственное, что осталось — это огромное количества бухла и кот...

— Твою — то! — вскрикнул рыжий, прерывая беспокойные диалоги ребят. Три пары глаз в миг обратились на парня. Тот смахнул слёзы на глазах и уставился чётко на Ваньку — Персик, Ванёк! Персика — то мы забыли?!

Глаза Ивана с растерянных в секунду сменились на удивлённые, ещё через секунду, на испуганные:

— Перс! Котяра! Твою — то!..

Ребята всем скопом рванули к машине, Колька уже пробежал мимо Толи, как заметил у того новую татуировку, аккурат торчащую из — под рукава белой толстовки.

— Крутая татушка, братец! — он притормозил. Толян, будто очнувшись от мыслей, вздрогнул и сильнее натянул рукав. Внимание на это друг не обратил. — Ты прости нас, мы просто все в шоке от... Случившегося. — парень потянулся похлопать по плечу товарища, но тот отшатнулся. Коля поджал губы. — Как знаешь.

— Заканчивайте играть в «Бригаду». — Николай, не оборачиваясь, притормозил — Тошнит уже.

Он ушёл молча, кивнул на прощание, стоящему посреди тротуара, Толику и скрылся под крышей автомобиля.

Секунды спустя, автомобиль уже выезжал со двора, оставляя позади стену из горького дыма.

— Ну и похрен. — Шатен стоял один. Посреди того самого двора, где они первый раз встретились, как компания. Там, где он оказал им услугу, за которую потом расплачивался ни один год. Толя с обидой пнул рядом лежащий камень.

На белых кроссах проявилась чёрная полоса.

Манька растирала ноги под печкой на переднем сидении. Произошедшее в переулке стояло перед глазами. Она чувствует, когда человек виновен в смерти кого — либо, но тут, будто, что — то серьёзнее, чем просто медвежья услуга по транспортировке души к Богу. Ведьма и сама ощущала неистовое желание накричать на паренька, но почему?

— Э, вэй, дэвушка! — мужчина нерусской национальности ловко включил поворотник — Зачем такая красивая дрожишь?

— Люди пугают всё больше. — не поднимая взгляда, ответила пассажирка.

— Ай, вэй, золотая! Конечно, пугают! Ты цены хоть видела? Цены — то? Сейчас жить дорого, золотая! Люди людей травят, так ведь это ещё что! Они ведь и деньги за отраву — то гребут! — мужик ловко маневрировал между машинами, обгоняя то и дело, именно большие и дорогие иномарки. Джипы, внедорожники. Легковушки он пропускал. Никак иначе, как борец за справедливость, подметила Маня. Говорил он на распев, будто всю жизнь занимался в хоре.

— Вы бы поаккуратнее, а то попадётся какой — нибудь... высокостоящий человек. — Ведьмочка всегда забывала названия должностей, хотя, справедливости ради, она их и не запоминала.

— Ай, золото, да я сам из таких! Я в такси — то ради общения! — смеясь, вещал водитель.

— Я не удивлена. — без доли сарказма заверила Мария — Нет, правда. — увидев удивлённый взгляд мужика, убеждала девушка — Я часто встречаю свободных людей, которые делают что — то уже не потому что надо, а из удовольствия. Потому что, хотят. Я и сама пыталась так делать.

— А зачем пытаться? Надо делать! — посоветовал собеседник. Манька кивнула. Дрожь потихоньку отпускала — Вот ты, красавица, что, например, сделала, ай?

— Сделала? — Не хватало Маруське сейчас сцепиться языками с таксистом. Маня.

хорош!

— Ну, мечты ради своей, что ты сделала, а? Не мечтала ли делать то, что хочется?

— А у меня нет мечты. Никакой. — Она и сама не поняла, как ответила. Отвернувшись к окну, девушка пеняла на себя за несдержанность.

— А ради себя делаешь что? Если делаешь, то мечтой и зовётся!

— Кто же вам такое сказал? — Мария была не совсем вовлечена в диалог. Капли, бегающие по стеклу, наперегонки, быстро переключили внимание СВ на себя. Теперь речь лилась будто самостоятельно.

— Татик, — заворачивая за очередной поворот, легко ответил мужик. Дворники ритмично разбавляли тишину.

— А? — девушка, не расслышав слово, рефлекторно повернулась к водителю.

— Бабушка по — вашему, красавица! То, что для себя делаешь, то и зовётся мечтой!

— А мне говорили, что мечтать вообще нельзя. Хочешь что — то получить — делай. — высказалась Мария — Глупости всё это, детские сказки. Мечты, желания. Есть потребность, потребность в себя включает и то и то. Потребность рациональна.

— И беспощадна. — подытожил мужчина — А кто сказал, что я про твою мечту говорю, э? Не дослушаешь, а уже вперёд бати в пекло лезешь, да?

Манька даже слегка развернулась, чтобы обзор на собеседника был лучше:

— Молодые — молодые, так и есть, что глупые!

— А про чью мечту вы тогда говорили... Э... — Розововолосая застопорилась, осознав, что имя собеседника она не знает.

— Улугбек. Приятно познакомиться. — представился водитель — А вот хоть бы про родителей твоих? Вот мечта где! Вот мечта чья! Они ж мечтали, чтоб ты в достатке была! Ведь потребность та самая в мечте — то, только для тебя не важна, а для других даже очень!

— Ну это уж совсем бред, Улугбек. То есть, мои потребности должны быть рациональными, а потребности окружающих иррациональными, так что ли? Что же мне, жить и удовлетворять мечты чужие? Правильно это по — вашему?

— А вот тут и я с тобой соглашусь, красавица. — мужик начал заворачивать на знакомую улицу, аккуратно притормозив перед лежащим полицейским, Улугбек закашлял— Ведь... Нет у человека, как личности... — мужчина прерывался на громкий кашель — Нет у человека мечтаний! Быть не может! — Улугбек отвернулся, пытаясь спрятаться за курткой.

Манька спокойно разглядывала происходящее:

— Эх, Улугбек. Ваши б мысли, да людям в голову. — водитель удивлённо поднял заслезившиеся от кашля глаза — Вы хотели сказать, видно, что человек сам себе хозяин? Что захотел, то и взял? Мол, желания он только иметь и может. Иметь и должен? А мечты для окружения его во славу его? Что — то такое? И каждый человек жить должен так, как другой завещал, потому как другой ему только добра и должен желать?

Улугбек закивал, пытаясь прекратить кашлять:

— Ну, от части вы правы. Но только откуда у вас, у человека погибающего, такая уверенность?

Улугбек ошарашенно распахнул глаза, но ненадолго. Кашель брал своё и активнее проявлялся, заставляя содрогаться в приступе боли и хрипоты.

Мария с сожалением наблюдала за происходящим. Её всегда поражали людские мысли. Особенно, такие. Правильные, что ли... Девушка кивнула на водительское место, окно возле мужчины медленно опустилось, впуская свежий влажный воздух.

— Ладно, я с вами соглашусь. Но раз человек человеку — брат, если каждый своему виду должен добра желать, как тогда вы до такого дошли? До смерти почти? Что же, вас окружающие не желают вам добра?

Мужчина, ещё немного покашливая, завёл заглохшую машину. Немного проехав, он снова притормозил, ведь приступ стал совсем невыносимым:

— Рак лёгких, да? — Маша всматривалась на появляющееся, после ливня, солнце. Капли красиво приземлялись на лобовое стекло, заставляя прищуриться. Девушка улыбнулась. — А я вот считаю, что мечты близких должны исполняться, особенно, если они касаются хорошего человека. Ну, по вашей логике — то.

— Так ведь, не от них зависит мечта такая. Иль исполнение... — как на духу ответил собеседник. Сначала он хотел спросить откуда она знает, что его мучает не просто бронхит, а именно рак. А потом какое — то лёгкое спокойствие разлилось по груди после такого урагана, и он отбросил мысль говорить вовсе.

Улугбек только хотел засмеяться, как кашель снова прервал его. Маня перевела взгляд на мужчину. Спокойно осмотрела его и, дождавшись пока приступ закончится, полезла в сумку:

— Да не надо, красавица. Редко услышишь умные мысли от молодых... Бесплатно я тебя довёз. — объявил таксист. В глазах мужчины, Мария была уже не просто умной девочкой, она была, как будто, панацеей на недолгие минуты. Стоило ей сказать слово, как кашель прерывался и грудь отдыхала от изнуряющей болезни.

Розововолосая вытянула маленький каравай из сумки. Красивая плетёнка поверх самого пирога, уютно украшала изделие. Пирожок был не больше её ладони. Девушка протянула презент водителю. Тот заулыбался:

— А вот это дело хорошее! — Улугбек, не дожидаясь Манькиного «пожалуйста» принялся жадно откусывать каравай. Ведьма засмеялась. Если человек духом чист, на подобные презенты, у него должна быть именно такая реакция, именно огромное желание сразу же поглотить хлеб. Поэтому Машка была только рада, когда половина булки шустро скрылась во рту водителя — Да я на смене с пяти утра, кушать хочется!

СВ закивала:

— Нет проблем. Как вам на вкус?

Мужчина замедлил чавканье:

— И солёное и капельку сладкое. — сказал он — Но соли больше. Сама готовила?

Мария снова кивнула:

— Мне слегка помогала ваша семья. — водитель напрягся, но хлеб во рту будто разбух, не давая сказать и слова — Кстати, племянник добавил сахара трагедии вашего рода. Мой вам совет, сходите потом на обследование и заберите у него ту долю наследства. Ваш сын в Карелии переживает куда больше, чем этот ушлёпок. — Машка не любила выбирать выражения. Если она считала кого — то ушлёпком, она называла этого человека ушлёпком.

Улугбеку оставалось удивлённо вытаращить глаза:

— Пусть мечты сбываются, Улугбек, ваши и не ваши, чьи угодно. — девушка хлопнула в ладоши, голова водителя по инерции приложилась на руль. Глаза медленно закрылись. Недоеденный пирог обратился в воду, растекаясь по штанам и ковру хозяина машины — Слезы горести легко отстирываются. Скоро в этой машине будут слёзы радости, а эти и вовсе не пачкают поверхности.

Машка аккуратно вылезала из авто, когда мимо промчался коричневый фольксваген,

заставляя отшатнуться и впасть обратно. Улугбек недовольно заёрзал, впадая глубже в сон. Девушка тихо вылезла и прикрыла дверь такси. Мгновение спустя лицо сменилось на недовольное и она начала сильно жестикулировать вслед нахалу:

— Вот так и отучивайся от нецензурщины! — бранилась Маня. Минуту переведя дух, девчонка решительно направилась в третий подъезд здания. На скамейках привычно сидели бабушки, одна из них активно заохала, привлекая к себе внимание:

— Машенька, девочка! Ой, спасибо, дорогая, за отпевание — то! Сестрёнка — то моя поди довольна «там»! — женщина прослезилась, чем запустила механизм причитаний от своих ровесниц — Ой, спасибо!

«Помощница» неловко улыбнулась и бросив «Всегда рада», припустила с новой скоростью в подъезд:

— А Эдика — то не видно давно! — мельком услышала девчонка — Совсем пропал... — жалобно протянула бабуся в цветастом платке.

— А говорят, помер он, Нинка! — спешила оповестить вторая — Вон, авария была на Слободском, так он и погиб, говорят!

Та самая Нинка, видимо, очень удивилась, так как её «Ка — а — ак?!» было слышно на весь двор.

Ведьма уже по привычке закатила глаза. Каждый раз сплетни становятся всё менее интересными, а слухи всё более быстрыми. Когда Маня только начинала свою «профессию» помощницы, она любила слушать рассказы про смерть, как бы странно это не звучало. Тогда она выживала на дарёных харчах от людей, что старались облегчить переход родственников, так что, потеря близких означала для девчонки процветание бизнеса, и лишние бонусы за пару часов местной психотерапии. Тема отпеваний Машке была, как таковая неприятна, но тенденция занимать своё время таким занятием, осталась.

Девушка ступила на нужный этаж. Поднимая голову, СВ сощурила глаза, пытаясь разглядеть незнакомую компанию возле нужной двери.

— Да тут ключ был, я вам отвечаю! — кричал парнишка с переливающимся рыжим оттенком волос. Он указывал на знакомый коврик возле двери.

— Был да сплыл? — саркастично заметил второй, чёрные патлы были элегантно зачёсаны назад. Не без помощи геля, судя по блеску — А может, кота выселили, по неоплате?

— Да Эд на полтора года вперёд денег закинул в прошлом месяце!

— Стоп, ребят, стоп. Сейчас разберёмся, не кипятитесь.

Маня всё ещё стояла внизу, не понимая почему эта компания остановилась точно возле двери Эдика.

«Логично, что это его знакомые, но насколько близкие?»

— Извините. — женский голосок заставил парней прервать разбор полётов — А вы кто? — капюшон Маня аккуратно сдёрнула, освобождая розовые пряди. Они почти высохли, создавая пышную укладку на голове.

Рыжий с любопытством выглянул из — за спин друзей:

— А вы? — с недоверием спросил он.

— Я Мария. Друг Эдуарда.

— Судя по виду, вы подруга. — заметил брюнет — Приятно. Меня зовут Александр.

— Я Ванёк. — подхватил блондин.

— Коля. — поддержал рыжий.

Стиль в одежде Машке сразу приглянулся. Он у ребят был разный, абсолютно у всех. У чёрненького стиль был серьёзный. Чёрный плащ, тёмные джинсы, белая рубашка, на которой нет ни единой складки. Есть предположение, что он педант. Рыжий будто взял вещи у Эдика, стиль простой: розовая толстовка с белой надписью «Smile», просторные джинсы, почти стёртые кеды, на рукаве пятно от кетчупа. Этот, наверняка, довольно зрелый, ценит в людях простоту. Люди с простым стилем всегда ценят в человеке человека. По статистике, по крайней мере. И третий, блондинистый, немногим повыше друзей, стиль домашний: просторные хлопковые штаны в красную клетку, рубашка в синюю клетку, растрёпанное каре, которое придерживает на макушке пружинка в виде ободка. На ногах... Сланцы? Ну надо же. Не мёрзнет или катается на машине?

— Не назвала бы себя подругой. Скорее, всё — таки, друг. — Машка начала подниматься по лестнице к компании. Приблизившись, девушка вытащила из кармана парки ключ и игнорируя вопросы от ребят, прошла внутрь.

— Ну, Колян, видно, у него было кому присматривать за Персиком, зря переживали. — подытожил Ваня.

— Инциденту полтора месяца, а вы только вспомнили про кота? — Маруся по — хозяйски прошла к ближнему шкафу. Потягиваясь к верхней полке, она приподнялась на носочках — Удивительная безалаберность.

Александр быстро преодолел расстояние до компактной знакомой и лёгким движением руки достал то, за чем тянулась девчонка. Зелёный свитер с оленями завис в хватке у брюнета:

— Объяснишь? — он протянул одежду.

— Персик плохо спит без запаха хозяина. — отчеканила СВ. Ответы были заготовлены за минуту до вопроса, на всякий случай.

Парни переглянулись:

— Кот у тебя? — почти взвизгнул Колька — Я хочу его забрать!

Машка даже немного удивилась такому энтузиазму. К тому же, как сильно она не хотела бы соглашаться с таким рвением, торчащий нож из кармана брюнета, остановил все возражения на полуслове.

— Отдам, коли хочешь. — пожала плечами ведьмочка. Девушка умело сохраняла невозмутимый вид. Не хотелось бы нарваться на конфликт с вооружённым человеком.

— Ты и пыль протирала. — проведя пальцем по поверхности полки, заметил Ванька — Ты как давно сюда ходишь? И срок такой точный... Инцидента.

Розововолосая непоколебимо совала свитер, игнорируя домыслы.

— Я не могу отдать вам ключи и оставить квартиру открытой тоже не могу, соответственно, нам пора. — шмыгнув молнией, скомандовала Маня.

Парни напряглись. Аккуратно отшагнув назад, Николя незаметно преградил путь к двери. Узкий коридор не располагал возможностью отступления, поэтому единственный выход в данной ситуации, был входом.

— В таком случае, — Маня чётко заметила настрой компании. Им нужны ответы и она, похоже, единственный доступный источник информации — Возможно, вы хотели бы пройтись вместе со мной, за Персиком? По дороге мы познакомимся, и я отдам вам ключи, при желании. Что думаете? — она посмотрела прямо в глаза Николая, который сделал ещё один шаг назад, но уже не для преграды, а потому что, от чего — то почувствовал сильную потребность удрать.

— Я думаю, можно. — Ваня заслонил собой друга, прерывая зрительный контакт. Манька на это спокойно кивнула, сбрасывая «убийственный» взгляд.

— Ну, супер. Тогда... — девушка, наблюдая за Сашкой, сделала шаг к двери. Иван не двинулся с места, заставляя столкнуться и упереться ему в грудь. Мария подняла глаза — Есть ещё нюансы, которые нам стоит решить?

Ваня всматривался в девичье лицо:

— Да нет, показалось просто. Извини. — юноша отшагнул в сторону, освобождая пространство для выхода. Машка удалилась за дверь.

— Тоже думал, что это его дочь? — невозмутимо спросил Саня.

— Ага. — Ваню провожал взглядом розововолосую. Парень ни на шутку напрягся. Он расцепил хватку за спиной, оголяя синие следы от вжатых в ладони, ногтей.

— Заканчивай, Ваню. Нам пора. — брюнет похлопал по плечу друга и кивнул на дверь. — Нас ждут.

Компания из девушки и трёх парней, топала уже полчаса на другой конец города, ведь Мария отказалась от поездки на коричневом фольксвагене, тем самым, отобрав выбор и юношей. Точнее, у одного Кольки, который по — рыцарски выпалил: «Тогда и мы пешком пойдём!». Нет, конечно, ребята понимали, что отпустить Машу одну, равносильно просто потерять, а вопросов и правда не мало, но всё же у них был Саня, который умело мог уговорить любую женщину сесть с ним в автомобиль, где бы то ни было.

Парни изредка раздавали пинков впереди идущему Кольке, который смиренно принимал наказание. Опущенная голова во время «похода» свидетельствовала о понимании провинности.

— Блин, ну долго ещё? — Ваньке не было холодно. Оказывается, он предусмотрительно возит с собой кроссовки в багажнике, но то, что асфальт в данной части города, абсолютно ни к чёрту, заставляло выходить из себя и тренировать выдержку гораздо чаще, нежели остальных. — Я уже промок весь!

— Я полностью поддерживаю Ивана! — оживившись, выкрикнул Коля.

— Да ты много кого сегодня поддерживаешь. — тихо съязвил Александр, но, очевидно, не достаточно тихо, ведь все услышали.

— Почти пришли. — спокойно оповестила Машка.

Путь выглядел несуразным и удручающим. Повсюду облупившиеся сломанные ограды, которые по назначению своему, должны были защищать детские площадки от остальной части двора. Справлялись они с этим, прямо сказать, плохо. Дети, словно на роботизированном быке из баров, раскачивались на железяках. Парни почти одновременно вздрагивали, когда в очередной раз видели компанию пропитых, вонючих лиц, среднего возраста и, быть может, пола... Они не различали количество присутствующих. Их тут виделось колоссально много.

Вызывает отвращение и только.

Перед ребятами предстал серый дом. На иных по пути хоть граффити были, а на этом просто следы кошачьих когтей по периметру. Они (следы) изредка прерывались облупившимися кирпичами. Ну и дверь. Это вообще отдельная история. Они покрасили дверь в жёлтый неоновый цвет! Комедианты! Будто вся проблема именно в пресловутой двери!

— Боже... — не выдержал Ваня — Ты живёшь...здесь? — парень долго подбирал слово чтобы как — то обозвать это место.

Мария открыла подъездную дверь.

Порыскав в почтовом ящике, девушка обернулась к компании:

— Идёте?

Парни стояли при входе, не решаясь войти в сырое пространство. Машка пожала плечами и направилась к квартире. Пару раз прокрутив ключ, девчонка услышала знакомое «Мяв» за дверью и чьи — то быстрые шаги позади. Обернувшись, увидела Кольку. Тот чуть ли не прыгал на месте. Реакция Мане показалась милой. Сама не знает почему, но это напомнило реакцию Эдика и, от того, приобрела ещё большее очарование.

— Ну? НУ? — Не выдерживая накала, кричал рыжий. Девушка приоткрыла дверь.

Посреди прихожей сидел, свесивший голову на бок, кошак. Завидев знакомый силуэт,

пушистый ринулся на встречу.

— Перс!

— Мяу! — раздалось в ответ. Секунда и кот уже сидел на руках у Кольки. Машка улыбнулась и переступила через порог. Колян ввалился следом.

— Мань, мы с Перс... — тем же макаром в прихожую влетел и Эдуард с зала и резко остолбенел, уставившись на парня посреди коридора — Колька? — в комнате воцарилась тишина — Колька! — Эдик резко исчез с своего места и также резко появился свисающим с потолка. Прямо на месте люстры, в виде облаков, вернее сказать, сквозь неё. Парнишка активно жестикулировал руками, пытаясь привлечь внимание к случившемуся казусу — Маша! Маша! Сними, помоги! Это же Колька! Колька мой! Маня!

Девушка уставшим взглядом наблюдала за происходящим.

— Маня! Маня!!!!

Ведьма мельком закатила глаза. Удручённый выдох не заставил ждать. Не то, чтобы она не была привыкшей к таким перформансам, но подобная картина дома, вызывала массу эмоций. Массу. И не положительных.

— Коля, да? — проглатывая раздражение, позвала СВ. Парень оторвался от поглаживаний кота — Позови своих, попьём чая.

— Ребят! Айда за мной, всё чисто! — Двое парней разом просунули голову в дверной проём. Брюнет толкал блондина вперёд себя, блондин же, с недовольным лицом, отстранялся от порога всё дальше. Санька, не выдержав перетягиваний, с размаху врезал пендаля товарищу. Тот благополучно влетел в квартиру, попутно, чуть не задев Николая, но вовремя успевший Санёк, деликатно поймал «летагу» за шиворот.

— Ванька!!!! Ванька!!!! — Эдик пуце прежнего замотал руками и ногами — Машка, освободи! Освободи, Маня!

Александр зашёл следом, деловито перевешивая плащ через правую руку.

— На кухню, господа! — скомандовала Мария.

Вся новоиспечённая компания, включая кота, направилась по заявленному пути.

Через минуту все уже теснились в маленькой «хрущёвской» комнате. Маня зажгла конфорку и облокотилась на холодильник, осматривая присутствующих.

— Освободи меня, Мария! Освободи, не буди во мне зверя! — не переставал вопить Эд.

— Это ты не буди во мне зверя! — не выдержала Машка, выкрикнув фразу на всю квартиру. Парни ошарашенно уставились. Та, словив на себе столь, мягко говоря, удивлённые взгляды, наклонилась к извивающемуся возле ног, коту — Слышал, Персик? Не надо будить во мне хомьяка. — неловко улыбаясь, выкрутилась ведьма.

Кот посмотрел на неё говорящим взглядом. Говорящим, к слову, фразы не очень приятные.

— Кс — кс, — позвал Колька — Персик, мальчик, иди ко мне.

— Это же не пёс. — акцентировала СВ. Котяра, словно на зло, перешагнул руку девушки и, ловким прыжком, оказался на коленях звавшего.

Машка на мгновение застыла. Она, видимо, пыталась исчезнуть из этого места. Не ожидала такой подставы от пушистого сожителя. Осознав, что ничего такого у неё сделать не получится, девчонка решила вернуться «в момент», не акцентируя внимание на нахлынувшем чувстве стыда. Почему оно возникло, кстати, так и не понятно.

— Кому какой чай?

— Зелёный обычный. — отозвался Ванька — Сане тоже. А Кольке фруктовый, если

есть.

Она кивает.

«Этот, значит, лидер.» — пронеслось в голове. Анализировать людей — одна из привычек ведьмы. Так легче, и не особо ожидаешь чего — то от людского поведения.

Саня, тот самый, с плащом, деликатно ткнул Ваньку в бок.

— Чёрный. Сашке, чёрный.

«Ага, а этот его вечно рациональный друг. Знаем, проходили. Парнишка, очевидно, не привлекая внимания, поддерживает главенствующий орган на плечах. Ну а что, у каждой головы есть шея.» — Манька вспомнила, как Санёк подтащил Ивана за шиворот при входе.

— Если есть молоко, бахни его половину кружки пожалуйста. — попросил Колька.

— Угу.

«О, а этот на своей волне. Странно, ребята выглядят более приземлёнными. Или это просто маски? Ну, посмотрим. В любом случае, рыжик выглядит наименее подозрительным.» — заключила Мария.

По наблюдениям, компания опасности, конечно, не представляла, да и Эдуард, ныне замолчавший и бесхозно болтавшийся посреди потолка, показал своей реакцией, что ребят он знает и судя по тому, какая реакция была бурная, очень даже хорошо. Но как теперь от них отвязаться и что придумать на будущие вопросы?

— А откуда ты узнала Эдика? — будто учуяв внутренний монолог Мани, поинтересовался Николай. Он с интересом наблюдал за каждым движением девушки, давая понять, что не у неё одной есть подозрения по отношению к данному знакомству.

— Скажи, что мы познакомились на «Встрече Драконов», полгода назад! — подсказал Эд.

— Э... — Маня от чего — то занервничала. Она понятия не имела о чём идёт речь, но всё — таки инстинкт самосохранения, кричавший о ноже в кармане Сашки, пересилил — Мы первый раз увиделись на «Встрече Драконов», полгода назад. — Продублировала. Так, теперь спокойствие, только спокойствие.

Колька вдруг широко открыл глаза:

— Тоже любишь D&D? — если он и хотел спрятать восторг, это плохо получилось. — Странно, я тоже там был... Но тебя не видел. — начал припоминать рыжий.

— Скажи, что мы познакомились, когда я... — Эд резко замолчал.

Маня откашлялась, ожидая подсказку.

Эдуард, совсем не вовремя «набрал воды в рот», девчонка неловко сверлила взглядом любопытного пацана:

— Мне надо в туалет. — выпалила она. Самая нелепая причина уйти от разговора и Маня выбрала именно её, ну, конечно!

Отбежав в коридор, и, спрятавшись за угол, хозяйка квартиры сощурила глаза, искромётно всматриваясь в «Каспера». Тот висел, поджав губы.

— Говори! — скомандовала она шёпотом — Быстро! Ты, может, и помер, а мне вот совсем не хочется!

Лицо Эдика быстро сменилось с неловкого на испуганное:

— О чём ты?

— У одного из твоих дружков нож в кармане!

Эдуард ещё сильнее напрягся:

— У кого?

— Ну... — девушка потупила взгляд.

— У кого, Мань?

Мария почувствовала неловкость от того, что пожаловалась. Всю её жизнь она решала такие моменты сама, но сейчас почему — то не задумываясь выпалила про опасность этому недо — духу.

Девушка быстро пришла в себя, вспомнив о прошлой независимости. Вытянув осанку в привычную струнку, впиалась сереющими глазами в друга:

— Где. Мы. Познакомились. Эд? — медленно процедила она. Руки девушка убрала за спину, всем видом показывая решимость.

Эдуард нахмурил лоб. Происходящее настораживало. Недавно он испытывал эйфорию от пребывания своей компании в радиусе досягаемости, но теперь появилась немало вопросов по отношению к своим ребятам. Не уж то его кончина так на них повлияла? Они пошли по пути дяди Ваньки? Быть того не может.

— Я задал вопрос. — Нет и ещё раз нет. Отходить от своего интереса он не станет, как бы сильно не боялся Маню. Боялся Маню... Интересное словосочетание. Разумеется, он не боится девчонку. Такую хрупкую и милостивую... Бояться её фатально. Он её уважает. Да, именно уважает. Не боится. Ни в коем случае.

Мария выдохнула и изобразила жестом плащ на руке. Эд прикрыл глаза от раздражения. «Санёк... Мать твою.»

Дядя Ваньки, обычно, не только выручал компашку из передрыг, но и учил некоторым бандитским хитростям в отрочестве, дабы те не попадались на «порожние» угрозы коллег. Одной из таких хитростей стало ношение при себе поддельного оружия. Одному Ваню было разрешено таскать с собой травматический пистолет, и то, сделано это было, чтобы защитить Алекса, который в свою очередь, очень пропитался идеей самозащиты подобным способом.

— Не переживай, это бутафория. Он часто носит с собой подобные штуки. Это пошло ещё из пубертата, мы пугали так местных гопников.

Глаза девушки широко открылись:

— Скажи, что мы познакомились на квесте Луча. — предугадывая реакцию подруги, опередил Эдик.

Машка резко ударила себя по лбу и отбросила руку на место. Следом, девчонка пнула стоящий возле неё кроссовок, закинув на ближайшую полку, чем создала нехилый грохот.

Парни на кухне повскакивали и ринулись на шум. Первым прибежал Колька.

Эдик ошарашенно наблюдал за происходящим. На девушке расположился, огромный чемодан. Маленькие ручки с трудом старались его с себя стащить. Если бы Эдуард не видел, как она сама на себя повалила этот аксессуар, он бы, очевидно, первым бросился на помощь.

— Что случилось?! — Николай умело стащил винтажного «монстра» с тела знакомой — Как так вышло?!

— Квартирная планировка, знаешь ли... — Маша бросился лукавый взгляд на Эдика — Не позволяет нормально всё уставить.

— Странно, — в игру вступил Саня — Точно помню, что чемодан лежал вполне устойчиво.

Да — а, этого парня не проведёшь. Тот же дядька всех нас науськивал, почему так важно, при входе в квартиру к новым знакомым, примечать все детали. Зачем? Чтобы было легче давать показания. Правда, запомнил этот урок только Алекс, но, справедливости ради,

активно его применял.

Мария хмыкнула, поднимаясь с помощью поданной руки Николая:

— Хочешь сказать, я сама его уронила? Да ещё и на себя? По — твоему, я совсем того? Или, ради чего, это было сделано по — вашему? Чтобы Рыженький мне руку подал, чтоб рыцарство его проверить? — с вызовом напирала она.

Эд не выдержал и прыснул смехом. Вот коза.

— Да нет. — хмыкнул «бандит».

Колька успел только открыть рот:

— На квесте Луча. — пресекла Маня.

Вся компания замолчала.

— Где — где? — Ванину ошеломлённость перенял каждый из парней. Воцарилось неловкое молчание. М — да, многовато для одного дня неловкости.

Эдуард затейливо улыбнулся.

Конечно, они удивились. Ведь на этот квест ходят только парочки. Ну, а что хотела эта ведьма? Нужно было убить двух зайцев и этот предлог прекрасно подходил, чтобы отвести от неё и от него подозрения. Эдуарду очень не хотелось, чтобы ребята узнали, куда на самом деле игрок отлучался в день выставки по D&D.

Спортивный зал постепенно заполнялся шайками гоблинов, эльфов и колдунов. Вот медленно ковыляет девушка, в прикиде Баб Яги. Правда, что это прикид именно Яги, давала понять лишь мини — ступа на поясе. В остальном, платок и пышная юбка, миновали попадание в персонажа. Рядом щеголяет низенький мальчонка в костюме дварфа. Пышная борода охотно лезет под ноги пацану, так что тот, еле — еле сдерживается, чтобы не матюгнуться. Возле стойки с магическими шарами стоит высоченный парень, напоминающий по росту Ваньку, голубая мантия и звёздный колпак, очевидно, произведут фурор на сегодняшнем конкурсе по тривиальным образам.

Эдуард осматривал присутствующих с толикой раздражения. Колька особо не церемонился, когда хозяин «мусорника», именно так называла компания квартиру Эдика, открыл дверь. Заставив напялить эльфийские уши и ботинки с острыми носами, Николай ловко выгацил друга за пределы двора. А позднее и города.

Сам Рыжик сегодня был русалом. Маленькие прорисованные чешуйки покрывали его лицо и кисти. В остальном, он был похож на обычного подростка, но с жабрами. Короче говоря, ничем, от своего типичного амплуа, не отличался.

— Хватит морозиться. — шептал Коля — Ну, давай, дубина, тут столько девчат! Отвлекись ты уже от этой своей... Бывшей. — последнее слово, явно должно было быть иным, судя по паузе, в период которой, друг его выбирал.

— Если ты продолжишь, я просто соберусь и уйду. — Эдуард устало перевёл взгляд — Мне не за чем отвлекаться, потому что я не увлечён ею, окей? Хватит изображать мамочку и займись уже своей жизнью. — закончив фразу, Шатен отвернулся, возобновляя своё предыдущее занятие.

Колька пожал плечами и, ещё немного постояв подле, как — то неожиданно, даже для себя, отвлёкся на мимо проходящих русалочек, с тем же гримом, что и у него. Вернув внимание на друга, с удивлением обнаружил, что того уже не было рядом.

— Какого?.. — Николая начал активно прыгать на месте, пытаясь высмотреть пропажу, но к несчастью, толпа начала сгущаться всё сильнее, повышая плотность до уровня

распродажи нового айфона.

Сдавшись, парнишка решил, что Эдуард вполне самостоятелен, хоть и уязвим, но вряд ли же он вяжется в передрагу, да? Короче говоря, Николай направился рассматривать всякие магические артефакты, потому, как причина конкретно его присутствия на данном мероприятии, была весьма и весьма проста — трезубец Тритона.

Шатен тем временем раздражённо стаскивал острые эльфийский уши, всем видом показывая пренебрежительность к такому времяпрепровождению. Он стоял совсем близко к Кольке, но привлекать к себе внимание новоиспечённого родителя желанием не было, как, впрочем, не было желания на что — либо другое.

— Бред. — парень замахнулся выбросить насадки, но вспомнив, как сильно товариш дорожит всей атрибутикой, с размаху сунул недо — наушники в передний карман толстовки.

Он выделялся среди остальных. Он был совершенно обычный. Это в сравнении со всеми этими ведьмами, колдунами, орками, драконами, оборотнями и так далее по списку... Разумеется.

Чёрная растянутая толстовка, местами, кстати, выцветшая, притягивала к себе взгляды магнитом. И всё бы ничего, но взгляды были от четырнадцатилетних девушек. Просторные джинсы — бананы, пыльные чёрные кеды. Ну, ладно, будем честны, кеды уже серые и уставшие сапфировые глаза, выделяющееся на фоне бледного «помятого» лица, благодаря тёмным кругам.

Эд лениво всматривался в зелёную вывеску «Нужник для нужд», пока очередные девчонки — волчонки хихикали, тыкая в него пальцем.

— Ну, хоть не выгребная яма. — скептически буркнул парень.

Он был бы в восторге 3 года назад от возможности побывать на таком мероприятии. Да что там говорить, он и был, ровно до момента разрыва отношений. Ожидал ли, что эта фигня так сильно по нему ударит? Да вряд ли. По сей день считает, что произошедшее — полная чушь. Ну, конечно, если быть до конца честным, он был подавлен не только из — за ситуации с бывшей. В тот же год скончались и бабушка, и дедушка молодого человека. Он потерял любимую работу, у него умер хомяк Анатолий, которым он очень сильно дорожил

Общая картина была такова: Ванька и Санёк знали о бабушке с дедушкой, Кольке же досталась новость о хомяке и сестре. Только вот, пересказывать им всё по новой, желанием на тот момент (да и вообще) не было, в силу этого, Эдуард и выбрал одну прекрасную причину своего настроения — разрыв отношений.

— Фигня какая — то. — шатен взъерошил волосы — Хватит, надоело.

Решительным шагом Эдик направился в «нужник», расталкивая всех на пути. Пару раз он разворачивался, чтобы извиниться перед совсем маленькими посетителями выставки, но в основном ему было плевать, задел он кого — то или нет.

Добравшись до нужной двери, юноша ввалился в помещение. На удивление, там было совершенно тихо. Никого.

— Повезло — повезло. — усмехаясь, подметил Эдик. Вильнув вправо, он с ноги открыл дверь кабинки и зашёл внутрь. Закрыв шпингалет и присел на крышку унитаза.

«Слишком серое. Слишком. Устал. Не могу. Всё. Всё!»

Эдуард полез в карман джинс. Задрав толстовку, парень ловко вытащил пузырёк с таблетками.

«Всё, хватит.» — решительно высыпал горсть себе на ладонь. Взгляд приковала одна затесавшаяся жёлтая аскорбинка.

— Мне 5 штук!

— А мне 3! — наперебой выкрикивали мальчуганы, пытаясь, как можно глубже просунуться в аптечное окно.

— Мне мама дала на три! Возьми и ты три! — обиженно кричал шатенистый мальчонка.

— Чё это я должен из — за тебя три брать?! — рыжий надул губы — Мне теперь чё, всегда что ли брать меньше, если у тебя денег мало, э!

— Да бли — и — и — ин! — протянул Эдуард — Ну пожалуйста! Я буду завидовать! Ну, Колька!

Рыжий скрестил руки на груди, потупил взгляд. Громко выдохнув, выкрикнул:

— Ладно! Мне тоже три! Но ты мне карточку с Додж Челленджер подаришь!

Эдик на секунду задумался, но приметив, как фармацевт начала раздражительно выглядывать из — за прилавка, решительно кивнул.

Полноватая мадам, с огромным пучком в пол головы, лениво поднялась с табуретки, стоявшей напротив окошка:

— Ну, решили наконец? Галдят — галдят. А чё галдеть — то...

— Тётя, нам шесть аскорбинок пожалуйста! — просовывая монетки, отчеканил Николая.

Бабища лукаво усмехнулась:

— А у нас нет по 6 штук упаковок. У нас по 10 есть!

Вспоминая этот момент в свои 23 года, относительно взрослый и многое почувствовавший Эдуард, уже мог разобрать, где над ним прикалывались в прошлом, а где просто тешили своё самолюбие и этот случай, процентов так на двести, больше напоминает второй.

Тот день был ознаменован разочарованием в ближайшей аптеке двумя постоянными, правда, юными, но всё же посетителями. А также скреплением дружбы «Сопливым» рукопожатием.

— Пофиг, дар — р — ю! — улыбаясь во все пятнадцать зубов, кричал шатен. Он протягивал блестящую переливающуюся карточку с той самой Додж Челленджер своему рыжему другу, который, к слову, аж покраснел от радости — Ну, бери, пока я не передумал!

Колька аккуратно забрал картонку и быстро отвернулся. Эдуард вытянулся в лице, показывая удивление:

— Ты чё, ревёшь там?

— Я её очень — очень хотел... — всхлипывая, пояснил рыжий — Очень, очень!

— Ну, бери, чё реветь — то. — шатенистый скрестил руки — Батя говорит, что мужики не плачут. Вот и ты не плачь!

— А я и не мужик, чтоб не плакать! У меня лет тридцать ещё в запасе есть! — оттараторил Николай и разревелся пуце прежнего, привлекая внимание прохожих.

— Да ты чё — ё, как девчонка! Да ты чё! — Эдик и сам не заметил, как подхватил всхлипывания товарища. Немного погодя, на улице стояло два восьмилетних паренька, сцепившиеся и успокаивающие друг друга.

— Ты настоящий друг, Эдька! Настоящий друг! — раздалось под конец вечера.

Эдуард брезгливо вытащил жёлтую аскорбинку. Навевшие воспоминания были очень не кстати.

Выбросив шарик в мусорное ведро, шатен закинул горсть таблеток в рот. Осознав, что так просто их не проглотить, юноша вышел из кабинки и нагнулся над раковиной, запивая горькие пилюли.

«Пофиг, дар — р — ю! — раздалось в голове — «Я её очень — очень хотел!»

Эдуард начал активнее хлебать воду:

«А я и не мужик, чтоб не плакать!» — пронеслось эхом в ушах.

Половину таблеток парень с горем пополам уже проглотил, остальная часть никак не хотела проваливаться.

«Эдька! Ты настоящий друг, Эдька!»

Парень резко развернулся и кинулся к унитазу. Откинув крышку, с силой начал заталкивать два пальца в рот. После недолгих потуг, таблетки скопом повалились в отверстие унитаза.

— Колька, мразь! — выблевав весь завтрак вместе с лекарствами, Эдуард сильно приложился башкой о стену кабинки — Скотина чёртова, ненавижу его! Ненавижу их! Сука! Ненавижу!

Туалет разразился громкими рыданиями. Иногда они прерывались на «Ненавижу», иногда прерывались на «Сука, какой я слабый». В конечном итоге, буря эмоций утихла спустя десять минут. Парень, всхлипывая, обессиленно поднялся с пола и побрёл к тому же умывальнику.

Взглянув на себя в зеркало, он усмехнулся.

Уставшие глаза теперь покраснели, алое лицо с обветренными губами, казалось иссохло ещё больше.

— Жалкий. — заключил отражению — Ни на что не способен.

Вернувшись в актовЫй зал, Эдик не был удивлён безразличием. Орала громкая музыка, все веселились. Издалека, он заметил играющего на гитаре Кольку. Тот умело перебирал пальцами, завлекая в свои «сети» новых и новых русалок. Рядом с ним уже стоял долгожданный позолоченный трезубец.

«Это не русал, это сирена какая — то.» — подумалось шатену. Он улыбнулся своему каламбуру и отправился дальше стоять в стороне.

— К..вест Луча. — уверенности в словах подруги слегка поубавилось.

— Так, вы... — Санька откашлялся. Чего это он? Выглядит так, будто ему неловко. Обычно, он смело спрашивал у моих пассий про нынешний статус взаимоотношений — Типа, встречались?

Надо было видеть реакцию Машки. Мимолётный страх в глазах сменился осознанием. Я не видел её такой потерянной со дня нашей первой встречи в аптеке. Мой азарт играл злую шутку, что же ты будешь делать, подруга?

Девушка отвела взгляд и кивнула.

Ванька, всё это время, стоял довольно отстранённо, но тут влетел в обсуждение, с ноги выбив дверь, что называется:

— Так вот чё этот обалдуй с нами бухать не ходил! — припомнил он.

Машка попыталась улыбнуться.

Попытка успехом не увенчалась, но зато вызвала бурную реакцию у ребят. Они разом потянулись к ней с объятиями. Первым настиг её Колясик. Аккуратно заключив знакомую в кольцо, юноша слегка приобнял ту за шею, прислонясь своей головой к её.

— Вы чё?.. — Мария отшатнулась.

Вторым подошёл Саня. Этот обнял девчонку спереди, заставляя уткнуться в широкую грудь. Последним элементом в этом бутерброде стал Ванёк, который просто набросился на горку сверху, заставляя засмеяться. Эта привычка нашей компании удачно разрядила момент. Мы всегда считали, что лучшей поддержкой, являются объятия. Нас даже педиками называли в школе одно время. Правда, когда было доказано с помощью драк, что мы не нежные мальчики из женских сериалов и вовсе не гомики, вся школа начала следовать нашему примеру. В какой — то мере мы стали Петрами Первыми, прорубив окно в мир нескрываемых эмоций.

Я мельком увидел, как Машка робко вздрогнула от первых прикосновений рыжего. Но что интересно, не попыталась выбраться, только слегка взбрыкнула. Не забила в истерике. Не начала призывать чертей. Она просто стояла с опущенными руками и той самой вымученной улыбкой. Руки мои расслабились, стали самостоятельно свисать от шока. Её глаза слезились.

— Так, ты хочешь остаться? — женщина в чёрном бархатном платье аккуратно поднесла бокал, с красным вином, к губам. Элегантность образа зашкаливала и заставляла открывать рты, всех присутствующих. Напыщенность же тучных бабищ, что периодически высовывали головы из — за углов старого особняка, говорила, разве что, о напыщенности и желании вернуть былую молодость. Они все, то и дело, пытались понять, в чём же секрет прекрасной незнакомки. А у незнакомки же, всё говорило лишь о самом умении «быть выше», «быть недостижимее», «быть лучше».

— Так и есть. — произнесла собеседница. Девушка, двадцати лет, с собранными в нарочно растрёпанный пучок, волосами, всматривалась куда — то вдаль, опираясь на мраморный подоконник балкона. Две блондинистые пряди красиво подчёркивали молодой овал лица. Снизу сновали, туда — сюда, слуги во фраках, детишки приглашённых господ, и парочка знакомых для девушки, юношей. Она мечтательно улыбнулась. Нежное голубое платье слегка облепило тощую фигуру, из — за подувшего ветра. Это моментально подчеркнуло её физическую форму. Тонкая талия, округлые бёдра. Чуть более синеватый пояс, уместно подчёркивал средних размеров, грудь.

Серовато — голубые глаза выделялись из всей толпы, подчёркивая невинность личика.

Балетки на ногах, кстати еле видневшиеся из — за длины платья, внезапно показались, и заставили вновь «фыркнуть» местных, но уже юных красавиц. Они разом возмущались, перешёптываясь одной лишь фразой: «Где эта дрянь достала такие небесные балетки?»

Нежно — голубой оттенок обуви показался, когда девушка радостно подпрыгнула, чтобы поприветствовать юношу внизу — Александр! Друг мой! Александр! — она, семенила на месте и размахивала правой ручкой, привлекая к себе внимание.

Белая, пастельно — голубая перчатка, даже немного съехала с локтя, указывая на интенсивность движений.

— Прекрати унижаться. Это просто стыд. Ты испортишь макияж. — Прямые платиновые волосы красиво укрыли оголённые плечи. Бархатное платье доходило до самого пола, так что, создавалось справедливое ощущение, что советница парит над землёй в этот осенний вечер. Женщина томно вздохнула и заставила взвизгнуть парочку подглядывающих девчонок из — за шифоновой занавески, всящейся прямо перед входом в бальный зал. Чем? Она вытащила бледную ножку через вырез по левой стороне платья, оголяя «грешные» места праведной жены. Усмехнувшись такой реакции, спокойно присела на воздух, закинув ногу на ногу. Под седоволосой появился бордовый трон, с золотистыми подлокотниками.

— Александр! Александр! — не сдавалась девушка — Ну же, Александр, друг мой! — она все ещё пыталась привлечь к себе внимание настырными прыжками на одном месте.

— Угомонись, Мара. — лениво протянула седовласая — Ну, будет, дитя. Ты меня утомила. Он только играет с тобой, от чего ты этого не видишь? Все мужчины таковы. — прокручивая вино в бокале, завершила наставница.

— Не называйте меня так. — юная блондинка подтянула сползающую перчатку — Пожалуйста. У меня другое здесь имя. Я его сама выбрала и очень им горжусь.

— И какое же? — бокал вина растворился в воздухе — Как его... Ма... Марона... Матрёна... Марфуша... — издевательски посмеиваясь, перебирала собеседница — Да не суть важно, главное, что оно абсолютно тебе не подходит. Имя, которым тебя наградили наши

предки куда более гармонично с тобой сочетается.

— А вот у Александра другое мнение! — уверенно возразила девушка. Цвет её волос был более желтоватым, более тёплым, более уютным — Моё имя его вполне устраивает! И чтоб вы знали, он даже говорил, что оно прелестно и лучше всех! Не зря же он ко мне посватался!

— Да — да, моя дорогая! — женщина разразилась смехом — Именно поэтому, дитя, он и заигрывает с пятой девушкой на балу! Потому только, что твоё имя ему та — а — ак понравилось, и из — за сватовства тоже! Я в этом совершенно уверена! — тонкие бледные пальцы начали отстукивать по золотистому подлокотнику трона — Ты не шутишь, Мара? Ты взаправду решила отбыть здесь своё наказание? Ну, будет тебе, ты же знаешь, я погорячилась. К тому же, тебе здесь вовсе не место. Пойдём домой, дитя моё. Нужна сколько-нибудь тебе научить. — голос становился всё слаще и слаще с каждым словом.

Мара закатила глаза. Наконец умиротворённость с лица девушки начала потихоньку сползать.

— Да перестаньте вы уже! Называйте меня Машей! Марией! Маней, если хотите! Хватит с меня этих «Мар»! — психанула она. Молодые кулачки инерционно сжались, выдавая нахлынувшие эмоции.

Взгляд женщины с доброго, медленно начал перетекать во взгляд исподлобья. Она закатила глаза и громко «причмокнула».

Длинные волосы, доходящие до самого копчика, резко поползли вверх. Зрелое лицо стало приобретать свежесть, морщины разгладились, взгляд освежился. Платье с сплошного чёрного начало преобразовываться по фасону в схожее с платьем Мары. Пышную грудь теперь приподнимал растёкшийся по ткани, корсет, тонкая талия завораживала своим охватом, округлые бёдра и стройные ноги... И те же балетки, что были у Марии, но цветом чёрные, хитро повторили образ. Вместо знойной зрелой красавицы, теперь на троне восседала точная копия юной собеседницы, также уверенно и издевательски, осматривая бунтарку.

— Я где — то слышала, моя дорогая... Что, если человек влюбляется, то он за версту сможет отличить своего возлюбленного от беса во плоти.

— Морана. — Маша ступила вперёд — Прошу вас. Я знаю, о чём речь. Не нужно так. Вы же всё испортите. Как испортили тогда. Тётушка, умоляю.

— Положим, про тётушку я не слышала. Впрочем, Мария, так ты сказала себя называть? Я просто хочу испытать ту же любовь, что и ты, дорогая... Понимаешь, тысяча лет без крепкого мужского плеча... Собственно говоря, о чём это я. — девушка кокетливо поднесла указательный палец к пышным губам. Взгляд её устремился куда — то вверх, пародируя мечтательный — Ах, да! — чёрное платье шумно встрепенулось, когда седовласая резко поднялась с исчезающего трона. Причёска преобразилась в «мальвинку», милый хвостик, сам собой, завязался на макушке.

— Морана! — Маша попыталась добраться до ведьмы, сделав пару шагов, но на третьем не смогла сдвинуться с места.

— Нет — нет, дитя! Наблюдай, моя дорогая. — преобразившаяся растворилась в воздухе. Маня тут же «оттаяла» и припала к мраморному подоконнику, всматриваясь в заполняющийся новыми людьми, двор. Возле того самого Александра собралось не мало дев, одной из которых, теперь была и платиновая блондинка в чёрном платье.

— Чёрт! — прошипела Маша — Чёрт бы побрал эту!..

— И что она в тебе нашла? — брезгливо разглядывая парня, бормотала Морана.

Сапфировые глаза юноши с интересом впились в новую знакомую. Жадный взгляд проскользнул по всему телу, и остановился на груди. Он потянулся к руке и медленно притянул ту к жарким губам.

— Мария, богиня души моей. — тихо сказал парень. Девушки вокруг ахнули и начали потихоньку расходиться, что — то недовольно бормотав. Парочка близняшек осмотрели присоединившуюся и демонстративно закатив глаза, удалились — Когда ты успела сменить образ? Ты выглядишь так... Ново. — проведя пальцем по корсету, заметил Александр. Он вовсе не обратил внимания на протест его фан — клуба.

Парень был спортивного телосложения. Фехтование и конская езда каждое утро, давали о себе знать. Тёмно — синий фрак, с торчащим из верхнего кармана, белым платком, сидел точно по размеру, подчёркивая все достоинства молодого кавалера. В остальном же, образ был вполне обыкновенным. Бежевые брюки и чёрные туфли. По мнению господина Франка, приехавшего из самой Лондона, всё восхитительным образом сочеталось.

V — образное лицо с выделяющимися скулами красиво освещалось светом луны. Парень лукаво улыбнулся.

— Моя тётушка задумывается о потомстве, душенька. Как вы на это смотрите?

Девушка ядовито усмехнулась.

— М — да... — протянула ведьма — У моей преемницы ужасный вкус на мужиков. Фу. — она выдернула руку из хватки шатена, заставляя того удивиться — Дорогой Александр! — Мимика лица резко сменилась. Теперь Морана смотрела с нескрываемым интересом — Не хотите ли вы поиграть в прятки, мой милый друг? Раз уж ситуация такая безвыходная, что даже ваша тётушка говорит о потомстве. Так, чего тянуть? Я так хотела бы, чтобы зачатие нашего первенца было волшебным! — голос стал удивительно высоким.

Парень покраснел и расплылся в улыбке:

— Зачатие? Первенца? — он схватил подругу за руку, притянув к груди — Чего же мы ждём, душа моя?! — юноша забагровел и начал даже слегка пританцовывать на месте.

Машка почти успела добежать до флиртующей соперницы, но столкнулась с рыжим официантом, разносящим шампанское гостям. Напиток разлился по всей небесно — голубой ткани.

— Ох, простите! — собирая осколки от хрустальных фужеров, умолял слуга.

— Ну вы и!.. — Манька начала смахивать жидкость с платья — Чёрт бы с этим! — она подняла взгляд к только что, стоящим поблизости голубков, но тех на прежнем месте не было. Она начала обеспокоенно высматривать знакомые фигуры в толпе, но так и не смогла найти кого — то похожего — Ты! — палец взмыл к лицу испуганного официанта — Ты не видел куда пошёл Александр?!

— Господин? — голубые глаза задумчиво вильнули в сторону толпы — Туда! Кстати говоря, с вами... Только платье было чёрным... — он перевёл взгляд на интересующуюся.

— А, да! Это я просто переодеваюсь быстро! — Маша, оскалив зубы, очень надеясь, что это походит на добрую улыбку, рванула по указанному пути.

— Поиграем здесь? — хихикала Морана, указывая на вход в местный лабиринт — Мне так хочется поиграть здесь, мой милый! — она надула губы.

— Конечно, душа моя. — парень притянул девушка за талию. Руки начали настойчиво ползать по хрупкой спине. Александр приблизился к уху седоволосой — Или мы могли бы поиграть тут?

— Какой вы проказник! А если кто увидит, мой милый? — Девушка высвободилась из

хватки юноши и поманив того пальцем, скрылась в лабиринте.

Александр рванул следом.

Несколько раз вильнув за подлом чёрного платья, он с удивлением для себя заметил, что оказался возле, посреди освещённой луной, лужайки. На верхней ветке висела записка: От любимого Сашеньки к Маше. На долгие годы жизни. Дуб обыкновенный.

Прочитав это, парень пожал плечами.

— И зачем тётка купила этот чёртов...

— Уже здесь, мой друг? — Седоволосая лукаво выглянула из — за угла — А мне казалось, я иду первой. — она медленно подошла к Саше. Тонкая ручка скользнула по фраку, останавливаясь возле ремня штанов. Ведьма насупилась. — Милый, ну от чего же вы ещё одеты? Я — то надеялась, ах, как я надеялась... — она жадно рассматривала багровое лицо собеседника.

Жених, спохватившись, начал дрожащими руками расстёгивать пуговицы фрака. Стянув с себя непослушную одежду, он приступил к штанам. Расправившись и с этой частью гардероба, остался в одних чёрных шёлковых трусах, рассматривая Морану.

Девушка, ехидно улыбаясь, стянула ленту с волос. Пышные локоны подчеркнули худощавость лица.

— Какой сюрприз, Мария! Вы сменили цвет волос! А я и не заметил! — парень сделал шаг навстречу подруге, но та остановила того жестом.

— Но — но, мой друг! Я сама.

Тонкие пальчики развязали шнурок на корсете, заставляя сползти. Медленными движениями, Морана оголила плечо, затем второе. Александр нервно сглотнул. Стащив с себя чёрное платье, девушка осталась ногой. У парня спёрло дыхание.

— Вы без белья, Машенька? — он восторженно осматривал молодое тело — Как неловко! Как неловко, душа моя! А я вот!..

Резко он замолчал. Только что стоявшая собеседница растворилась в воздухе, заставив закружиться вокруг своей оси.

— Чертовщина, что за чертовщина! — выкрикнул он. Лицо сменилось с похотливого на напуганное.

Морана недолго мучала беднягу, она остановила его ловким движением, разворачивая к себе. Через секунду повалила на землю. Ещё через секунду присела сверху, придавливая парня, весом своего тела.

Полностью голая девушка расположилась на бедняге, медленно ёрзая в районе паха.

— Вам нравится, мой милый? — она кокетливо улыбнулась.

Парень попытался что — то сказать, но голос предательски пропал. Дыхание начало учащаться. Он, улыбаясь, быстро закивал. Руки почти дотронулись до женских бёдер, как выросшие в секунду кустовые ветви, резко развели их по сторонам, фиксируя на одном месте. Тот лишь восторженно наблюдал за двигающейся в такт движениям, грудью.

— А так? — девушка медленно сжала шею парня. Тот, улыбаясь, закивал, поддаваясь тазом кверху.

— Ну, раз нравится... — она начала медленно ускоряться, стягивая трусы юноши всё ниже и ниже. Когда они сползли почти на бёдра, парень застонал, пытаясь ухватить воздух ртом.

— Ой — ёй. — ногти Мораны резко вытянулись, превращаясь в длинные иглы. Она резко врезала их в горло жертвы, заставляя захрипеть. Алая кровь полилась на зелёный газон

лабиринта. Сапфировые глаза с ужасом всматривались в сереющие. Образ молодой девушки теперь сменялся зрелой женщиной. Волосы, с каждой секундой удлинявшиеся, спали прямо на побледневшее лицо горе — любовника, лицо которого застыло в гримасе ужаса.

— Александр! — Мария нашла своего возлюбленного немногим позже. Осмотрев тело, девушка с ужасом закричала, призывая на помощь всех, кто был рядом.

Одев юношу, она дождалась прихода Лурозной, хозяйки особняка и, в истерике, начала изливать той душу.

— Дитя моё, милая! Стойте — стойте, дорогая! Остановитесь! При всём моём уважении, — старая пухлая женщина, с белым париком, усыпанным бантиками, отстранила от себя гостью — Но последней кого с ним видели, были вы.

Машка распахнула глаза:

— Я не... — она пыталась сказать слово, но слёзы захлёстывали с новой силой — Я не...

— Убийца! — закричал мужик в первом ряду — Убийца!

Гул подхватила вся присутствующая толпа. Машка растерянно всматривалась в подаренное дерево. Записка теперь была окроплена кровью. Надпись изменилась: От покойного Сашеньки к Маше. На долгие года жизни. Дуб обыкновенный.

Мария завопила.

— И что было дальше?! — Колька сидел в позе лотоса на хозяйской кровати. Всё тело парня выдавало нетерпение, он то и дело, ёрзал по розовому покрывалу. Глаза были настолько вовлечёнными, только и делали, что отражали мерцающие огоньки гирлянд.

— Ну, её обвинили. Хотели казнить. Казнили. А потом, она просто воскресла и переехала. — Манька безмятежно тарабанила по клавиатуре. Парни ночуют у неё уже вторые сутки. Она и сама не поняла, как пришла с ними к консенсусу, что после страшной аварии, они должны держаться вместе и лучше узнавать друг друга. Как получилось, что держаться вместе переросло в «жить вместе»? Самое удивительное, что постоянный шум и гам, который создавали юноши, Машке не был противен. Он даже не раздражал, она была спокойнее, чем обычно.

— А меня ты в комнату по сей день не пускаешь! — верещал Эдик, обиженно топая по пятам — Вы знакомы с ними меньше, блин! Меньше, прикинь! А я до сих пор в этом...

— Э, алё! — Манька провернулась на пятках и оказалась в паре сантиметров от лица призрака. Спohватившись, она отшагнула назад, краснея — Ты вообще — то про мою жилплощадь выражаешься! Не нравится, иди — гуляй!

Со вчерашнего этого диалога, от Эдуарда было ни слуху — ни духу. Парень, что — то пробухтев под нос, удалился в тёмную комнату и больше не выходил. Маше было стыдно за вспыльчивость, но рыжий знакомый не давал погружаться в мысли. Замечая, что девушка «тускнеет», немедленно начинал заваливать ту вопросами.

— А кем были твои родители? А ты учишься? Работаешь? Как часто читаешь, а что читаешь? — поток был бесконечным.

Так вот, они и дошли до прошлой истории:

— Так, пацан — то, по описанию, вылитый Эд. — Александр сидел, сложив ногу на ногу, прямо напротив печатавшей Мани. Он потягивал третью бутылку стаута и, казалось, сильно был увлечён «наблюдением» за каждым действием ведьмы.

— А, да. Это, буквально, так и есть. Бабушка мне оставила фотку того плута, можете

глядеть. — Мария потрясла пальцем, указывающим на бардак в конце комнаты — Мне смешно от того, что ты заострил внимание на этом, а то, что я, типа внучка воскресшей ведьмы, пропустил мимоходом.

— У всех свои тараканы. — пожимая плечами, заключил Санёк.

Коля опустил голову. Энтузиазм весельчака испарился.

— Не, мы верим. — влез Ванёк, примечая реакцию друга — Прикольнo, конечно, было бы глянуть, но... — он приобнял рыжего за плечи, легонько потормошив — Может, позднее.

— Так, — Сашка снова сделал глоток — Чем по жизни занимаешься? То, что ты в D&D играешь, мы поняли.

Манька усмехнулась. Получается, сотня рассказанных историй про ведьм и колдунов, их не удовлетворили? Быть может, только её сама это может увлечь настолько, что она и думать забывает про остальную жизнь рассказчика. Серые глаза рзововолосой показались из — за экрана:

— Вас это шокирует. — она шумно закрыла крышку ноутбука. Встала, размяла спину, пару раз нагнулась в разные стороны и направилась к выходу из комнаты, оставляя компанию с удивлёнными лицами.

Ванька щипнул рыжего под ребро и кивком указал на уходящую Маню. Колька немедленно рванул следом, заваливая знакомую новыми бесполезными вопросами.

— Не нравится мне всё это. — Саша сделал глоток — Слишком скрытая и расслабленная одновременно. Ощущение, что, хочет что — то скрыть, и, как будто, нет, одновременно. Прикольная такая.

Ванька кивнул, брjонет протянул банку товарищу.

— Надо ещё за ней понаблюдать, знаешь. — Голубые глаза Александра впились в утолявшего жажду друга — Ну, там. Одному. Наедине, типа.

Вано тут же поперхнулся:

— Ну и конспиратор ты, Лурозный! — блондин шумно смял жестянку и метко швырнул, в неподалёку стоявшую, корзину — Ты опять за своё? Чё за фетиш на братских девах?

— Да не то, чтобы... — Санька откинулся на спинку стула, цепляя руки за затылком — Ну, может чуть — чуть. — он провёл языком по внутренней стороне щеки, выдавая привычный настрой.

— Я в прошлый раз с Нюркой расстался, ты тут — как тут. Потом ещё и Рыжему рассказывал, какие она звёзды с тобой в постели хватала. Тут, мелочь, со своей Томкой расстался, ты опять первый на очереди. Сейчас, Эд, — Ванька слегка запнулся — Ну в общем, тоже по объективным причинам отсутствует. Ты, ядрёна вошь, и здесь преуспеть хочешь? Солидарности у тебя, Санёк, как у козла молока.

Александр перевалился вперёд, опираясь локтями на колени.

— Мы семья, я ж не отбиваю. — пожимая плечами, аргументировал парень — Так, пробую ваши вкусы. Учусь, так сказать. — мило улыбаясь, подытожил он.

— Ну и говнюк... — Ванька усмехнулся. Подскочив на ноги, лидер нагнул голову друга движением руки, заставляя кивнуть — Ладно, так и быть. Но, чтоб выяснил мне всё. Нельзя допустить, чтобы эта депрессивная скотина, когда очнётся, опять оказался в эпицентре.

— Вот эт разгово — ор! — Брюнет, широко улыбаясь, поднялся следом — Обожаю вас, понимающих моих, любимейших, а главное, таких щедрых!..

— Не продолжай. — Вано вздёрнул воротник рубашки вверх, разглаживая складки — Пора бы переодеться. Тут ты сам разберёшься, ждём отчёта. Не увлекайся флиртом,

остальным по надобности. Понял?

Санёк приставил ладонь к виску, изображая жест «отдать честь».

— Куда к непокрытой, придурок?! — лидер шайки отшвырнул руку, заставляя друга широко улыбнуться — Давай, в темпе танца.

— В темпе вальса. — Саня поймал на себе недовольный взгляд за высказанную подсказку— Пам — пам — пам... — решив проигнорировать, брюнет подхватил друга по руки и закружил в упомянутом танце, под собственный ритм.

Кружась под «раз — два — три», шутники удалились из комнаты.

Машка с интересом всматривалась в окно, на толкающих друг друга парней. Колька и Ванька заявили, с минут десять назад, о своём немедленном желании пойти домой. Неужели их так напугала история?

Девушка отошла к плите, чайник уже вскипел, так что она преспокойно залила чай из пакетика, и уселась наслаждаться ночным небом. Свет на кухне не включала, не видела смысла. Гораздо красивее высматривать звёзды, нежели сетовать на то, что их съедает отражение от люстры.

— Ушли? — послышалось из соседней комнаты. Эд, скрестив руки на груди, выглянул из — за угла — Мои. Ушли?

Машка сделала вид, что не обратила внимания. Она только сменила положение тела. Ноги подтянула под свитер и уселась, теперь целиком, на шаткий советский табурет.

— Это я должен обижаться. — завёл Эдуард — Вообще — то, это мои друзья.

— Вообще — то, на секундочку, ты мёртв. — не поворачиваясь, напомнила ведьма.

— И что? — Эд расцепил руки и исчезнув с прежнего места, появился возле стола. Он присел позади Мани и громко вздохнул, выказывая своё недовольство — Тебе это со мной общаться не мешает!

— Им бы помешало.

— И что — о? — настырничал Эдик.

— «И что? И что?» — передразнила розововолосая. Кружку отставила на подоконник, прямо к колючему, но цветущему, кактусу. Девушка, распрямившись, подскочила на ноги — А то! Не хотелось бы новую компанию потерять из — за слов: «О, кстати, хотите прикол? Я призраков вижу, во, потеха!»

— Чего?

— Да того, Эд! Я устала, что меня сумасшедшей называют! Устала, что постоянно фырчат на меня по углам! Устала, что мне поговорить даже не с кем! Ну, в смысле, есть с кем, но из живых — то!..

Эдуард, поджав губы, таращился на подругу:

— Сколько — можно — то уже?! Сил никаких нет! Отпойте бабу, откопайте деда, перезахороните дитяtko! А убийцы эти, маньяки?! Думаешь, как сильно они хотят прорваться в наш парк и продолжать зверствовать уже там? А я тебе отвечу! Сильно, Эдуард! Крайне сильно! — девушка не успокаивалась — И всё на мне! На мне одной! Как будто я подписывалась под это! Чёрт, ну, подумай, провинилась! Да господи! Чего ты так zenки растопырил?! — наконец заметила она.

— Мань. — Эд медленно поднялся — А «чего» не я сказал. — он также медленно развернулся к коридору, посреди выросла мужская фигура. Сашка удивлённо всматривался в тёмную кухню. Руки сжимали пальто, плечи сильно напряжены. Глаза... А глаза — то! Какие напуганные! Никогда его таким не видел.

Мария с широко распахнутыми глазками, еле слышно пискнула. Брови ведьмы собрались к переносице, взгляд задрожал. Губы искривились, сдерживая растущий порыв зарыдать.

— Не реви! — обратив внимание, шикнул Эд — Ты с ума сошла?! Чего ты ревьешь?!

Манька хлопнула носом.

— Теперь и эти уйдут! — огрызнулась она — Теперь и «твои» уйдут!

— Маш? — раздалось из коридора — Ты там?

Какой смысл спрашивать здесь она или нет? Не слышал, как она орала про мёртвых?

Алё, Санёк, не тупи!

Машка угукнула.

— Можно мне зайти?

Девушка хлюпнула носом и тихо согласилась.

Парень, повесив пальто, слегка вздёрнул футболку. Ванька отдал ему одну из своих запасных, поэтому картинка из «Ну, погоди» страх, как не вязалась с его привычным амплуа.

Он медленно прошёл на кухню и нащупав выключатель, щёлкнул по нему. Комната озарилась жёлтым светом.

Девушка, обнимая себя за плечи, стояла, оперившись на холодильник.

— Я тут кое — что услышал. — деликатно начал друг — Ты говорила про мёртвых и пару раз назвала имя «Эдик». Позволь уточнить и извини, конечно, за нескромность. А это ты так справляешься с потерей или?...

— Скажи правду. — настаивал я — Он узнает. Послушай меня и скажи правду.

Манька отвела заплаканные глаза. Она пождала губы и посильнее себя приобняла, не издавая ни звука.

— Я спрашиваю, потому что... — Александр сделал шаг к девушке. Та вздрогнула, заставляя его остановиться — Потому что, мы обращались к экстрасенсам. — парень сунул руки в карман.

— Он врёт. — огласил я — У него привычка, когда придумывает, руки в карман совать. Значит, хочет узнать. Значит, разведывает... Чёрт бы их побрал, Машка. Что — то происходит. Плевать, скажи правду. Так будет лучше.

Маня подняла на меня заплаканные глаза. Я заметил в них страх. Что это? Почему она так напугана? Почему так реагирует? В чём причина?

Девушка закусила нижнюю губу и резко отвернулась. Пару секунд ребята молчали, пока в комнату не забежал котяра.

— Всё, что ты услышал, чистая правда. — отчеканила подруга. Она сильно зажмурилась, будто остерегалась увидеть что — то ужасное. В сравнении с тем, с чем она имеет дело на постоянной основе, насколько ужасен Саня или я?

Реакция брюнета мне, напротив, показалась крайне странной. Он не выглядел удивлённым или ошарашенным, он всё также стоял, разглядывая Машку с ног до головы. «Облизывая» каждый её изгиб.

— Про мёртвых, всё правда! Я вижу мёртвых! — выкрикнула Машка, окончательно раздосадовавшись — Понял?! Я фрик! Ведьма! Чокнутая! Как ни назови, я сумасшедшая!

Санька только теперь «разморозился» и слегка вздрогнул, пытаясь вслушаться в слова и понять, что там кричала розововолосая. Персик в это время умело разряжал обстановку, хрумкая съедобными камешками.

Маня громко выдохнула и уставилась на меня. Она выглядела максимально подавленной и в то же время решительной.

— Я не хочу терять тех, с кем мне комфортно из — за чёртового назначения, которое со мной не обсуждали. — она сделала робкий шаг к Сашке. Тот, растопырив глаза, шуганулся такого телодвижения — Не бойся.

Девушка приподнялась на носочках и еле — еле накрыла губы Александра своими. На секунду я потерял дар речи. Она... Что она творит?! Момент нашла! На моих костях строить отношения! Ну, даёт! Да что же это?!

— Ты что творишь?! — Ага, молодец, Санёк, так её! — Какого ты делаешь?! — он, как мог сдержался и слегка оттолкнул хрупкое тело обратно к холодильнику. Ведьма покраснела.

— Мне нужно, чтоб ты знал! Чтоб вы знали, что я не сумасшедшая! — объясняла она.

— Да пошла ты к чёрту! Ты не только сумасшедшая, ты ещё и куртизанка! Манать, Эд себе девицу нашёл, ничё не скажешь!

Теперь во мне боролось чувство злости и... Ревности? Сам не понял, как я, зачем — то толкнул друга в плечо. Тот, к моему удивлению, отшатнулся и резко развернулся ко мне.

Голубые глаза Саньки уставились прямо в мои, заставляя застыть на месте. Он открыл рот, чтобы закричать, но Машка ловко его остановила, впечатав тыльную сторону ладони другу в кадык. Брюнет закашлялся, хватаясь за горло.

Я бросился поддерживать пострадавшего, стараясь не вспоминать, что я ни черта не могу сделать.

— Стой! Стой! — Машка оттолкнула меня, я впечатался в стену. Доска для овощей, висящая на гвозде, с грохотом упала. По моему телу пробежала дрожь — У тебя есть три минуты, чтобы сказать ему, что хочешь! Объяснения, вопросы — всё потом!

Я не верил своим ушам. Что хочу? Сашке?

Алекс в это время, с огромными глазами, всматривался в мой проявляющийся силуэт. Взгляд наполнился ужасом, зрачки то и дело прыгали то на Машку, то на меня.

— Он... Он видит меня? — голос у меня подрагивает — Он...

— Прикинь! Уже пол минуты прошло, давай, не теряйся!

Я мигом присел напротив напуганного друга. Он сильнее ёжился от любого звука, невольно сравниваю его с напуганным кроликом.

— Сань, всё хорошо. — я старался сделать голос, как можно более уверенным и спокойным — Я тут, я рядом. Я очень скучаю по вам. Я так рад был с вами общаться. Очень вас люблю и...

— Почему ты тут?! — выкрикнул Санька — Как ты тут оказался?! Почему?! Почему?! — он повторял один и тот же вопрос ещё пару мгновений, но тут глаза его закатились, и он сполз в бездыханном положении по стенке.

Я был в шоке.

— Сашка! Сашка! — кричал я, аккуратно потрясывая друга за плечи — Санёк! Санчелло! Ну, что же ты?!

Почувствовав девичьи пальцы на затылке, я вздрогнул и отпустил бездыханное тело, разворачиваясь к ведьме.

— Он тоже?! Тоже мёртв?! — я подскочил, заставляя СВ отшатнуться и упираться в стену. Серые глаза девушки выглядели максимально мокрыми. Взгляд растерянный. Меня это только подстегнуло — Ты чёртова сука! Ты в курсе?! Нельзя было посоветоваться?! Эгоистка! Ты думаешь, я хотел этого?! Думаешь, я желал застрять тут с тобой?! А он?! Теперь он тоже?!

Девушка опять пождала губы, но взгляда не отвела. Слеза из правого глаза, наконец, стекла по щеке. Я прикусил язык.

На кухне воцарилась удушающая тишина. Даже Персик убежал от таких воплей.

Я шумно сглотнул слюну. Голова гудела от мыслей.

— Он жив. — выдавила Машка. Смахнув, слезу с щеки, она удалилась из комнаты.

— Он жив?! Он жив?! — кричал Ванька, распихивая санитаров, те упрямо преграждали путь к палате — Он жив или нет, черти поганые?! — Блондин не выдерживает и пихает одного из студентов. Чем провоцирует ответные действия со стороны персонала: его немедленно скручивают и усаживают на место.

Вано зарывается руками в волосы. Коридор наполняется отчаянным воем.

— Иван, — мужик в серой кепке тихо подсел к юноше — Если бы не этот случай, мы бы не были до конца уверены, что задумал Пушкин. Теперь нам известны планы, на него открылась охота. Вы должны быть благодарны жертве, которую принёс Эдик.

Ванька рывком развернул голову на вещавшего:

— Благодарен?! Благодарен за что?! За смерть?! За смерть я должен быть благодарен, сволочи?! — Парень даже замахнулся на охранника, но вовремя спохватился. Теперь он окончательно завопил, скрывая голову меж рук.

— За не свершившееся покушение на вас. — спокойным тоном поправил собеседник.

Это и есть один из охранников, которые спасли всю компанию из случившейся катастрофы.

Ну, или почти всю.

Где — то с год назад, у главного председателя колбасного завода, по совместительству дяди Вани, Прохора Александровича Мазурина, «СвинУшки», появился конкурент по отрасли. Далее было объявлено о банкротстве данного завода. Позднее, мойки Прохора стали закрываться одна за одной, теряя в своей цене не малые деньги. Рынок упускал в своей рентабельности, по причине объявившегося монополиста Пушина, который работал в минус, но всё — таки удалял тем самым конкурентов. По завершению подобного «выкашивания», у дяди Ваньки осталось 50 % законного бизнеса, после чего тот и решил, что дело принимает совсем неприятный оборот.

Будучи главой центрального ОПГ города, дядя Вани совершенно не желал мириться с такой наглостью, а по сему начал отстаивать права в лучших традициях девяностых. Однако, совсем не учёл, что люди на него работают новые, а значит, не совсем смышлёные, почему, к слову, и оказался в тюрьме.

Когда его забирали за очередное ограбление, свершённое прихвостнями без ведома начальства, он, спокойно кивнув ОМОНу о своём нежелании сопротивляться, дал невербальный указ двум стоящим во дверях охранникам. А именно, кивком обозначил начало их службы Ване.

Стоявшие сотрудники возле двери, приняли приказ и спокойно дождались окончания задержания. Вышли, как и предполагалось, свидетелями, разве что, с административным штрафом, за мелкое преступление. Руганул один на офицера полиции, чем и подписал себе небольшую взбучку.

Роман и Алексей, которые верой и правдой служили Прохору Александровичу с восьмидесятых, теперь неустанно следили за молодым приемником «хозяина», Иваном Мазуриным, являвшимся по совместительству единственным родственником. Что, кстати говоря, делало его самой главной мишенью в открывшейся войне меж действующими главами бандитов. Разумеется, Прохор это предусмотрел, а от того, разъяснив ситуацию и предчувствуя скорую свою «шконку», дал приказ бдиль за Ваней, отлучаясь только в туалет и

сменяя друг друга на поспать. Что мужики успешно и делали с шестого мая до десятого октября.

Заметив, как компания ребят выдвинулась по своим младым делам, Роман и Алексей, последовали за ними, на расстоянии пары машин. Приметив через полчаса, странное скольжение по дороге, охранники напряглись и продолжили наблюдать с особой чуткостью. Наконец, когда авто Ваньки остановилось, мужики встали на аварийку, ожидая дальнейших действий.

Три минуты спустя, не заметив никакого движения, Роман выдвинулся на разведку и выяснив, что Ваню и команда в отключке, позвал на помощь Алексея.

Вытащив троих, усыпленных хлороформом, из машины, Роман двинулся за последним оставшимся — Эдиком. Выдернув за шкуру, мужик, взяв под плечи пацана, начал оттаскивать того к машине, но тут их накрыла ударная волна от взрыва, повлѣкшая сильное обгорание всего тела парня. Мужика, в компании с шатеном, отбросило на десять метров, протащив ещё парочку по асфальту.

Прихвостни Пушина, кстати, вовсе не следили за своей работой, чем и допустили фатальную ошибку простой миссии — избавиться от племянника главного конкурента. Пушин хотел тем самым, выбить Прохора из привычного ритма и занять, наконец, оставшиеся «точки». Подложив дистанционные «распылители» и зарядив те хлороформом, идиоты хлопнули в ладоши и решив, что остальную работу сделает таймер на бомбе и усыпляющие испарения, преспокойно уселись смотреть сериал в пробке, которая случилась сразу по выезду ребят из города.

Как итог: сгоревшая полностью машина, исчезнувшие куда — то тела и спокойные Пушинские бандюганы, уверенные в прекрасном исполнении своей задачи.

Прохор Александрович, кстати, узнав через своих людей о случившемся, мигом подключил частную клинику для обследования и спасения жизни Эдика при сохранении конфиденциальной информации, а также местную жёлтую прессу, чтобы те, как бы случайно, раздули из мухи слона и сказали, что из — за силы взрыва, не осталось ни единой частички ДНК, что, при подобных обстоятельствах, разумеется, невозможно.

— Мне плевать, Лѐх. Я жив или нет, мне плевать, понимаешь? — всхлипывая, выговаривал Ваня — Мне главное, чтоб пацаны живы были.

Алексей, будучи охранником с очерстевшей душой, не в силах был понять подобного настроения. Разве парень не должен радоваться спасѐнной жизни?

— Они живы. — объяснял он — Мы же вытащили почти всех. Вот, почти все и живы.

Иван поднял, полный ненависти, взгляд на мужика.

— А надо, чтоб не «почти», тупоголовый! Надо, чтоб все!

— Мазурин? Мазурин Иван Павлович? — женский голос отвлѣк Ваньку от нарастающей агрессии в отношении своего «служащего». Он поднял заплаканные глаза на аккуратно одетую в белый халат, девушку. «Шоколадные» волосы красиво подчѣркивали пухлое лицо медсестры, заставляя любоваться фарфоровой кожей. Тело девушки не выглядело как — то необычно, но почему — то сильно привлекало внимание Ваньки. Он заметил, что, являясь относительно низенькой, особа элегантно сочетала в себе красивые формы: привлекательную талию и миловидные черты лица. — Это вы или вы? — глазки скользнули к Алексею — В карте говорилось, что будет юноша двадцати пяти лет.

— Двадцати трѣх. — поправил Ваня — Чего тебе? — на вид она хоть и чудо, но конкретно сейчас, вообще не к месту. Сколько ей, лет девятнадцать? Значит, у Ванька было

право так с ней общаться. Да вообще — то, у него всегда было право так общаться с кем бы то ни было. Не парит вообще.

— Вы должны пройти вместе со мной для диагностики здоровья. — робко, но вполне строго, отчеканила медсестра — Пожалуйста, пройдёмте за мной.

— Да никуда я не пойду! У меня тут друг умирает, а я буду о здоровье печься? Чё за бред?!

Девушка выдохнула. Зелёные глазки сузились:

— Ваш друг, как минимум, в течении десяти часов, будет в реанимации. — голос начал нарастать по громкости — Врачи делают всё, что в их силах. — теперь медсестричка демонстративно приобняла свой планшет с документами — От вас требуется позаботиться о себе сейчас, чтобы, когда ваш друг поправится, быть с ним на равных! А не лежать в психушке с расстройством какого — нибудь шизоидного спектра, понятно?! — она грозно фыркнула в конце. Ванька опешил.

Алексей, не теряя времени, подтолкнул своего подопечного к девчонке. Тот, словно во сне, поддался. Девчонка оказалась не из "тормознутых", и быстро подхватив дебошира под руку, повела куда — то вглубь голубого коридора.

Я недолго оставался в ступоре после слов Мани. Почти сразу рванул за ней и обнаружив, что дверь в комнату закрыта, плюнул на боль, что ощутил в прошлый раз и пнул ненавистную преграду. К моему величайшему удивлению, дверь с грохотом открылась, открывая взору переливающееся огоньками пространство.

Завернув за угол, увидел ошарашенную розововолосую. Она смотрела на меня распахнутыми глазками ещё секунд пять, после чего, губы её снова задрожали, и она уткнулась головой в колени, приобняв себя за плечи.

Останавливаюсь. Признаться, честно, сознание даже помутнело. Никогда не замечая даже толики сомнения в голосе ведьмы, я привык к мысли, что она вредная маленькая стерва, к тому же, вполне себе, бесчувственная, ведь как по — иному объяснить такой образ жизни? Да, только недавно, что она что — то чувствует. Но теперь — то появились слёзы. Что делать — то?

— Чё ревёшь? — спрашиваю в грубой форме. Не осуждай меня читатель, я и сам растерялся. Плечи девчонки вздрагивают, и она ползком ретируется за кровать. Выглядит это, к слову, забавно. Не разгибаясь, подруга моя, на пятой точке, проскользила за ширму. Невольно улыбаюсь.

В комнате раздавалось лишь прерывистое шмыганье носа, что, несомненно, выбешивало. Я хотел уже было начать высказывать своей спасительнице пару ласковых, но тут...

Спасительница, чёрт возьми. Если б не она, я бы и друзей — то больше не увидел. Твою — то да наоборот!

Ноги сами двинулись с места. Громкими шагами пересёк всю комнату, оказавшись прямо над поникшей девушкой. Она, услышав топот, подняла взгляд.

— Поиздеваться припёрся? — ведьма смачно вдыхает накопившиеся сопля, чем вызывает усмешку.

— Сколько у меня ещё осталось?

Девчонка бросила взгляд на настенные часы.

— Секунд сорок — пятьдесят.

Услышав ответ, немедленно опускаюсь на колени и притягиваю подругу к себе за плечи. Чувствую тепло от тела под своими руками. Вкусный аромат волос, которые так и норовили залезть в нос, и даже аромат духов. Призраком трудно заострять внимание на приятных запахах, да что там, это невозможно. Ты способен почуять гниль, смрад, подгорелые пельмени из соседней квартиры, но никак не аромат духов. Не — е — ет. Зачем? Зачем призракам жить в комфорте? (Посмейся со мной, читатель, над моей фразой «Призракам жить».)

— Что ты?... — Манька попыталась выбраться из объятий, но я лишь сильнее сомкнул руки.

— Дай потратить эти секунды на благодарность.

Я ожидал чего угодно: оров, криков, пинков в пах, щекоток в конце — концов. В общем, всего, чтобы высвободиться из моего захвата, но девушка только обмякла и обняла меня в ответ, утыкаясь лицом в грудь.

Секунда.

Сам не понял, как заплакал. Слеза пробежала по щеке и заставила вздрогнуть. В ногах появилось лёгкое покалывание. Не расцепляю рук. Страшно. А что будет, если расцеплю? Что будет? Машка... Побудь моим якорем ещё немного.

— Это первый и последний раз, когда я могу почувствовать себя живым, да? — Спрашиваю, проглатывая слёзы.

Девушка подтверждает кивком. Посильнее прижимаю её к себе. Моя голова устало приземляется на макушку спасительницы.

— Быть может, ты моё последнее дело? — она вздрогнула. Я почувствовал, как она вздрогнула. Чего это она?

Послышалось обиженное и глухое «Нет».

Снова улыбаюсь. Легонько отстранив тело девушки, пытаюсь выдать счастливое выражение лица.

— Ставлю сотку, что так и есть. — в груди резко закололо, я скрючился и опал на пол. Машка вскрикнула.

— Нет! — кричит девушка — Так быть не должно! Так быть!..

Голос начал удаляться. Я бы посмеялся такому крутому стечению обстоятельств, да дыхание спёрло. Прямо романтик — фильм получается. Кажись, только, с хэппи — эндом беда. Но ладно уж, на то фильм и фильм, чтобы не всегда с счастливым концом выходить. Или это жизнь называется?...

Да хоть книга, какая разница. Кажись, я умираю, и судя по тому, что прошлый раз Манька меня спасла своим заклинанием, сейчас у неё на это сил нет. Ну, умереть два раза, тоже подвиг. Мама, папа, Маринка, можете гордиться мной!

Последнее, что вижу, как Саня забежал в комнату и бросился к Машке. Он не смотрит на меня, зато начал оттаскивать мою девушку за талию от беспомощного исчезающего существа. Мою подругу, то есть. Смех, да и только, я что, привязался к ней? За три дня, что мы были вместе?

Её глаза... Какие красивые у неё глаза.

Машка кричит и вырывается из хватки Сашки. Всё пытается подать мне свою тоненькую ручку, чтобы спасти. А от чего спасать? Кажется, всё идёт по плану.

— Пока. — улыбаюсь и слегка хриплю, проговаривая прощание.

Наконец, темнота.

Блаженная темнота.

Тёплая темнота.

Принимающая темнота.

Часть 2

Пятилетняя девчонка, в белом платьице, носилась по лужайке, что предвляла высокий терем. По периметру каждого этажа величественно восседали деревянные петухи, на крыше расположился красивый серп, в виде чёрного полумесяца, а окна были обрамлены золотистыми узорами. Сам терем сиял, отражая льющееся солнце и переливался радужными цветами, когда малышка доставала карманное зеркальце.

— А вот тут, можно оставить! — прокричала девочка, указывая в отражение. В зазеркалье расположился разревевшийся пацан с кудряшками, что так сильно напоминал Купидонов, из греческих фресок. Он прижимал к груди свою маленькую ножку и сильно раскачивался вперёд — назад, пытаясь заглушить боль.

— Нет. — из окна высунулась женщина. Платиновый пышный пучок величаво украшал её голову. Чёрный ободок с маленьким бантом придавал очарования причёске. Она опёрлась на подоконник, лучше всматриваясь в картинку — Точно нет. — отрезала советница и спряталась обратно в окно.

Девчонка знатно расстроилась. Нехотя вытащив из кармана маленькие хрупкие ножницы, слегка «подцепила» отражение. С зеркала тут же выпрыгнула алая нитка, которую малышка, зажмурившись, перерезала. Мальчик по ту сторону тут же опал, задрожал, изо рта пуская пену. Наконец, молоденькое тело успокоилось и обмякло.

— Я сделала! — отбрасывая зеркало, выкрикнула девчушка. Глаза задрожали из — за слёз, а седые пряди, напротив, вовремя заслонили лицо, скрывая накотившую злость.

— Ну, и молодец. — послышалось за окном. В голосе пробежала нотка пренебрежения. — Отдохни, ягодка. Побегай со Сном.

По плечу девчонки тотчас побарабанили маленькими пальчиками. Позади объявился мелкий пацанёнок, на вид, лет десяти. Он, выкрикивая: «Попалась!» начал щекотать седовласую под рёбрами. Та вмиг развеселилась и бросилась отвечать зачинщику щипками.

Дети быстро заигрались. Они бегали, прыгали, толкали друг дружку, роняли на землю. Что примечательно, одежда их всё также оставалась чистой и выглаженной.

Наконец, деревянные петухи закукарекали, оповещая о наступившем закате. Ребята, обернувшись, обнаружили, что отбежали довольно далеко от дома. Они рванули было обратно, но девчонке пришлось резко остановиться из — за появившегося на пути, зеркала. Оно возникло из неоткуда точно также, как ушло в никуда прошлый раз.

— Сон! Оно опять! — жалобно оповестила седоволосая, хватаясь за ручку предмета — Напасть какая!

Мальчишка, уже успевший отбежать на десять шагов вперёд, обернулся к подружке и фыркнул:

— Ну и что — о? Айда, Марка! Нам ужинать пора, ждут ведь, пошли! — он, недолго думая, махнул рукой, и растворился в воздухе.

Девчонка грустно вздохнула, опуская голову. Отражение, дрогнув, поплыло, рисуя новую картинку.

Бабушка в серой шали, свесив голову, задремала возле печи, предварительно установив заслонку в самом начале процессии. Возле старушки настырно тёрся чёрный кот, пытаясь привлечь внимание и разбудить хозяйку, но та, поёрзав на стуле, лишь поудобнее устроилась на месте.

— Ох! — вздохнула Марка — Что ж делается — то? — серые глазки сузились, пытаюсь захватить как можно больше деталей. На кровати, возле стены с алым углом, улыбаясь во сне, сопела девчонка, лет четырнадцати. Посильнее завернувшись в пуховое одеяло, внучка отвернулась к стенке.

Чёрный кот на возглас повернулся прямо к Марке и, жалобно мявкнув, направился поближе к воскликнувшей:

— Черныш... — растёкшись в улыбке, умилялась Мара — Что ж нам делать, Черныш?

Котяра начал обнюхивать «экран». Марке предстал розовый носик, который шустро вилял из стороны в сторону.

— Мара, дитяко! — старческий голос заставил обернуться. Позади неё вырос старец в красной тунике, утянутой золотым поясом на талии. Широкие порты и такие же алые сапоги. Голову покрывал зелёный колпак, с красным меховым шаром наперевес — Чавой ты тут забыла? Вечереть начало, а ты застряла. На что?

— Дядя Ярилко! — Мара, распростирая объятия, рванула к деду. Прыгнув к тому на шею, девчонка чуть — чуть захныкала — Опять мор, дядя Ярилко! — малышка сунула разгибающемуся мужичку, зеркало. При чём сунула прямо под нос, этот самый нос, немного задев. Он крякнул, улыбаясь.

— Эх, Марка! Боевая ты баба вырастишь! — поднимая ребёнка на одной руке, заключил воспитатель — Ну и что там?

— Заслонку старая рано поставила! Угорят же! — хныкала девочка — Что делать — то? Что делать?

— А что делать, дитятя? Что тут поделаешь? — дедок двинулся вперёд, держа направление на терем. Небо окрасилось в фиолетовый цвет, оповещая о скором приближении темноты — Оно, ведь как: Нам, ведь, вмешиваться — то нельзя. Не — е — ет, никак нельзя. — потянул Ярило, уловив отрицание внучатой — Что ты, что ты. Так ведь оно так, что жалко, а вмешиваться не можно. — рассудил он.

Мара опустила голову. Признать, что родственник был прав, не хотелось. Да, действительно, вмешиваться в людские жизни и смерти им нельзя, а в жизни животных?

Девчонка резко расцепила хватку на шее и спрыгнула на ноги. Удержав равновесие, бросила зеркало в траву:

— Деда Ярилко! Огоди немного! — Марка прыгнула в открывшуюся воронку.

Её ослепило вспышкой, и тут же, внизу, пробежало что — то шерстяное.

Мара аккуратно приоткрыла глаз. В ногах активно тёрся чёрный кот.

— Чернышка! — девочка аккуратно подняла животину на руки — Давай — ка ты со мной пойдёшь, а бабка с девушкой жить останутся, а?

Котяра вжался головой в платье гостьи. Ушки свернулись ближе к черепу, хвост опал.

— Ну, чавой ты? Не бойся, чёрненький. Я тебя в обиду не дам. Сразу на волю отпущу, а там уж ты и переродишься. — она погладила пушистого по голове. Тот поднял глаза. В уголке правого проявилась еле заметная слеза — Ну, что ты, чёрненький? Что ты, милый? Не горюй, справимся.

Кот, мявкнув, отвернулся и замурылкал, давая невербальное разрешение на любые действия незнакомки.

Девочка на цыпочках прошла к печке. Отодвинув заслонку, седоволосая осмотрелась. Обычная изба: тут лапти, там тулуп. Чего о таком жалеть вольному животному?

— Ну, пошли, котик? — девочка снова бросила зеркало на пол, послышался глухой стук.

Бабка вскочила, озираясь, но быстро успокоилась, никого не обнаружив. Спихватилась в секунду и также быстро обмякла, заметив, что заслонка не установлена. Теперь она снова задремала, привычно свесив голову.

На поле, неподалёку от резной избы, появилась девочка в белом платице.

— Ну вот, ты и тут. — сгибаясь, сказала она. Аккуратно расцепив руки, Мара выпустила кота на волю. Тот, недолго думая, рванул вдаль.

— Чой учинила, окаянна?! — издали послышался недовольный голос старика. Развернувшись, девчушка увидела, как, ловко перебирая посохом, что казался обыкновенной палкой, и ногами, что выглядели старше, чем самая старая древесная кора, нёсся Ярило — Ай, бестолочь! Ай, дурная! — подбегая, он приобнял ребёнка — Ну, чавой ты рванула? Ну, куда? В твоём возрасте? Ну, какой?

Марка улыбалась, поддаваясь объятиям.

— Дядь Ярилко, так ведь не впервой. — успокоила она.

Мужик медленно отодвинул тельце от себя. Взгляд с испуганного сменился на грозный.

— Как это?

— А так, я ж давно туда — сюда хожу. Вот, только сегодня с собой забрала, котика — то! А так я ни — ни! Так ни — ни!

— Так, ты туда — сюда что ль щеголяешь? А Морана знает?

Серые глазки растерянно забегали. Девочка мельком повернулась к терему, и, вздрогнув, вернулась взглядом к седому:

— Не знаю. — тихо соврала она.

— Ой, горе луковое! — дедок приподнял девчонку. Посох исчез, дряхлые руки начали преобразоваться в подтянутые, добрые. Седые волосы окрасились в чёрный, колпак теперь украшал голову молодого голубоглазого парня. Спина величаво расправилась — Вот, что с тобой, Марка, делать?

— Дед Ярилко, а я... А я когда так же смогу? — рассматривая сажные патлы, спросила девочка. Она быстро отвлеклась от нравоучений деда, потому, как и деда перед ней боле не было.

— А вот когда с Мораной — то сольётеся, тогда — й и сможешь. — теперь старческие обращения казались неуместными. Юноша уставился в даль, высматривая здание.

— А ежель не сольёмся? — не отводя взгляда, вопрошала Мара.

Ярило остановился и уставился на свою собеседницу:

— Это как так?

— Ну, так. — спокойно ответило дитя — Ведь Морана людей губит. Да за любой пустяк, дядька Ярилко! Там мальчонка упал — режь нить, говорит! А он ведь просто поцарапался. Там вон девушка, молодая, красива — а — а — я, — блондинка аж глаза прикрыла, вспоминая образ — Нет и всё. Режь. А причина знаешь кака? Зацепилась за веточку берёзки. Здоровье, говорит, хилое. Вижу так. А недавно парнишка в самом расцвете сил, на Купалу — то, как похож! Забирай, всё твердит. Ты, говорит, мала, чтоб мне перечить. Твоё дело — делать.

— Так, ты ж мала. — подсаживая вновь девчонку, согласился Ярило — Что ж теперь поделать? Делай, раз говорит. Твоё дело — исполнять. Потом решать будешь.

— Как сольюсь?

— Как сольёшься.

Пара растворилась в воздухе. Они появились чуть погодя, прямо возле ворот, теперь

освещавшегося факелами терема. Вечер потом, прошёл весело, все плясали да веселились. Ребятишки играли подле своего стола, зрелые расположились за длиннющим, накрытым яствами.

Танцы и гул стояли в тереме до поздней ночи, а как время пришло расходится, взрослые вмиг обратились старцами, кроме седовласой женщины, торжественно восседающей во главе застолья.

— Как преемницу растишь, Морана Батьковна? — заговорил, сидящей подле, Ярило — Трудно ли, аль всё чин по чину?

Седоволосая еле заметно улыбнулась:

— Приемлемые тяготы. — она потянулась за деревянным кубком.

— Ты ж, поди — кый, малютку к вину — то не приучашь, ай? — послышалось с другого конца стола.

— А тебе, Несреча, всё расскажи! — по залу прокатился смех.

— И то правда, правда! — кричали ото всюду — В каждой бочке!..

Сама Несреча, уже обратившаяся старухой, сидела в расписном платье, с красивыми золотыми узорами. Она недовольно поёжилась и потянулась за куриной ножкой, одиноко лежащей на подносе. Когда почти ухватилась, другая бабушка, в платье более пастельных тонов, по фасону, однако, мало отличающемся, накрыла трухлявую руку, своей.

— Ну, будет жадничать, Несреча. Оставь младым — то, куда в себя пихаешь. Лопнешь ведь, аки пузырь.

Бабка отшвырнула советницу и взялась за ножку:

— Молодые на то и молодые, чтобы себе яства добывать! А я стара, мне нужно удобство, покой!

Богиня в пастельном платье обвела «жадину» взглядом.

— Да будет так. — кивнула она — Морана, сестрица! — весь стол обратил внимание на поднимающуюся бабушку — Пора нам прощаться, милая родственница! Не поминай лихом, коль что не так!

— Рада! — Седовласая подскочила и отдёрнув чёрный плащ, чуть ли не вприпрыжку, понеслась на встречу прощавшейся — Ах, сестрёнка! Так не хочется тебя отпускать, Рада!

— Так ведь и честь знать надо... — смущённо проговорила бабушка — Ну, будет уж! — она сильно обняла седоволосую — Сил тебе, Марочка!

Женщина засмеялась:

— Отошло уж от меня то имя, сестра! Вон, Марочка! — Слегка присмотревшись, глаза седоволосой удивлённо округлились. На платье, в самом низу, да ещё и сзади, она заметила еле заметное серое пятно, которое преемница, видно оставила, забирая кота. Попрощавшись мельком с приобнимавшей её Радой, она рванула к девочке.

Кинув шипящее «За мной, немедленно.» — женщина скрылась за углом.

Марка, ещё недавно веселящаяся со Сном, поймала на себя сочувствующий взгляд брата.

— Ну, радует одно. Ты хоть не помрёшь. — улыбаясь, подбодрил мальчик.

Когда девочка прошла в комнату, дверь резко закрылась, оглушая грохотом всех находившихся в тереме. Огромный стул, подбежав сзади, усадил её на сидущку и поскакивая, притащился к столу возле окна.

За деревянным, перебирая пальцами, восседала Морана. Плащ сменился привычным, элегантным платьем. Чёрный бархат аккуратно обволакивал тонкую талию, грудь подчёркивало глубокое декольте. Глаза сверкнули недобрым огнём:

— Рассказывай. — повелела женщина — Утаишь что, я узнаю. Но тебе хуже будет.

Марка сглотнула. Так страшно ей не было давно. Что делать? За правду — наказание, за неправду — наказание. Выбрать меньшее? Ай, да чёрт с ним!

— Я была в избе. — робко начала девочка.

— Так. — спокойно поддержала собеседница — Дальше. Или мне из тебя информацию волоком тащить придётся?

Марка стыдливо опустила взгляд.

— Я кота забрала.

Женщина угрожающе поднялась и медленно подошла к окну. Она уставилась вдаль, очевидно, ожидая продолжения. Грудь начала тяжело вздыматься, оголяя нарастающее напряжение.

— Там бабушка была и девчонка молодая, а старая просто заслонку не убрала, при печке — то! Что ж мне надо забрать их было? Смысл — то? Так, ведь сегодня праздник ещё, куда ж их забирать... Так, ведь, испугаются! Кто ж их через «Сморозину» — то переправит? — затараторила Мара.

Внезапно по комнате прошёлся ледяной ветер. Девочка вжалась в стул. Ножки его, кстати, задрожали.

— По какому праву. Ты себе позволяешь. Такие действия. — всё также вглядываясь в даль, спросила женщина. Волосы развивались на ветру, который начал пронизывать преемницу до костей — Правила мы обсуждали. Ты их мне рассказывала наизусть. Делаю вывод, что ты делаешь это из вредности, и чтобы поперечить мне. — голос был низкий, строгий, пугающий.

Девочка распахнула серые глазки.

— Нет, тётка Морана, нет! — закричала она — Конечно, нет! Просто!

— Просто. — перебила женщина — Ты заигралась. — она повернулась к собеседнице. Глаза женщины стали цвета грозовой тучи. Вот — вот в них засверкают молнии. В комнате началась настоящая метель, вьюга принялась подтаскивать стул к окну. Старшая Морана же, напротив, от окна отдалялась. Ножки стула начали тормозить по деревянному полу, царапая бедные доски. — Сколько раз это повторяется, дитя? Пять, десять? Я сбилась со счёта! — У снежинок после этих слов, как показалось, все концы стали острее. Они больно царапали кожу малышки, заставляя глубже вжиматься в стул. — В прошлый раз ты обменяла жизнь мальчика на жизнь карася! В этот раз две человеческие жизни на кота?! В следующий раз ты обменяешь жизнь деревни на куриное яйцо?!

— Они неправильно умирают! Им бы жить!

Разъярённые глаза впились в испуганное лицо.

— Я больше не буду! Больше не буду! — приближаясь к окну, выкрикивала Марка. Чем ближе она становилась, тем надрывистее был её голосок — Правда, я больше не буду, тётя Морана!

— Будешь, не будешь. Всё одно. — метель резко стихла. Стул застыл прямо перед подоконником — Мара, преемница Богини Смерти, Богини Зимы, ты изгоняешься наставницей своей, в мир людей, для усвоения главного урока — женщина появилась прямо перед преемницей — Люди не достойны пощады. Люди отвратительны. Люди тленны. И что самое главное. — она нагнулась прямо к вжавшейся в стул Маре — Они не достойны пощады, — голос стал совсем тихим — Потому что, сами — беспощадны.

Резко обогнув ребёнка, Старшая «стряхнула» со стула девичье тельце, выбрасывая ту в

окно.

Седоволосая девчушка закричала, что есть мочи, пытаясь в воздухе ухватиться за любой предмет, что помог бы остановить падение. Петухи на этажах резко закукарекали и закивали своими деревянными головами, пресекая любую попытку за них схватиться. За одного, однако, она сумела зацепиться, но быстро отпустила хватку, ведь птица больно цапнула маленькую ручку за палец. Окна вмиг стали плоскими, створки пропали. Подоконники вжались в здание. Малышка попыталась развернуться и тут закричала сильнее. Под ней уже разверзлась чёрная воронка, раскрывая свою пасть.

— Сроку тебе, пятьсот лет, дитя! — последние слова, что услышала пятилетняя Мара.

Её выплюнуло в лесу, больно ударив спиной о первое же дерево. Крик пронёсся по всему периметру.

Рядом послышалось шуршание. В кустах сверкнули чьи — то золотистые глаза. Девочка медленно поднялась по стволу. Юные ножки дрожали от страха.

— А — а — а! — повторяя крик, из ныне известного произведения «Маугли», появился из неоткуда, мальчуган в тулупе и съезжающей меховой ушанке — Убью — ю! — тянул он.

В кустах кто — то взвизгнул и сорвался с места:

— Уходит! — не переставая бежать, вскрикнул сорванец — Уходит, говорю! Не слышишь?! — на этом моменте, он пробежал прямо мимо Мары. Пробежав ещё метров пять, пацан остановился и взглянул на оставшуюся позади, чужачку.

Вернувшись обратно, деловито шмыгнул носом, размазал широким движением соплю по лицу и улыбаясь, во все свои десять зубов, протянул руку в варежке для знакомства.

— Боишься? — поинтересовался мальчик — А то правильно! То волк был!

Девочка дрожащей ручкой, уцепилась за руку мальчишки.

— А ты в платье? Ты совсем что ль?! — вскрикнул он. Оперативно стащив с себя тулуп, пацан завернул незнакомку в одежду. Ещё немного растерев тело, потащил малышку за собой.

— Уж, звиняй, валенки не отдам! Могу носки отдать! — он, плюхаясь в снег, ловко стянул один валенок — А на кой тебе носок, коль он обмокнет?! — натянул обувь обратно — Ты, похож, маленька. Айда на спину!

Мара осматривала пацана молча, не проронив ни слова. Она лишь покорно следовала за ним, когда тот говорил.

— Ну, айда иль не айда? — шмыгнув носом, спросил мальчишка. Он теперь стоял согнувшись, в одном свитере да штанах, еле заметно подрагивая от мороза.

Мара осмотрелась. Зима. Сейчас зима. Она опустила голову. Ноги уже посинели от холода, его всё равно не ощущается. Или она не ощущается ног? Подёрнув посильнее тулуп, девочка кивнула и ловко забралась на спину спасителя.

На вид он был ненамного её старше, года на три, но по силе, на все пять лет. Подтолкнув тельце посильнее, пара двинулась по тропинке.

— Как очутилась тут? В платье — то, зимой? Больная или обездолена? — тяжело дыша, интересовался пацан. Клуб пара вырывался с каждым его движением всё дальше и дальше.

— Обездолена. — робко ответила девочка.

Мальчишка слегка затормозил:

— Ну — кый, ещё что скажи!

— «Ещё что» — поёрничала Мара.

Сердобольный двинулся дальше.

— Я помер, да? — перешагивая через сугробы, предположил он.

— Почему помер?

— А мне мамкай говорила, что пар изо рта у живых валит, а не валит он только у богинь смертошных и ведьм проклятых, о, как. А судя по тому, что ты меня не убила, я сам и помер. О, как.

— Так, у тебя ведь пар — то валит.

— Ну, валит. А у тебя не валит.

— Ну, так ты жив, получается.

— Ну, получатся, так. А ты — той?

— А чтоб жить, родиться надо бы, а я ведь не рождена, значит и помереть не могу. — рассудила Марка.

— Так, ты ведьма получается?

— Да какой там, лучше б ведьмой была. — грустно подытожила девчонка.

— Богиня смертоносная?

— Да. — тихо согласилась собеседница. Она почувствовала, как пацан пожал плечами.

— То есть, я богиню смертоносную несусь? — ухмыляясь, вопрошал он.

Марка хихикнула.

— Получается так.

— А звать как?

— Морана. — всё так же спокойно вещала девочка.

— Не умер я, получается?

— Не умер.

— А дом есть?

— Был.

— А сейчас есть?

— Ну, нету. — обиженно мыкнула «пассажирка».

— Ну, тогда сестрой моей будешь. У нас недавно собака померла, мне скучно одному. Мамка с Тятей согласятся, не бойси. Давно мне сестру хотят состряпать, да всё не получается. Видно, Мокошь зла на них. Или на меня, кто вас разберёт. Ну чё — й, согласна аль нет?

— Я ж смерть несусь. — грустно напомнила Мара.

— Сейчас я смерть несусь. — он снова подтолкнул девчонку подальше на спину. Ребята засмеялись.

— А тебя — то как звать?

— Макар я. А ты, смотри мне. Представься там, как — нибудь. Имена человеки знаешь?

Мара призадумалась.

— Ну, Машку знаю... — начала перечисление она.

— Ну, вот, Машкой и будешь. — решительно отрезал спаситель — Только, ты, вот что, правда, что услугу на услугу делается или враки?

— Что надо? — робко спросила девчушка.

— Умирать не хочу. Страшно. Остаться хочу. Тут.

— Ну, коль хочешь. Так тому и быть.

— Ну, коль, живы будем — не помрём! — Макарка загоготал, заражая смехом и седоволосую.

Марка посильнее приобняла мальчика. Вдалеке показались избышки с «стекающим» тёплым светом из окон.

— Скоро дома будем. — оповестил братишка — Самая третья наша! — аккуратно перепрыгивая через ямку, полметил он.

— Скоро дома будем. — прошептала Мара — Теперь я дома буду.

Машута аккуратно прилегла на плечо к новоиспечённому другу, продолжая рассматривать мелькающие вокруг, покрытые снегом, лесные ветви.

Глава 13

Дни шли весело. Макар с Манькой всюду вместе щеголяли. Пацан был прав, мамка и тятя, действительно, приняли Меёаню, как родную. Кормили, поили, в баню вместе с мамкой ходила.

Не жизнь — сказка.

Седовласой девочке, правда, в первые дни пришлось непросто. Над ней принялись издеваться, толкать, шпынять, выкрикивая обидные слова, на подобие:

— Э! Бабка — бабка! А куда деда дела, куда деда дела?! Съела — съела, ведьма съела!

Возвращаясь домой под вечер, девочка не могла скрыть слёз, хоть и очень старалась.

Макар, как раз вернувшийся с гулянки, подозвал сестрёнку к себе, и начал было расспрашивать, но так и не услышал внятного ответа. Старший принял решение, в следующий раз сопроводить девочку на очередное знакомство с деревенскими.

Следующая встреча началась не сказать, что с позитивной ноты:

— Отъ, видали? А Макарка походу и есть дедок — то! О — о — ой! — девочки, оторвавшиеся от лепки снежной бабы, начали осмеивать только пришедшую пару — Тили — тили, жениха сгубили! — они противно захохотали.

Манька спряталась за спину брата. Маленькие ручки машинально сжали тулуп свирепевшего пацана.

— На сестру, на мою?! Убью — ю! — Макар сорвался с места, на ходу загребая комки снега. Тот совсем не хотел лепиться и именно по этой причине, мальчонка с разбегу затормозил ногами возле снежной бабы. Та, не выдержав такой «ударной волны», рассыпалась, будто и не было её. Девчонки запричитали.

— Ах, ты — ы! Ах, ты — ы — ы! Ирод! Иуда! Зла на тебя нет, Макар!

Манька стыдливо наблюдала за картиной. Брат, ловко подскочив, быстро собрал возле себя девах, и что — то им шепнул, после чего, гордо направился обратно к новоиспечённой сестрёнке.

— Поиграй, поди! — скомандовал он.

Маша робко выглянула из — за плеча братца.

— Сегодня у Аннушки после колядок посиделки намечаются, туда тоже пойдёшь!

— А я боюсь. — тихонько пискнула сестра — Одна пойду? Я боюсь.

— А я тоже боюсь! За тебя боюсь, за себя боюсь! Но я — то тебя пуцаю, так и ты ступай, не мёрзни! Поиграй, иди, кому говорят!

Серые глаза девчонки покорно моргнули. Она нехотя обогнула брата, и обняв на прощание, отправилась на встречу задирам.

Забияки, перешёптываясь, разглядывали седоволосую. Хоть голова её и была покрыта, но пряди, всё равно, непослушно выглядывали по бокам.

Чужачка медленно приблизилась к компании.

— Кто така? — спросила первая. Раскрасневшееся лицо, с грубыми чертами, сердито всматривалось в бледное личико Мани. Рыжие волосы, уже намокшие от пота и сыплющего снега, почти сливались с багровым оттенком кожи.

— Манька я. — робко ответила пришедшая.

— Откуда бушь, Манька? — тут вступила вторая. Голубой платок совсем сполз до плеч, оголяя красивые блондинистые волосы. Розовощёкая была куда более приятной внешности,

даже неправильный прикус, будучи довольно очевидным, не выделялся на фоне миловидного лица.

— С третьего дома.

— С какого, третьего? — пискнула крайняя. Она, по возрасту, была ближайшей к Мане. Лет шесть— семь. Судя по тому, что пряталась за рыжей, то была её сестра. Хотя, признаться честно, они были совсем не похожи. У младшенькой, веснушки украшали лицо, придавая ему детскую непосредственность.

— С самого третьего. — вспоминая первый диалог с братом, ответила Маня.

Девчонки вытянулись в лице и одобрительно кивнули.

— Ну, коль с самого третьего, айда с нами? — махая за собой, вскрикнула грубая конопатая.

Эта была из ряда, что называется, бойких, колючих, особо неприступных. Она — то, Аннушкой и названа от рождения. Той самой Аннушкой, у которой сегодня предстояло провести ночь.

Под вечер, компания уже отогревалась возле печки, и охотно друг с другом переговаривались. Ну, почти все. Седоволосая сильно мандражировала, когда сплетницы, рассматривали её волосы с нескрываемым удивлением. Через каждые пять секунд слышалось: «Ах! Какие они!»

— А ты, значит, и правда, сеструха Макара? — переплетая платиновые пряди, спросила Аннушка — А как живётея?

Маня поджала губы.

— Да ты не бойси! Мы ж так, интереса ради спрашивам. — подхватила вторая. Блондинку, как выяснилось, звали Ольгой.

— Неправда! Неправда! — влезла младшая. Она, кстати, представилась, Фроськой — Ей Макар нравится! Она с ним умыканье хотела! Да — да!

Рыжая грозно уставилась на сестру:

— А, ну, Фроська, цыц! — намахнулась она — Кому говорю, в печь засажу! А Яга придёт тебя, да съест!

Маня замычала в знак протеста:

— Вовсе нет! — выпалила новенькая. До сих пор, девочка сидела еле живая, но услышав про сказочную колдунью, резко оживилась — Матушка Йогиня детин не кушает! Она яблочки любит!

— Слыхала, Анька? Отъ как!

Конечно, Маше было невдомёк, что таким заявлением, она ловко подорвала авторитет старшей сестры в доме. Та, почувствовав потерю власти, начала сильнее натягивать пряди и попутно возражать:

— Ну, коль не Яга, то Леший схватит! А я уж с ним заговорюсь!

— Дядька Леший не любит, когда его из дому вызывают. — пытаюсь не обращать внимания на боль, продолжила седоволосая. Аннушка начала свирепеть.

— А навки?! Навки — то, уж точно поможуть! — настаивала она.

Маша немного призадумалась:

— Эти могут, да. — подтвердила девочка.

Рыжая, наконец, перетянув на себя одеяло правды (себе придуманной, но не суть), казалось, даже слегка расцвела.

— Ну, а спастись от них как? — влезла непослушная Фроська. Аня, окончательно

психанув, выпустила пряди из рук, и шумным шагом, удалилась в поварню. Ольга побежала следом.

Седоволосая принялась расплетать незаконченные косы.

— Так, как спастись — то?

— От кого?

— Ну, от навок — то! — Фрося была сильно удивлена, что для чужеродной, такие существа не были пугающими.

— А... Да никак. — как — то простовато, ответила Машка — Ну, разве что, сдружиться с ними. А на кой тебе такие страсти знать?

Фрося слегка смутилась и опустила голову. Рыжеватые пряди закрыли лицо.

— Да Анька пугает. — призналась младшенькая — Я — то, и рада был б не знать...

— А, да ты не бойсь, цветочек! — ответила пятилетняя ведьмочка — Они отроков только трогают, а младших нет! То для них дело гнилое.

— А почему?

— А потому что, сами померли не своей смертью. Или не своевременной, о, как. У них правило такое: Коль мал, так живи. — объяснила Маша.

Фрося вытянулась в лице. Зачесав волосы за уши, малышка принялась слушать с открытым ртом о «Своевременности или несвоевременности людского ухода», а Маня и была рада. До сих пор она ощущала себя в этой компании чужой, ненужной, странной. Теперь её хотели слушать, а главное — слышать. Так что, ведьма с упоением рассказывала, что успела увидеть или услышать.

Позднее к интересным рассказам, сначала не хотя, а потом вполне заинтересованно, присоединились и Ольга с Аннушкой. Под утро, возле седоволосой сидела вся компания и на перебой заваливала ту вопросами.

— А Кощей?!

— А Ярилушко?!

— А этот, этот, ну как его!.. — пыталась вспомнить Фроська — А! Сон — то! Правда что он за мир ночной в ответе?!

Машка заулыбалась:

— Правда! Только он и за меня ещё в ответе! Брат ведь мой!

Девчонки переглянулись. Вся комната наполнилась искренним детским смехом. Все посчитали слова подруги шуткой. Только Фроська слегка призадумалась, но и она потом захихикала.

Так и прошла первая ночёвка новоприбывшей.

По возвращению домой, Макар поинтересовался у неё, хочет ли она кушать и услышав «Нет», удалился на встречу с своими друзьями.

Маша была удивлена, что не было вопросов: «Не допустила ли она очередную ошибку?» или «Как всё прошло? Нужна ли помощь с проблемами? (Возникших по её вине, разумеется)»

Это всегда было неотъемлемой частью встречи с кем бы то ни было. Так что, сейчас, ребёнок был ошарашен. Чуть позже, маманя накормила её, тятюшка взял с собой на зимнюю рыбалку, а вечером, семейство поиграло возле дома в снежки.

Седоволосая уснула меж родительских тел, громко сопя и впервые в своей жизни, увидела сон.

Машка очнулась на своей кровати, завёрнутой в одеяло. Она брезгливо стряхнула с себя прилипшую ткань. Пододеяльник насквозь был пропитан потом.

Девушка медленно поднялась на локтях. Голова мгновенно закружилась, заставляя остаться на месте.

Дверь в комнату еле скрипнула и всё же заставила вздрогнуть, принимая боевую позицию, пусть и довольно вялую. Слабые ручки, слегка подрагивая, были выставлены вперёд, как бы предупреждая.

— Мань? — из — за угла показался брюнетистый юноша. Он медленно выглянул, осматривая комнату и заметив, что девушка проснулась, не решался зайти — Ты как?

— Кто там? — хрипло спросила хозяйка — Кто ты?

— Саня. Ну, Санёк. — растерялся парень — Мы с Колькой и Ваней у тебя ещё жить напросились. Эд, отношения, квест Дракона, всё такое... Помнишь?

Голову пробила волна сильной боли. Она тут же скрючилась и застонала.

Всё сразу прояснилось. Эд, Колька, Ваня, Сашка. Всё вспомнила. Вспомнила приступы Эда, вспомнила Борислава, вспомнила пацана из переулка. Образы мелькали вспышками, вызывая острые «уколы» в затылке.

Вспомнила.

— Эд! Где Эд?! — она начала растеряно озираться по сторонам — Эд! Эдуард!

— Мань, Мань... — Санёк начал медленно приближаться — Здесь его нет. Он...

— Он умер?! — девушка вскинула сонные глаза на знакомого. Тот удивлённо распахнул свои.

— Что ты! Нет! У него ремиссия!

Машка остолбенела. В голове не складывалась картинка.

«Ремиссия у мертвеца, который не мёртв.»

— Я не... — она попыталась подняться с кровати, но тело непослушно обмякло и опало обратно.

— Ты это, — брюнет мигом подскочил и встал перед ведьмой — Не того самого мне. Без этих шучек давай, да?

— Что ты имеешь ввиду? Я ни черта не понимаю.

Девушка снова сделала попытку подняться. Парень, на сей раз, подал руку и подтянул подругу к себе.

— Мне надо в ванную, тут воняет потом и...

— И блевотиной, да. Извини. — рука «сиделки» аккуратно скользнула на талию, надёжнее придерживая Машу — Меня вырвало, когда увидел, как Эд растворяется на полу.

Они медленно выдвинулись в сторону ванной комнаты:

— Так, всё получилось? Ты смог его увидеть? — серые глаза с надеждой вглядывались в голубые.

— Типа того... Только я так и не понял, что это было. — парень подвёл знакомую к двери с изображением лесной нимфы. Картинка весело подмигивала всем присутствующим — Ты это. Как его...

— Теперь я поняла, почему лидер у вас Ваня. — съязвила Машка.

Саня усмехнулся:

— Ну, типа того. Да... Да ты не подумай, я просто растерялся и всё.

— Ну, не суть. Ты говорил, что у Эда ремиссия. Расскажи мне. — женские ручки произвольно сжали ткань футболки парня — Он в порядке?

— Ты иди, помойся сначала. Вопросы потом. А я чайник поставлю. — Алекс аккуратно открыл дверь и щёлкнул выключателем. Ванная наполнилась светом.

Девушка не сводила взгляд с знакомого:

— Он в порядке? — повторила она.

— Он жив. — тихо подтвердил Сашка — И, кажется, скоро очнётся.

Блуждая по тёмному пространству, я совсем отчаялся. Вот уже третий день, (по моим подсчётам) стараюсь докричаться до кого бы то ни было. После того, как Машка провернула фокус с воскрешением, моё существо куда — то отрикошетило и теперь плутает непонятно где. Подозреваю, что это лимб или типа того.

— Кто —нибудь! — орал я — Ну, хоть, кто —нибудь!

Отчаялся ли я? Что вы, конечно, нет!

Свернувшись калачиком, не знаю сколько ревел в пустоте.

Это просто чёртов кошмар! Что же я такого сделал в прошлой жизни, что так отплачиваю сейчас, твою мать?!

Открыв глаза, вдруг замечаю свет неподалёку.

Он вдруг начал нарастать, и я инерционно прикрыл глаза рукой.

— Кто там?! — в ответ тишина.

Чуть погодя, в уши начал проникать какой — то писк. Он напоминал больничный, словно кто — то был подключен к ИВЛ. Ну, или по крайней мере, в моём воображении рисовалась именно такая картина.

— Там хоть кто —нибудь есть?! — не разжимая глаз, выкрикивал я — Эдуард! Эдуард Живчин! — зачем представился, и сам не понял — Я тут застрял! Помогите мне! Машка! Машка, ты там?!

Издаലെка, как бы по ту сторону света, послышался знакомый женский голос. Такой тёплый и привычный, что, услышав его, мне захотелось рыдать.

Срываюсь, бегу, что есть мочи.

— Мама! — кричу из последних сил — Мама, мама! Мама, я тут!

Почти приблизившись к свету, меня, словно по колдовству, отталкивало назад. Я всё никак не мог проскочить сквозь...

— Стена! — в голове нарисовался образ, как мне не удавалось выбраться из парка. В тот раз Машка установила эту магическую или какую там, стену, а сейчас что?!

Я аккуратно присел на корточки. Опустив глаза вниз, ко мне пришло осознание. Ни черта не видно. Хоть свет и яркий, тьма словно поглощает его отовсюду. Следом всплыла ассоциация с той тканью, которую разработали учёные. Мол, цвет настолько чёрный, что при солнце, вы будете, как уж на сковородке. Или как там было? Да чёрт его знает, это вообще Колька читал!

Что делать — то?

Начинаю ощупывать местность. Прошло совсем немного времени, прежде, чем я отыскал какую — то верёвку. Хотя тактильно она больше напоминала леску или прочную нить.

Взявшись за середину, (или конец?) слегка вздёргиваю. Нить натянулась, что позволило

увидеть, как она берёт начало по ту сторону.

Крепче уцепившись за находку, срываюсь с места.

Наконец, пространство мне поддавалось. Я мог бежать и приближался. И вот! Я тут! Прямо перед светом.

Глаза больно слепило, но я всё равно старался рассмотреть хоть что — нибудь.

— Это конец. — резюмировал я — Теперь точно. Вот и моё время пришло. Ну, что там говорят... — Да, Эдик, ты нынче многословен — Пока, Тёмушка (Я так темноту успел назвать) и удачи тебе. И мне удачи.

Шаг.

Меня слегка обжигает, но секунды спустя, чувствую тепло по всему телу. Улыбаюсь.

Ещё секунду спустя, тело начинает сильно жечь. Не понял.

Распахнув глаза, первое, что вижу, больничную лампу, неприветливо надо мной нависшую.

— Эдик! — я узнал голос. Это Маринка! Маринка, сестрёнка! Пытаюсь подняться, но быстро смекаю, что не могу. Тело «прибито» к больничной койке. Я, похоже, в гипсе. Шея не поворачивается.

Следом подбежала мама. Слеза выскользнула из моего глаза быстро и сильно обожгла всё лицо. Так, словно по месту, где прошлись крапивой, теперь бьют и чешут одновременно.

— Сынок! — раздалось в палате — Сыночек!

За ней и отец. Грозный взгляд молниеносно сменился на растерянный, он аккуратно навис надо мной:

— Слышишь нас? Моргни, если да.

Я подчинился.

По палате прошёлся ликующий крик.

Следом забежал Ваню и Колька:

— Эд! Мать твою, Эдуард Артемьевич, сукин сын! — Блондин быстро спохватился, когда отец на него бросил свой привычный строгий взгляд — То есть, ну... Да не важно! Эдик! Живой!

Я перевёл взгляд на рыжего. Тот, хлюпая носом, наконец подошёл к истерике.

«Ничего нового.» — пронеслось в голове. Я хотел было улыбнуться, но лицо не слушалось.

— Он всё понимает и слышит! Понимает и слышит! — кричала мама — Мой сын! Жив!

В палату забежал мужик в белом халате. Он быстро подошёл ко мне, и начал светить перед глазами своим фонариком.

— Удивительно! Да он в рубашке родился! — воскликнул док, и пожал руку отцу. Мужик, то и дело посматривал на экран аппарата, издававшего противный писк, и что — то быстро писал в своём блокноте — Поздравляю! У вашего сына абсолютно нормальные и стабильные показатели! У него ремиссия, критический этап пройден! Поздравляю!

Я не мог поверить своим ушам, слёзы катились по щекам. Хотелось орать. И плакать. Плакать больше.

— Братик! Братик! — кричала Маринка — Ну, что ты!

Колька, обратив внимание на мои мокрые зенки, разрыдался пуще прежнего и припал к постели.

— Я скучал! — орал он.

«И я, Колян, и я.»

— Братик! — Маринка тоже поддалась местному мейнстриму и поддержала рыжего в эмоциональном плане.

Следом мать, чуть погодя, отец, прижимающий супругу к груди, а потом и Ваню, державшийся до последнего.

Единственный, кого не хватало сейчас — Саня. Саня... И, как будто, кто — то ещё.

— Набери Сашке, пусть Машке передаст! — скомандовал Ванька. Рыжий быстро ретировался в коридор.

«Машка... Машка...» — я перебирал знакомые и совершенно далёкие буквы одновременно — «Машка...»

Брюнет аккуратно размешивал чай.

Он медленно пододвинул кружку хозяйке квартиры, сидящей в большом бежевом тюрбане из полотенца. Та робко отхлебнула напиток.

— Так, и кто ты такая? — наконец решился Александр — Демон, охотник за привидениями или просто ведьма?

Девушка улыбнулась и опустила глаза.

— Я удивлена, что ты не сказал, «просто сумасшедшая». — скромно подметила она.

— Это было в планах, но я решил не испытывать судьбу. — честно признался собеседник.

— Я, скорее, проводник.

Парень усмехнулся.

— Типа, электрический? Ну, ладно, а если серьёзно, зачем врёшь? — спокойно спросил он. Интонация напоминала доктора, что пытается не спровоцировать очередной приступ сумасшедшего.

Девушка напряглась.

— В смысле?

— Ну, врёшь. Зачем? — повторил знакомый.

— Я не...

Парень вытащил из кармана толстовки телефон и быстро его разблокировав, включил видео.

На экране показалась бьющаяся в истерике Машка, цепляющая одеяло то зубами, то руками. Тело извивалось в страшном припадке ещё минуты три, заставляя наблюдающую за собой, краснеть.

— Просто лихорадка — попыталась объяснить она. Парень замотал головой, прерывая оправдания. Ведьмочка робко продолжила смотреть.

Кадр начал приближаться к героине сцены. Нависнув прямо над ней, остановился.

Изображение дрожало, наверняка, как и руки снимавшего в тот момент.

— Твою мать... — шептал голос на видео.

На кровати, девица, что была только что розововолосой, начала в секунду превращаться в седовласую. Цвет по волосам сползал сам собой. Теперь, на взъерошенном одеяле, обессиленно и громко выдыхая, лежала седоволосая, в то же время юная, инопланетянка.

— Твою мать... — продублировала Машка.

Глава 15

— И это, типа, вся история? — Брюнет, в белой толстовке, поверх которой расположился стильный чёрный плащ, активно посасывал чупа — чупс — Ничё добавить не хочешь?

Манька с великим удовольствием облизывала рожок мороженого и, казалось, даже не замечала вопросов.

— Не, я не сомневаюсь, не подумай. — начал было Саня.

— Да, вся. — оторвавшись от рожка, прервала рассказчица — Так, всё и было. Меня нашли в лесу, как я там оказалась, не помню. Усыновили, и але оп, я вижу призраков и им помогаю.

Санёк, состроив одобрительную гримасу, медленно закивал:

— Круто, круто. Ты прям, как из сказки. Экстрасенсика, во.

Машка фыркнула:

— Ещё чего. Я не шарлатанка. Я помогаю, а не делаю вид.

Алекс улыбнулся. Голубые глаза сверкнули искренностью. От чего — то, ему хотелось верить этим сись... Ой. Этой личности.

— Ты здоровская. Извини, что наговорил всякого... Шок, все дела. — выкинув палку от леденца, объяснялся он — Всё бы ничего, но увидеть такое в один день, сама понимаешь.

— То, что ты не сбежал, для меня крайне удивительный поворот событий.

— Почему я должен был сбежать? — Сашка удивлённо приподнял брови — Так и бывает обычно?

Девушка знала, что происходит. Он входит в доверие, плевать. Пусть так.

— Так и бывает, и было, и будет. — призналась Маша. Рожок она теперь отстранила ото рта. Есть его перехотелось. — Я не первый год так живу и знаю, как ведут себя окружающие.

— А — а — а... — Санька снова кивнул — Ты, наверно, права.

Пара прошла ещё пару метров по тёмному переулку, но заметив детскую площадку, парень настойчиво потащил подругу, на качели.

Скинув рюкзак с плеч, шустро приземлился на скрипучую сидушку и начал потихоньку раскачиваться.

— Присоединишься?

Машка выгнула бровь. В таком освещении, (мерцающий фонарь, стоящий вдоль аллеи) он вряд ли заметил этот жест пренебрежения.

— Ну, почему нет... — вдруг выдыхает ведьмочка.

Поближе шагнув к качелям и, проверив на надёжность, девушка присела рядом с Сашкой.

По площадке раздался поочерёдный скрип советских конструкций.

— Одно из любимых занятий Эдика, кстати. — Саша и сам не понял, зачем сказал об этом.

Ведьма вздрогнула.

— Понятно. — тихо сказала она.

— Не понимаю, почему ты... Так реагируешь? Не вижу радости на лице. Твой парень ожил.

— Он вовсе не мой парень. — на одном дыхании выпалила Маня. Не сказать, что

причины такой искренности ей не знакома. Просто непривычно с таковой не совладать.

Повисла тишина. Скрип качелей стих. Вдалеке стал различим вой собак, полицейские сирены и чьи — то матершинные песни под гитару.

— То есть?

— То есть, мы встретились, когда он уже умер. Ну, или почти. Он не знал меня при жизни.

Сашка шумно выдохнул, с привычным дедовским: "Пу — пу — пу...".

Собеседнице даже показалось, что выдох был с долькой облегчения.

— Понятно. Ну, в смысле, ладно. Ну, то есть, круто. — затараторил юноша — Короче, я понял.

Седоволосая улыбнулась. Быть может, ей удалось разгадать причину такого поведения знакомого?

— А не хочешь поехать со мной на одно дело? Посмотреть, так сказать, чем я живу или теперь, когда ты узнал, что с Эдиком я не встречаюсь, я вам больше не нужна? — она знала, что это логичный вывод. Ведь, что их теперь связывает? Взаимный интерес? Это, конечно, вряд ли. Причина причиной, а Машка вообще не может никому понравиться. В глазах общества, она — фрик. Да и к тому же, с чего бы такому парню, как ОН, ехать с ней и разбираться с мертвяками. И всё — таки, ей было страшно предположить, что следующее дело, она будет проворачивать одна. Очень страшно. Юный детектив уже успела привыкнуть к тупым комментариям Эда.

— Смеёшься? Конечно, хочу! Только при условии, что жить буду с тобой! Ну, хоть недолго! Я просто с родаками поссорился...

Маша не верила своим ушам. Он согласился! Даже после правды, остался здесь! Рядом! Или это слишком быстрые выводы? Да плевать!

От чего — то, девушка зардела. Хорошо, что освещение слабое. Не хотелось бы, чтобы это кто — то заметил.

— Круто. А, да конечно, без проблем. — Маня старается держать себя в руках. Как — то противоречит сегодня её сознание языку — Угу.

Блин, а «угу» последнее зачем было? Вот, чёрт.

— Ты, это, Маш. Слушай. — деваха напрягается, но в сторону собеседника не поворачивается. Не хочется получить разочарование в лицо. Ведь, так обычно люди начинают говорить, что передумали? — Мы с ребятами проверить тебя пытались, ты не подумай. Извини за спектакль, что мы устроили. Просто хотели убедиться, что Эд в хороших руках был и будет. Мы, как семья друг другу, знаешь. Ну, короче... Я сейчас ни — ни! Правда! Я тут по своей воле. Не потому, что слежу. Мы уже всё. Закончили операцию «Б!». — он попытался держать интонацию ровной, но голос слегка дрожал, выдавая беспокойство.

Манька медленно повернулась к другу и улыбнулась, наверняка, самой блаженной улыбкой, что только можно было представить. Плевать! Она счастлива!

— Да знаю я. Думаешь, я пустила бы вас пожить у себя «так просто»? Мне нужно было, чтобы вы поняли, что опасности во мне нет.

— Зачем?

— Думала... Смогу оживить Эда и... — прерывается. И что Мань? Что ты там надумала? — Ну, встретиться с ним что ли. Пообщаться. С живыми! — распознав в своих словах намёк на что — то «эдакое», девушка быстро акцентировала внимание на другом —

Только так, ради эксперимента.

— А, понял. — было слышно, как парнишка слегка обмяк — Ну, если ради эксперимента. Устроим. — звук скрипучих качелей возобновился.

Повисла неловкая тишина.

— Я буду честен. Ты мне понравилась. — вдруг сказал Сашка — Я с такими заявлениями не жду, не гадаю. Ты сразу скажи, есть у меня шанс или нет? А остальное, побоку.

Поперхнулась. Рожок, который она почти доела, вдруг выпал из руки и шмякнулся оземь.

— Понравилась? — робко переспросила иная.

— Конечно. Ты себя видела? Как ты можешь не понравиться? — удивлённо вещал Саня — Милая, смышлёная. Ведьма, к тому же. Быть может, ты меня заколдовала? — он засмеялся, пытаясь разрядить момент.

Девушка сжала цепь, на которых держались качели. Непроизвольно, просто так. Он, Сашка, то есть, тоже Маше приглянулся. Но чтобы так быстро... Так... По волшебству, как будто.

Давным — давно, уже был претендент с таким же именем, в мужья. И тот опыт... Он стоял перед глазами.

— Я не боюсь. — донеслось сквозь воспоминания — Я не сбегу. Может быть, страшно, знаю. Но я тут.

Маня повернулась к собеседнику. Тот уже давно смотрел на неё.

Она быстро поднялась и направилась обратно к аллее.

— Маш? Маш! — Саня рванул следом.

Аккуратно схватив девушку за руку, брюнет уставился голубыми глазами на собеседницу.

Модельные черты лица красиво сочетались с наступившими сумерками. Лёгкая щетина добавляла какого — то неопишуемого шарма этому человеку. Мария глядела на него широко открытым взглядом.

— Я что — то не то сказал? — робко предположил он.

Внезапно на чёрные волосы парня плавно опустилась снежинка.

Маша поджала губы. Она не желала переводить тему, но страх... Испуг от перспективы навлечь беду.

— Первый снег. — отвлекаясь, она аккуратно подцепила ледяную фигурку, показывая её другу. Слегка мыкнув, ведьма сдула её на лицо собеседнику. Тот произвольно фыркнул и стал походить на маленького котёнка. Она сильнее улыбнулась. — Быть может, я и правда тебя заколдовала.

— Я на такое согласен. — тихо прошептал Алекс. Он легко притянул девушку к себе, приобнимая — Ради эксперимента, да?

— Ради эксперимента. — согласилась ведьма, утыкаясь в мужскую грудь.

Звуки вокруг потихоньку затихали, то ли от чувств, то ли от падавшего снега. Но им было всё равно. Они рядом. Они вместе.

Она больше не одна.

Шестой день Мария жила с Александром. Они ходили на свидания, познакомились ближе: он хвалил её смекалку, она восхищалась его юмором. Кажется, всё налаживалось в жизни юной ведьмы.

Сейчас они сидели в местной кофейне «Бэмбика — пучина» и с упоением рассказывали друг другу истории из жизни.

— А потом, мы с Славом гоняли местных собак по всему парку, — Машка хлюпнула, отпивая из стаканчика. Сегодня у девушки в меню «Карамельный раф», который уместно испачкал верхнюю губу в белой пенке.

Саша улыбнулся и, слегка смутившись, всё же вытер пятнышко на лице подруги. Та покраснела.

— Спасибо...

Парень молча улыбался.

Внезапно телефоны, лежавшие на краю стола, одновременно завибрировали. Пара вздрогнула.

У Александра на экране высветилось «Сиськи 3», а у Машки «Слав». Оба не заметили имена контактов, но неловко пожав плечами, разошлись по разным сторонам для разговора.

— Не помню, чтобы у тебя был телефон, брат. — яростно шептала ведьма — Чего тебе? У меня тут...

— Свидание, Мара?! Серьёзно?! Нашла время! — вдруг перебил Слав.

Седоволосая вытянулась по струнке. Аккуратно выглянув из окна, она заметила неподалёку припаркованного мотоцикл брата, и теперь яростно на неё всматривающегося. Он, хлопнув «Нокиевской» раскладушкой, уверенным шагом направился к сестре. Та, к слову, тут же пискнула и вильнула в дамскую комнату.

Завидев своё отражение, Мария слегка пошатнулась. Она совсем забыла, как её волосы окрасились в седой оттенок, что непременно выдавало её среди людей. Как минимум, по договорённости с тем самым «бомондом», она должна была быть «хоть алой», только не седой. В те времена это было разрешение пуще заявления на престол.

Девушка громко выдохнула и прикусила губу.

Она ловким движением взъерошила причёску, подвергая опасности всю укладку. Теперь цвет волос начал переливаться и сменился снова на розовый. Ведьма заколола пучок заколкой и обернулась к кабинкам. На неё удивлённо таращились подростки лет четырнадцати.

— Э... Шампунь такой волшебный оказался! С поздним оттеночным эффектом, во! — волшебница выставила большой палец и ретировалась обратно в гостевой зал. Там её уже поджидал блондин в косухе и брюнет, зажатый у него подмышкой.

Слав недовольно осмотрел сестру.

— Машина есть? — кивнул он Сашке. Тот активно подтвердил наличие колёс — Отлично. Подбросишь нас с Марией до дома. А сам, — он сильнее зажал шею — домой, карасиком, понятно объясняю?

Алекс бросил на розововолосую вопросительно — растерянный взгляд, но почувствовав, что шея снова подверглась «прессу», быстро выпалил согласие.

Спустя полчаса, синий мерседес уже газовал возле Машкиного дома, удаляясь в закат.

Мара и Слав остались стоять возле подъезда.

— Я даже слушать не собираюсь про твои оправдания. — наконец выговорил брат —

Что ты творишь? Снова за старое?! Оживить мёртвого?! Мы договаривались!

Манька стыдливо шурилась, выдавая признание вины.

— Что ты делаешь, Мара? Что ты делаешь, мать вашу?!

— Мать твою.

— Что?

— Правильно будет, «Мать твою». — поправила ведьма.

Борислав, видно, не выдержав подобной дерзости, схватил (стоит заметить аккуратно) сестру за ухо и потащил в подъезд. Спустя пару минут, семейка уже болталась по кухне.

— Чем ты думала? — юноша, швырнул на дверь косуху, после чего, поставил чайник на плиту. Та зажглась сама собой — Что хотела? Какой результат ты ожидала, а, королевна? Что за игру затеяла в очередной раз?!

Машка сидела молча, не решаясь вставить слово.

— Говори, Мара. Я слушаю.

— Ну, наконец! — вскинув руки к небу, воскликнула хозяйка квартиры — Ты дал мне право голоса, ура!

Блондин свирепо глянул на сестру, а та не обратила никакого внимания на подобный финт.

— Ты же знаешь, что он не был мёртв! Знаешь же! Ведь с тобой мы это выяснили! Чего смотришь на меня, словно я открыла Америку?!

— Да потому что, это были пустые доводы! Пустое предположение, которое ты приняла за чистую монету! Какого чёрта ты показала его живому?! Какого чёрта открыла ему вход в Явь?!

Машка замерла.

— Почём знаешь, что я открыла ему вход? — медленно спросила она — Откуда такие мысли?

Слав стащил закипающий чайник с плиты и залил кипятком мяту. Аромат прошёлся по всей комнате. Он присел за стол, напротив бунтарки.

— Твоя тётка тоже в курсе. Весь пантеон на ушах стоит из — за твоей выходки. Все силы бросили, чтоб тебя найти. — он, не притронувшись к напитку, оставил кружку на край стола — Ты не поняла, что натворила? Ты сделала ровно то, что я просил тебя не делать! Ровно наоборот!

Розововолосая притянула кружку к себе.

— Ты, Марена, совершенно не понимаешь о чём идёт речь! На весах уже не жизни этих смертных, а твоя, идиотка! Ты должна была слиться с Мораной Старшей, когда? Через триста лет? Срок уже подходит!

— Я не думала...

— Ты никогда не думаешь! Никогда! Знаешь к кому они первому пошли?

Машка подняла глаза на брата.

— Именно, дорогая! Ко мне! — он отвернулся, пытаясь сдержать эмоции — Я не сказал, где ты. Дал ложный след на Францию. Там, вроде, ты была в свои шестнадцать?

Мария кивнула.

— Чёрт... Всё как — то паршиво. — заключила ведьма. Она понимала, что подобная реакция только спровоцирует брата на новую истерику. Но пока искренне не в силах была

выдать иную. Как? У неё появился молодой человек. Какие тут страхи, последствия? Всё это фальш, блеф. Никому не подвластно её вытащить из этого розового замка сейчас.

Борислав перевёл на сестру искромётный взгляд.

— Лучше молчи. Ты о последствиях знаешь?

— Каких именно?

Слав завыл, зарываясь головой в колени.

Он быстро пришёл в себя и строго уставился на ведьму.

— Если Богиня Старшая, Богине Младшей противится, то Старшая исчезает. Стирается и Младшая автоматом становится единственной, и потом уже, ждёт ещё пять тысяч лет появления Новой Младшей, для слияния и передачи опыта. То же самое, пустая башка, происходит и наоборот! Если Младшая противится...

— Старшая вправе её убрать за непригодностью, освобождая место для новой Младшей, так как, исчезнуть преемница просто так не может. Кара палача переходит на неё от рук самого родного и близкого существа — Старшей. — всматриваясь в одну точку, продолжила Маня. Девушка была словно под гипнозом — Но я не непригодна! Я не противлюсь! Я только говорю, что её методы правления — полный бред!

— Сестрёнка, душа моя! Это и есть «противиться»!

Ведьма замолчала, пытаясь переварить информацию.

— Она убьёт меня? — тихо предположила Маша. Ощущения теперь только — только доходили до головы, мысли играли друг дружкой в тетрис, привнося всё новые подробности расправы, а воображение и вовсе, выкидывая образ счастливой молодой пары, ловко заменяла его мёртвой розововолосой — Убьёт и я исчезну?

Слав закусил губу и обиженно уставился на собеседницу:

— Наверняка, она уже ищет тебя, Мара. — таким же тихим голосом, подтвердил парень — Но первым делом, она будет пытаться исправить твою ошибку.

— Мою ошибку?

— Твоего смертного ублюдка, из — за которого всё идёт не так.

— Эд. — в комнате возникла удушающая тишина — Она убьёт Эда. — голос ведьмы дрогнул.

Вот уже третий день я находился под пристальным вниманием всей семьи. Признаться честно, я сильно отвык от такого повального интереса, но предполагаю, что он вполне оправдан. Я ведь овощ сейчас... Или фрукт, как угодно. Мама зовёт меня «Ромашкой». Видимо, я могу быть даже цветком.

Лицо не переставало радовать меня своей целеустремлённостью улыбнуться даже, будучи забинтованным. Не знал, что мышцы могут быть такими упрямыми.

Маринка вздрогнула, заметив движение мышц на моей физиономии. Точнее сказать, глаз. Она снова шикнула, напоминая о моём положении. Я подчинился и попытался придать своим зенкам нейтральный вид. Вся моя голова, как, впрочем, и тело, были умотаны по самое «не хочу». Я был полностью обездвижен и забинтован.

Улыбаться было действительно трудно, но не невозможно. Я не видел сестру два месяца и уже смирился с тем, что не смогу увидеть вновь. Наверно, поэтому каждый раз, когда она рассказывала мне о своих новых знакомствах с юными альфонсами (Извини, читатель, но отношение у меня к ним пока такое), я только и мог, что «улыбаться».

Только сейчас, к слову, я заметил, какой красивый голос у мамы, какой мелодичный у

сестры и бархатный у отца. Даже, когда он сердится. Удивительные люди. Их разговоры стали для меня отрадой. Стыдно и вспоминать, как я бесился после универа, на их обыденные вопросы. Так стыдно...

— Санька с Машкой скоро подъедут. — оповестил влетающий Ваню.

— Машка, значит... — загадочно протянула Марина — Девушка твоя, получается?

Я и хотел бы сказать, что понятия не имею о ком идёт речь, но рот у меня был намертво залеплен бинтами, да и справедливости ради, вряд ли бы получилось, даже если б он был свободен.

Сестрёнка отреагировала на моё бездействие еле видимым страхом. Подозвав маму к себе, она шепнула, что я «и знать — не знаю» кто такая Мария. Мама предсказуемо отмахнулась от младшей детины и пошла дальше расспрашивать у Ваньки, сколько они всё — таки должны за лечение его дяде.

«Машка... Машка...» — крутилось в голове — «Кто же ты такая, Машка?»

После обеденного сна, меня громким криком: «СЮРПРИЗ — 3 — 3», разбудил Колян. Не сказать, что мой испуг можно было отследить, но Маринка и тут преуспела, и ярость четырнадцатилетнего подростка обрушилась на бедного рыжего. Тот, понурый, пошёл открывать дверь.

Я снова «улыбался», глядя на сестрёнку. Боевая девочка, моя милая принцесса.

В палату вошли двое. Первого я узнал сразу. Брюнет, в своём моднявом плаще, под руку вёл какую — то седовласую девчонку. Та, мило улыбаясь, здоровалась со всеми присутствующими. Странно, но цвет её волос выглядел настолько ей неподходящим, что аж вызывал какое — то неприятную чувство. Будто, чужого человека. Хотя, она и так человек чужой...

Я оценил её худощавую, подтянутую фигуру, что была красиво подчёркнута чёрным бархатным платьем, поверх которого небрежно расположился кардиган. Видно, Санёк своего не упустил в машине. Вот, паразит похотливый. Никогда не изменится.

А девчонка — то и правда красивая.

Серые глаза «наощупь» отыскивали меня в комнате. Я заметил, как они дрогнули и предполагаемая мною радость (ставшая привычной от пребывания семьи со мной), которая должна была появиться, вдруг сменилась раздражительностью и брезгливостью. Машка отвела взгляд и что — то шепнула брюнету.

Тот, спохватившись, начал вещать про какие — то подарки для меня и Маринки и, позвав всех за собой, почти было, увёл находящихся. Однако, мама совсем не хотела оставлять меня наедине с незнакомым человеком. Она начала настойчиво убеждать Алекса, что подарки она и потом может посмотреть, а тот, будто расстроившись (но стоит заметить, читатель, как — то совсем наигранно), ответил о весе презента и что смогут они его принести ТОЛЬКО с помощью моей мамы. Та разозлилась, но отец что — то шепнул ей на ухо, и вся компания шумно удалилась из палаты.

Я остался наедине с незнакомкой. Девушка брезгливо сбросила с себя бежевый пушистый кардиган и уселась на край больничной койки. Она элегантно закинула ногу на ногу и перекинула руку через моё обездвиженное тело, принимая вальяжную позу. Причины таких действий, хоть убейте, я не видел. Что она себе позволяет, эта незнакомка? Опять Санёк со своими пассиями совладать не может?

— Саня, Саня, Саня... — медленно проговорила она — Как же ты смог, падла, Мару — то найти? И переродится сумел? Ну, это, положим, помощь моей приемницы, а вот отыскать

её... Да ещё и будучи мертвяком... Сказка какая — то, честное слово.

Я ничего не понимал. Какой Саня? Мои глаза растеряно бегали по девушке. Она перепутала? Сашка ведь с ней пришёл, что ей надо? Сумасшедшая? Да не притащил бы Санёк ко мне сумасшедшую!

— Да, не говори, не притащил бы. — вдруг отозвалась незнакомка. Одна лямка её платья съехала, оголяя бледные плечи. Я поморщился.

— Не нравится? А раньше ты был в восторге. — с удивлением заметила деваха — Ну ладно, будет игр. Давай приступим к делу.

Ловко кувыркнувшись через меня, гимнастка уселась сверху. Знаменитая поза наездницы отдавала теперь смрадным запахом изнасилования. Что она творит?

Я замычал, пытаюсь привлечь внимание к своему несогласию. Седоволосая улыбнулась и изогнулась, нависая надо мной:

— Не поверю, что ты изменился, Са — шень — ка. — она провела указательным пальцем по одеялу, от груди до паха. Я испуганно смотрел на неё. Точно, сумасшедшая!

— Точно — точно. — подтвердила она. Только сейчас я понял, что прошлый ответ — это не совпадение. Она читает мысли.

Я почти достиг пика своего страха, как в палату вбежала Маринка. Сестра, широко распахнув глаза, рванула к моей кровати.

— Стерва! — выкрикнула младшенькая, сталкивая седоволосую. Та слетела на пол, слегка пошатнувшись. — Ты что творишь?!

«Ведьма!» — пронеслось в голове.

Незнакомка уставилась точно на меня. Она усмехнулась и, сделав реверанс, вскочила на подоконник. Распахнув окно на улицу, девушка вдохнула свежий морозный воздух. По ту сторону бушевала первая метель. Она развернулась к нам с Маринкой и бросив: «До встречи», наклонилась и выпала из окна.

Марина, закричав, бросилась к подоконнику. Почти перемахнув через него, девчонка остановилась и «впала» обратно в палату. Я вопросительно смотрел на неё.

— Там никого нет, Эд. — дрожащим голосом, оповестила она — Никого.

Я облегчённо выдохнул. Не хватало ещё впечатлительному подростку увидеть распластавшийся на асфальте труп. Но как же там никого нет?...

Следом в палату вбежали и остальные: Коля, Ваня, мама и папа. Не было только Сани.

Колька с Ванькой с кем — то переговаривались по телефону, переходя то на личности, то на мат:

— Какого ты говоришь?! В смысле, ты дома, мать твою?! Ты только что передо мной стоял! А шваль твоя! Чё ты её сюда притащил, говорил же, не говори ведьме этой! Сука, договорились же, Лурозный, падла! — Иван аж раскраснелся от ярости. Мой отец его постучал по плечу, и они вместе вышли в коридор.

— Что тут произошло?! — кричала мама.

Маринка закрыла меня своим телом, не давая увидеть растерянное и испуганное лицо женщины.

Моя девочки... Сколько боли я им принёс.

Сашка, как по волшебству, вдавил газ в пол, удаляясь от своей новой пассии. Он совсем не хотел этого делать, нога сама выжимала педаль. Лишь на половину управляя своим мерсом, он добрался до дома. Стянув ремень безопасности, который даже из замка не вытаскивался, приковывая водителя к сиденью, парень рванул к своему подъезду.

— Сука! Что за?! — в кармане завибрировал телефон, заставляя отвлечься от проклятий в сторону своей машины. Алекс провёл по сенсору, отвечая на звонок. Спустя секунды на весь двор раздалось громкое: «Да хрен там плавал!»

Позднее выяснится, что приключившаяся чертовщина в больнице у Эда и в машине у Сашки, случится аккуратно одновременно. Вроде даже, как бы, секунда в секунду. И, так как, из новых знакомых у компании была только Машка, встретившись, они направились именно к ней.

Буквально, час разброса от событий, но парни уже были готовы к тому, что ведьма сбежит куда подальше. Санька был первым, кто направил на неё подозрения. Как не удивительно, промолчав о факте их зарождающихся отношений.

— Эта тварь меня заколдовала! — выкрикивал он, тарабаня по рулю — Эта мерзкая сука меня заколдовала! Да она прям так и сказала, Вань, я те Богом клянусь! Говорит: «А может и правда, я тебя заколдовала!» Ну, ты прикинь! Зря костры инквизиции отменили, ох, зря!

Алекс не был плохим человеком, скорее, он был человеком трусливым и сильно оберегающим свою репутацию в шайке. В своё время, она далась ему парой выбитых молочных зубов. Не то, чтобы у него была детская травма, ну, может и была. В общем, читатель, в сочетании с таким набором обстоятельств, наш Александр и вовсе поплыл, опасаясь, что его могут легко «зачистить» из столь дражайшей компании.

— Да заглохни уже, растархтелся. — прервал с заднего сиденья Колька.

Думаю, в избежание запутанного сознания моего читателя, так же, нужно сделать отступление. Это правда, что Николай был одним из самых светлых людей, что случилось видеть городу, в котором всё действие и происходит. Однако, когда дела приобретали опасный оборот, что мог затронуть всех и каждого в компании (а в особенности, Эдика), Колька превращался в мрачную свою версию, заставляя остальных осознавать серьёзность происходящего.

Алекс послушно замолчал, сбавляя темп езды. До этого, сам того не замечая, гнал двести километров в час. Благо, суббота, все разъехались по дачам. Дорога пустая.

— Что делать будем? — всматриваясь в даль, поинтересовался Ваня. Пружинистый ободок он снял и теперь его локоны бесхозно болтались до плеч, закрывая глаза.

— Я думаю, грохнуть её надо! — выпалил Сашка, чем быстро заслужил подзатыльник от двух друзей сразу. Один за одним. Смекнув, что спрашивали вовсе не его, брнет предусмотрительно прикусил язык и на будущие вопросы тоже.

— Странно это, Вань. — поделился Коля — Алекс говорит, что он домой ехал. Но мы — то, оба видели его перед собой. Машке я тоже набрал, та тоже дома. Кстати, — Рыжий поднял взгляд в зеркало заднего вида, чтобы видеть глаза друга — А когда наша сказочница успела сменить имидж?

Сашка вопросительно уставился на товарища:

— Ну, волосы покрасить. Заявилась седая, в откровенном амплуа, с тобой под ручку. Мы ещё удивились.

Брюнет еле заметно вильнул по дороге. Ванька, заметив перемены в настроении лучшего друга, зачесал волосы назад. Это был невербальный знак, что скрыть что — либо, у местного альфонса не получилось.

— Я... Блин. — Сашка начал съезжать на обочину.

Остановившись на краю дороги, парни дружно уставились в демонстрируемое видео друга. Там целиком и полностью можно было увидеть перевоплощение розововолосой в седую. Придавшись коллективному удивлению, юноши вместе выползли покурить. (Курение, кстати, не круто, читатель. Сигареты пахнут гадко, я считаю. *Прим.: автор*)

— Это что же получается, — начал Ваня — и правда по нашей Маше костёр инквизиции плачет?

— Ну, типа того. — вдыхая сигаретный дым, согласился Санёк. Совесть начинала проедать плешь после каждого предложения.

Коля до сих пор молчал.

— Николая, ничего сказать не соизволите?

Рыжий затушил сигарету:

— Алекс, возвращаешься к Машке и ненавязчиво узнаёшь, что за чертовщина это была.

Сашка, видно, хотел заикнуться, но Ваня его быстро унял пинком под ребро.

— Держишь с нами связь. Срок: три дня. Всегда на связи. Всегда.

Ваня кивнул.

— Предугадывая ваши вопросы в будущем, отвечаю: мы не знаем с кем или чем имеем дело. Надо это понять, а так как, подсадная крыса у нас Сашка, отходить от прежнего курса будет чревато потерянными временем и информацией. Всё понятно?

Товарищи кивнули.

— В машину и к Маше.

Сорок минут езды и синий мерседес уже паркуется возле облупившегося бордюра знакомого двора. Брюнет нервно сплывает, примечая из окон первого этажа (где ему посчастливилось переночевать пару дней), движущиеся силуэты. Внезапно занавеска отодвинулась и на Сашку зыркнул тот самый блондин, что заломал его в кафе. Бедняга вздрогнул и нечаянно газанул, задевая подвеской многострадальный бордюр. Парни в машине, одновременно выкрикнув, снова раздали товарищу подзатыльников.

— Ну, ты чё, околдованный? Чё с тобой? — причёсывая волосы, спросил Ванька — Иди воздухом подыши, мать божья. Нашёл момент ссаться.

— Да это... Я вам, типа, не всё рассказал. — пожимая плечами, признался брюнет.

Рыжий вопросительно уставился на друга:

— У тебя всё ещё есть шанс не отхватить за молчанку. — предугадывая настроение Коли, оповестил лидер.

— Кажись, у неё брательник есть, тоже... — Саня покрутил пальцем у виска — С придурью. Того.

По крыше машины кто — то настойчиво постучал. Ваня от неожиданности подпрыгнул, но не теряя дисциплины, быстро открыл дверь машины. Теперь на улице стояло уже два блондина: один с волосами жёлтого отлива, второй с волосами белыми, как снег. У одного был прикид закадычного байкера, а у второго тренера по йоге. Кожаная косуха заставила Ваню насторожиться:

— Чем обязаны?

Платиновый усмехнулся:

— А мы вас заждались. — до ужаса искренне, ответил незнакомец — Бориславом матушка кличет, брат Мар... Машки я. А ты, поди, Ванюша. Ты — он ловко просунул голову в салон, отпихивая лидера — Колька. А ты... Ты говна кусок, Са — ня. — высматривая водителя исподлобья, вдруг «врезал» Слав.

— Эх, не хрена се! — вытаскивая платинового за шиворот, выкрикнул Ванёк — Только я его так звать могу!

Слав поднял руки к плечам, выказывая нежелание к конфликтам. Лицо его издевательски вытянулось.

— Как там у вас говорится? Милости прошу, к нашему шалашу! — байкер изобразил поклон в лучших традициях дворецких.

Оставшаяся компания к тому моменту, высыпалась на улицу. Брюнет щёлкнул кнопкой на ключах и автомобиль пискнул, оповещая о блокировке дверей.

Вся шайка молча двинулась в квартиру. Взгляды троицы были прикованы к колдуну.

Такое прозвище ему успел дать Ваню, шёпотом командуя идти следом.

При входе в квартиру, Саня замялся и весьма неожиданно для товарищей, но вполне ожидаемо для Слава, попросил того о разрешении переговорить с Манькой, прежде, чем войти. Тот лукаво зыркнув на смущённого брюнета, позвал сестру.

Ваня и Коля отшатнулись от подруги, как от огня, пропуская в подъезд. Дверь в квартиру шумно хлопнула. То ли из — за сквозняка, то ли из — за неприязни Слава к подобным перешёптываниям.

Алекс долго не решался выдать и звука. Маня, сунув руки в карманы жёлтой толстовки, всё ещё ждала первого шага от юноши.

— Я им не сказал. — признался он — Я не сказал про нас и...

— Думаешь, что это всё было ошибкой? — уставившись в пол, выдала Маня.

Саша поднял на неё растерянный взгляд. Он закусил губу, прежде, чем ответить, но ей хватило паузы для выводов в голове. Девушка молча двинулась к двери.

Александр резко схватил подругу за запястье:

— Я не думаю, что всё это было ошибкой. Это вообще бред. Просто думаю, что ты для меня слишком...

Маша взгляда не поднимала.

— Слишком непонятная. Но я хотел бы понять, Марусь. Очень — очень. — разворачивая к себе женское тело, выдал Алекс. Он чувствовал себя весьма странно. Вроде, слова, что он говорил, для него были правдивы, но в то же время, он ощущал, как полностью себе противоречит.

Серые глаза робко взглянули в голубые, выдавая доверчивость.

Аккуратно взяв ведьму за руку, Саша улыбнулся:

— Пойдём? Откроем секрет этим дармоедам?

Розововолосая широко улыбнулась, пытаясь спрятать слёзы за счастливым взглядом.

Медленно «проникнув» в квартиру, пара наткнулась на трёх парней. У всех троих руки скрещены на груди. Атмосфера, прямо сказать, тяжёлая.

— Ну! Что я вам говорил? А вы «Сотку — сотку», надо был косарь ставить, касатики! — Коля и Ваня, не сводя обиженных взглядов с товарища, вытащили из задних карманов джинс по купюре, и вверили их в вытянутые ладони Слава.

— Сука. — прошипел Ваню. Только успел он это сказать, как Коля ринулся на бронека. Тот, отпихнув Машку к двери, принял толчок на себя.

— Падла, Лурозный! — выкрикивал Рыжий — Я убью тебя! Я убью тебя! — проносилось по подъезду.

Спустя минут пять выкриков в сторону пары и Алекса, как такового, Коля успокоился. Он был удерживаем Ваней, так что, выбора особо у него не было.

Компания, пихаясь, шумно вздыхая, и всё — таки молча, прошла на кухню.

Саша и Мария зашли последние. Оба красные, как помидоры и стыдливо опустившие головы.

— Ты знал, Ваню? — всматриваясь исподлобья на всех собравшихся, допытывал Николая — Знал?

— Ну, знал. — честно признался товарищ — Ну, и что?

— «Ну, и что»?! — выкрикнул рыжий. Комнату разразил громкий удар по деревянной поверхности.

Слав, до сих пор, спокойно нарезавший колбасу на бутерброды, теперь воткнул нож в разделочную доску.

— Так, пожалуй, вам стоит всем переговорить в зале. А я тут закусками займусь.

— Брат, я... — начала Маша, но заметив игнор, повиновалась указу старшего.

Рассевшись по разным углам кровати, юноши только цокали и закатывали глаза, не решаясь произнести слова. Каждый, вероятно, сдерживал массу эмоций.

Только писк от ноутбука, что почему — то настырно о себе напоминал, разряжал обстановку.

— Ладно! — Мария хлопнула в ладоши — Всё!

Все уставились на неё.

— Я ведьма, да! Да, информация трудная для восприятия, но прошу поверить: я вижу призраков и им помогаю по некоторым обстоятельствам! Да! Ну и что, что мне теперь жизнь на это положить?! — внезапно девушка перевела на себя все стрелки — Ну, скажите, разве так справедливо?

Парни замотали головами, в знак согласия с несправедливым раскладом судьбы.

— Вот и я говорю! Я ж с Эдиком познакомилась, когда тот помер! Ну, или почти! — она перевела взгляд на Колю, который хотел уже возразить утверждению подруги — Да, мы с ним знакомы, но в жизни после смерти! И мы не встречались, это он придумал, чтобы вас не напугать! А как мне, по — вашему, Персика кормить надо было? Вы бы поверили, если бы я вам тогда это всё рассказала? «Дороу, пацаны! Я тут, это, призрачной пылью балуюсь, за котами прибираюсь у трупикиков! Такое дело, да... Ну чё, на чаёк?» — спародировала девушка, опуская голос.

Юноши усмехнулись.

— Ну, да... Фигня какая — то. — заключил Ваню — Ладно, справедливо. А зачем на ночёвки нас оставляла? Нравится, когда мальчишки рядом? Извращенка что ль?

— А чё, когда мальчишки рядом — это извращение? — съязвила розововолосая, Ванька усмехнулся — Хотела хоть немного... Почувствовать себя не одной. — почти шёпотом, призналась девушка — Я по жизни одиночка. Слав редко заходит. Обычно, я говорю с мёртвыми бабками и дедами. — ведьма проследила реакцию ребят на сказанное. Все сидели, как вкопанные — Так себе, собеседники. Что ни разговор, так про Сталина. А когда я про Горшка с одной заикнулась, так та вообще, принялась за сердце хвататься и причитать!

Пофигу ей, что поздно уже... Манипуляторша фигова. Короче, такое себе удовольствие, други. Когда Эд появился, я была уверена, что он очередной странствующий дух. Доброделов попросил за него, ну, так и началась история совместная. Было круто. Он был прямо, как живой. А потом и вовсе выяснилось, что он живой.

Коля прочистил горло:

— Доброделов? Мэр наш?

— Ну, окей. А как объясните, что вы оба стояли перед нами ещё полтора часа назад, а сейчас и знать про это не знаете? — не отставал Ваня.

— Я думаю, сейчас вопросов достаточно. — подскочил Сашка. Сжав руку подруги, парень умоляюще уставился на друзей. Те почти согласились, как в комнату «заплыл» Слав, с подносами по двум рукам, не уступая профессиональному официанту.

— Нет, мой друг. Вопросов не может быть достаточно. Их всегда мало. — платиновый начал выкладывать на стол по тарелке. На блюдах были сервированы бутерброды, фрукты и помидоры с огурцами. По краешкам красиво расположился виноград. — Итак, приступим к обсуждению, господа! Задавайте вопросы, Маша на все ответит! — всовывая бутерброд в рот сестры, заявил Слав.

— При всём уважении, но кажется Маша сейчас не совсем в состоянии. — разглядывая покрасневшую подругу, подметил Коля — Лучше ты ответь, такое ощущение, что ты прям в курсе.

Борислав деловито закивал:

— Верно. — прожёвывая виноград, подтвердил он — Ну, тогда спросите у меня, коль не шутите.

И залп вопросов направился на бедного колдуна, стоило ему досказать последний слог последнего слова в последнем предложении.

К удивлению Маши, он вовсе не растерялся, а спокойно выслушивал каждую «загадку» и спокойно её развенчивал.

— Так, получается, у нашей ведьмы есть сестра — близнец? — с распахнутыми глазами, уточнял Колька — Фига се! Ну и семейка у вас, понятно, чё нашей — то Маньке, тепла не хватает. А та, тоже ведьмоватая?

Слав кивнул, засовывая в рот последний бутер.

— Ё — моё... — протянул Ваня — А от нашего Эда ей чё надо?

— А она, такая у нас. — Видно было, что платиновый подбирал слово, ёрзая языком по ротовой полости — Закомплексованная, во. Соревнуется с нашей Маньюшкой за первенство. Вот и про Эда узнала, теперь говорит: «Убью его! Чтоб Маньке не повадно было!», о, как. Зуб у неё на знакомства сестринские.

Мара стояла и восхищалась. Слав — всё же искусный сказочник. Так завернуть!

— Получается, Эд в опасности?! — выкрикнул Коля — Погнали к нему!

— Да хорош. Ваш дружок ей сейчас не особо интересен. Она так, его проведать заходила. — девушка напряглась. А ведь и правда, Эд сейчас ни живой — ни мёртвый. Зачем Старшая к нему являлась? — Вот, как только очнётся. Как только, от аппарата его отключат, тогда жди беды. Пока расслабьте булки. Что там по лечцовым прогнозам?

— По чьим? — Рыжий аж поддался вперёд, чтобы расслышать лучше.

— Как их там? — Слав начал щёлкать пальцами, перебирая слова в голове — Манют, ну как их там? — он с надеждой уставился на сестру.

— По прогнозам докторов. — подсказала Маша. Она с трудом прожёвывала бутерброд

без чая.

— Ещё месяца три так проваляется, как минимум. — ответил Ванёк.

— Во, а я о чём. — заверил Борислав — Расслабьтесь. Давайте лучше план думайте, как друга выручать.

— А ты? — удивилась Маша — Уходишь?

Платиновый украдкой взглянул на сестру:

— Ухожу! — заявил он, улыбаясь. При чём, заявил только Ване и Коле. К паре он не поворачивался. — Кстати, вы правильно сказали. Я тот ещё колдун. — за окном пронёсся раскат грома — Но уйду, пожалуй, пешком. Мотоцикл возле «Бэмбика» оставил, забрать бы.

Он, пожав руки ребятам, удалился. Дверь с грохотом захлопнулась, заставляя всех зажмуриться.

— Пу — пу — пу... — медленно протянул Коля. Парень поднялся и спокойно начал рассматривать плакаты на стене.

Ваня, отслеживая телодвижения друга боковым зрением, попутно пытался рассмотреть получше союз Сани и Мани.

— И как давно? — не отрываясь от плаката «Шутов», поинтересовался Николая.

— Давно, что? — Санёк встал перед девушкой, опасаясь нового «броска» со стороны друга.

— Не кушай мозг, Александр Батькович. Шуры — муры ваши.

— Понятия не имею. — почти прошипел Саша. Отвечать на такие наглые вопросы вовсе не хотелось

Ваня, до сих пор полностью бездействовавший, поднялся. Он спокойно подошёл к брюнету и взял того за ухо. Потом, в компании «задержанного», схватил и рыжего. Машка улыбнулась, невольно провела параллель с привычками собственного брата.

— А теперь, громко, так, чтоб Фея наша услышала, господа! На раз — два — три! Извиняемся перед ней и перед друг другом! — скомандовал лидер — Раз — два — три!

В комнате повисло молчание.

Вано, не сильно любивший, когда его игнорируют (хотя, кому это, впрочем, нравится), с силой потянул друзей за уши. Парни столкнулись лбами.

— Я ещё раз повторяю, бараньи лбы. На раз — два — три, просим прощения у Мани, а потом друг у друга. Я. Понятно. Объясняю? — пародируя интонацию Добрыню Никитича настаивал Иван — Попытка номер два. Марьюшка, пардоньте — с задержку. Раз — два — три!

Молчание в комнате осталось непоколебимым.

Иван широко развёл руки и с силой свёл их обратно. Друзья не только столкнулись друг с другом, но и обзавелись красным пятном на весь лоб. Блондин отпустил уши.

— Я предупреждаю. Это будет последняя попытка. Условия ясны. На кону, твой трезубец, Колян. — Ванька спокойно осмотрел натирающего лоб друга — И твоя пloyка. — он перевёл взгляд на второго — По счастливой случайности, ребята отдали мне эти вещи на сохранение. У одного случился дома потоп, а второго, попросту, лишили дома. — Разворачиваясь к ведьме, пояснил лидер. Та с восхищением осматривала сцену.

— Раз.

Коля поднял взгляд на Сашку.

— Два.

Брюнет, из — под руки, выглянул на рыжего.

— Три.

— Маша, прости нас! Колька, прости меня!

— Маша, прости нас! Санчелло, прости меня!

Одновременно выкрикнули товарищи.

Иван с гордостью посмотрел на компанию потерпевших.

— Всегда работает. Кстати, Маш. Такой вот у меня довод возник, подтверди или опровергни. Познакомились вы с Эдиком «после», значит, вернувшись в состоянии «до», он тебя не помнит?

Девушка поджала губы и кивнула.

— Ты не подумай, я не сам додумался. — Блондин пожал плечами — Просто наш Эдик, увидев тебя, точнее, сеструху твою, как — то не совсем радостно отреагировал. Точнее сказать, не отреагировал вообще. Будто и не знакомы вовсе.

Ведьма медленно кивнула. По инерции приобняла себя за плечи. Славушка говорил, что обнимать себя — залог здоровой жизни. А вот остальных обнимать — это так, как придётся.

Но ладно... Объятия — это пол дела.

Эд.

Он не узнал её. Ну, почти её. Впрочем, конечно. Чего она ожидала. Такие правила. Правила...

Кто они такие, чтобы их нарушать?

— Досадно. — высказался Ваня — Помогаешь — помогаешь, а отдачи, наверняка, кот наплакал.

Маша оживилась:

— Кстати, не скажи. — вдруг выговорила она — Я тут недавно, Сашку на дело приглашала. Не то, чтобы я одна бы не справилась. В общем, не суть. Может, вы хотели бы присоединиться? Там не сложно: поддержать светскую беседу, поюлить перед напыщенными индюками из высшего общества. Ну... Вкусно похавать. — добавила в конце ведьма, видимо, не ожидая, что прошлые доводы убедят парней.

— Да мы бы и так согласились. — отрешенно проговорил Коля — Но наличие еды тоже зачёт! — приобретая свою прежнюю лёгкость, согласился рыжий.

— Не бойтесь, с грязной работой я и сама справлюсь.

— Да мы не боимся. — Ванька снова пожал плечами.

— МЫ справимся с грязной работой. — поправил Саша. Брюнет, обогнув друзей, снова вернулся к подруге — Ты не забывай, одна упряжка, все дела.

Маша улыбнулась.

Впервые, за время исчезновения Эдика, она не чувствовала себя в чём — либо виноватой. Впервые, за всё время своего существования, она не чувствовала себя отрешённой. Впервые, она не чувствовала себя чужой.

Стоял душный летний день. Солнце пекло, заставляя кричать очередную бабу о Полудницах. Ничего такого, местная легенда, чтобы ненадолго выгонять людей с поля.

К одиннадцати, как обычно, Машка и Макар стали ждать родителей домой.

Седоволосая уже и воды натаскала из колодца, и с братом вместе рыбу нажарила, заштопала сорочку, и даже успела доплести лапти, а родителей всё нет и нет.

— Ой, Манька, видать, случилось чё. — поделился Макар — Видать, недоброе. За ними пойду, а ты дома будь, поняла?

Шестилетняя Машка кивнула. Спорить с своим спасителем она никогда не начинала. Даже, если хотелось.

Наблюдая, как брат уходит, девочка жмурилась от солнечных лучей, но от окна всё равно не отходила. Всё пыталась выследить, куда бежать, коль и он пропадёт. Страшные мысли посещали младую голову.

Внезапно перед домом нарисовался знакомый силуэт. Дедок в зелёном колпаке, стал всматриваться через забор, и, заметив знакомое лицо, начал раскидисто махать рукой. Машка завизжала от радости, вмиг отвлекаясь от кошмарных образов в голове.

Спрыгнув с высокой лавочки, девочка ломанулась через весь дом к крыльцу. Там её уже поджидал знакомый:

— Ох, Марка! Ну, ты и проказница! — выкрикивал старец, размахивая указательным пальцем — Как заставила всех переволноваться, ай! Ты что — о — о? — колпак почти слетел, когда он начал нараспев растягивать последнее слово.

Машка всматривалась серыми глазками в вопрошающего. Немного оробев, седоволосая не знала куда себя деть, и беспокойно теребила бежевое платьишко. Красивые разноцветные завитки украшали рукава и подол наряда.

— Ну — й, что молчишь? — дедушка, кряхтя, опустил корточки — Иль, поди, Марка, язык съела, пока кушаньи человечьи жаловала?

— Да ты что, дядька Ярилко! — оживилась внучка — Не настолько уж они вкусны, как у нас!

Старый усмехнулся. Отставив свой посох к столбу, принялся занимать комфортную позу. Отыскав идеальное положение «лёжа на локтях», он всматривался в даль.

— А коль не из кушаньих ты тут, Марка, будешь? А из — за чёхо?

Девочка присела рядом, аккуратно подбирая платьице под себя:

— Ой! — вскрикнула она, стоило ей опуститься — Ой, матушка крапивой отходить! — малышка быстро вскочила и начала отряхивать пятую точку от, уже успевшей отпечататься, пыли — А мы мыли, дядька Ярилко, ведь мыли, крыльцо — то! — уверял ребёнок.

Ярило недовольно осмотрел испачканный подол:

— Всё — то у людей не вечно. — сварливо произнёс он. Махнув рукой, пришлый заставил пятно исчезнуть, а девочку слегка прийти в себя — Говори, Мара. Матушка у тебя есть? Кто ещё появился?

Удивлённые девичьи глаза восхищённо всматривались в место, где только — только было пятно:

— Ой, деда Ярилко, спасибо! Спасибо, деда Ярилко!

Дедок снова махнул рукой и внучку с грохотом припечатало к полу:

— Говори, окаянная! Почём сбежала?! — вдруг выкрикнул старец, заставляя нескольких воробьёв вспорхнуть с забора. Взгляд ребёнка растеряно уставился в ответ:

— Ты чего, деда Ярилко? Аль обижен на меня? — всматриваясь в глаза, предположила Мара.

— Обижен — обижен... — прокряхтел Ярило — Да коль и так? Говори, Марка!

— Так, не сбегала я. — спокойно ответило дитя — Морана меня в окно и выбросила.

Девочка говорила с какой — то неестественной лёгкостью. С настолько натуральной, что Ярило не мог понять, как она может врать.

— А ну, Марка! Правду говори! — скомандовал он — На кой сбежала к людям? Это зачем ты так сделала?!

— Да не сбегала я! — слегка похныкивая, доказывала внучка — Чавой сбегать?! Там и Соннушка, и ты, Ярилко! И тётка Рожана! Чего убегать — то мне было, куда?!

Старик, заметив слёзы, слегка поник. Невольно цокнув, огляделся. Взявшись за посох, мужичок тихо стукнул им по крыльцу и Марку аккуратно приподняло в воздухе.

Ярило двинулся к калитке.

— Со мной пойдёшь. Воротимся. — почти шёпотом, оповестил дед.

Девочка с ужасом забилась в истерике, сотрясая возле себя пространство... Движения только разгоняли мух вокруг, не давая желаемого эффекта:

— Зачем я там?! Морана против меня! Против! Я тут останусь!

— Морана вещала на собрании о наказании твоём и что не желала твоего проступка! Говорит, ты закричала и в окно сиганула, мол, людей поучать, да о нас рассказывать!

— Так, не было такого, дед Ярилко! — Марка всё ещё пыталась за что — нибудь зацепиться — Никому я ничего не говорила!

— А семья твоя? Твоя семья — то? Не уж то и им не сказала? — гневаясь, дед развернулся на пятках прямо к парящей девчонке. Та не отвела взгляда и молча кивнула. Щёки малышки предательски надулись, глаза заслезились, а губы и вовсе задрожали.

Седоволосая почти расплакалась, но заставила себя сдержаться. Слова бывшей наставницы о том, что слёзы — это слабость, всплывали в голове раз за разом.

— Ты что ль плакать собралась? — вытянувшись в лице, сообразил Ярило — Ну, вот этого уж точно не надо! А, ну! Я кому говорю!

Восклицания дали результат, и ребёнок разрыдался, сжимаясь в калач, прямо в воздухе.

Старые голубые глаза с испугом осматривали внучку:

— Оть горе! Ой, луково! — мужичок ловко словил детское тело и покачивая, встал посреди деревни — Ну чавой плачешь? Чавой реки разливаешь?

— Скучала по вам, деда Ярилко! — меж рыданиями, выговаривала седоволосая — Думала, уж и не свидимся!

Старичок аккуратно поставил девочку на ноги. Убедившись, что она не теряет равновесие, выпрямился, слегка лишь, сторбившись в осанке.

Марка смотрела на Ярило с обидой. Она всё ещё похныкивала, но пыталась задерживать дыхание, чтобы это было менее заметно. Детская искренность вводила гостя в полный ступор.

— И ведь не лжёшь. — почёсывая бороду, признал старый — Так, Морана, получается, гневается на тебя? За ката того? Ай?

— За него. — тихо согласилась внучка.

— Ну, что вы за... — Он почти договорил, как на горизонте показалась знакомая фигура

мальчонки. Марка подняла заплаканные глазщи и стала всматриваться:

— Машка! Машка! — размахивая руками, кричал Макар — Сестрёнка! Пошли скорей Пошли скорей, там что творится!

Седоволосая, расслышав крики, резко сорвалась с места.

Посох старца уже поднялся на несколько сантиметров вверх, приготавливаясь снова ударить о землю. Отдать магический приказ ребёнку вернуться. Однако, Ярило быстро заметил настрой подопечной. Она, видно, почуяв намерения, бросила на палку, а потом и на хозяина, рассерженный взгляд.

Дед удивлённо рассматривал отдаляющиеся детские силуэты.

Внезапно по деревне пробежал крик. Шагающая мимо старуха застала момент, как зелёный колпак, вместе с головой, стал расплываться в воздухе. Не справившись с волнением, женщина упала в обморок.

— Машка, Машка! Спасай! — на бегу выговаривал Макарка — Это что же делается сестрица! Что делается!

— Да что сделалось — то?! — пытаюсь не отставать от брата, выкрикивала младшая.

— Да что — что! Вон! — пара выбежала на поле, где обычно работали родители. Мать их с кем — то весело танцевала возле стога, а отец, напротив, стоял и что — то доказывал пустому месту. Оба вели себя необычно.

— Так то пол беды, Маруська! Гля! — Макар начала скакать на месте, выкрикивая то «Мамкай!», то «Батька!»

Манька сощурилась. Следом ручки задрожали, взгляд недвижимо застыл. Она не в силах была поверить своим глазам.

Когда девочку только — только приютили к себе, она предусмотрительно поставила защиту от злых духов на всю деревню, дабы оказать хоть какую — то услугу новому родству.

Успела она даже с домовыми местными сдружиться, чтобы те, коль заметят неладное, сразу к ней бежали. Но сейчас она была в полном шоке. Что происходит? Почему так происходит?

Первая Полудница, весело пританцовывая, кружила за собой Алёну — матушку Машки и Макара. Вторая же, искусными оборотами, заставляла отца семейства, Третьяка, спорить с собой на тему формы Земли. Молоденькие девушки, лет восемнадцати, стоявшие почти голышом, как — то не вписывались в рабочую рутину деревни.

Заметив, что сестра замерла, Макар испугался пуще прежнего. Мальчонка аккуратно щипнул Машу за дрожащую ручку.

— Чавой увидала?

— Нечисть. — она впервые употребила такое слово. Никогда прежде она не делила существ на злых и добрых, но теперь, когда её родным угрожала опасность, какое — то необыкновенное чувство захватило всё сознание. Сейчас она готова была броситься в бой и призвать на помощь зиму, наплевать на своё «прикрытие». Девочка уже присела для рывка, как чья — то рука слабо накрыла её плечо.

Она рывком развернулась на «помеху» и признала Ярило. Тот, с непонимающим взглядом глядел то на неё, то на полевою сцену.

— Нечисть, говоришь? — медленно процедил дед.

— Как есть, нечисть. — глаза девочки начали сереть. Горизонт стал заполняться облаками. Приятный летний холодок нарастал.

Ярило, завидев погодную перемену, перевёл грозный взгляд на Макарку.

— С мамкой говорил? — строго спросил он.

— Говорил! — выпалил малец. Он сам не понял, как ответил. Говорить с незнакомцами для него было чуждо.

— Какую новость от Марки скрыть хотели?

Маша непонимающе уставилась на брата, тот потупил взгляд.

Минутное молчание заставило сестрёнку захныкать, еле слышно, почти незаметно.

— Беременная она. — женский голос влетел в диалог так же неожиданно, как и его обладательница. Красивая женщина в золотистом шёлке, по покрою напоминавшем длинный пеньюар, также недовольно вглядывалась в Машу.

Манька перевела удивлённый взгляд на говорящую:

— Рожана! — выкрикнула она — Макар, Макарка, братец! ТО правда? — с радостью спросила девочка. На горизонте тучи стали расползаться. Солнце снова завладело небом.

Макар, не поднимая глаз, кивнул.

— Радость — то какая! — сестра быстро спохватилась и снова дёрнулась в поле. На помощь родителям. Рука на плече сжалась, останавливая намерение.

— Выбор дам тебе, Макарка. — не обращая внимания на энтузиазм племянницы, заговорила Рожана — Или не родившийся ребёнок с матерью домой воротится, или Мара.

Маша приоткрыла от удивления рот. Она хотела выкрикнуть, что это лишь уловка, но язык будто пришили к небу. Ребёнку оставалось только наблюдать за происходящим.

— Времени тебе десять секунд. Выбирай. — давила женщина.

Мальчик только теперь взглянул на сестру. Глаза наполнились страхом. Он перевёл взгляд на танцующую мать и сильно покраснел, пытаясь не заплакать.

— Три.

Глаза сестры он так полюбил. Такие серые и глубокие. Он не знал смысла этого слова, но знал, что оно означает именно то, что он хотел.

— Два.

Матушка ему с такой радостью говорила о том, что у него будет братик или сестричка. Когда, он заявил, что втроем им будет совсем легко и точно веселее, женщина, почему — то, поникла. Позднее, она сказала, что Машку, в таком случае, придётся отослать куда — нибудь. Денег на всех не хватит.

— Три.

— Я выбираю маму. — тихо произнёс Макар. Он стыдливо опустил голову. На землю стали капать слёзы. Одна за одной, они отбирали у ребятешек воздух.

Кап.

Машка поджимает губы.

Кап.

Макар сжимает кулачки.

Кап.

Девочка слегка выглядывает из — за братской спины.

Полудницы тотчас растаяли в воздухе, заставляя семейство растерянно озираться по сторонам.

— Вы не сказали мне, — начала Маша — Потому что, я...

— Нечисть. — закончил Ярило, детские плечи вздрогнули.

Девочка испуганно всматривалась в брата. Тот отмалчивался. Он попытался взять сестру за руку, но она быстро отдёрнула руку, словно от огня.

— Маш, мы...

— Всё правильно. — неожиданно выдала Мара — Вы правы. Я знаю, Макар, что поступить иначе сравни смерти. Всё знаю. Иначе и быть не могло. Прощай, брат мой. И доброй жизни.

Рожана положила руку на второе девичье плечо.

Небо быстро посерело. Грозовые тучи угрожающе нависли над всей компанией.

Макар быстро добежал до родных и что — то им сказав, толкая, начал выводить с поля.

Он постоянно озирался на Машку, которая уже не видела его, а лишь сверлила взглядом пришедшую родню.

— То специально. — медленно процедила она — То вы наверно знали. Специально.

Ярило стукнул посохом по земле. Из — за туч стало пыталось солнце. Медленно, постоянно мелькая, словно боролось за первенство.

Девочка не сводила глаз.

— Вы нарочно. — утверждала она.

— Нарочно или нет, а результат имеется. — строго проговорила Рожана — Вيني их, а не нас.

Детские губы задрожали.

— Чего вам надо? Почём так поступаете? Винить за что? За правду? Знаю я, что не видят они меня, как силу нечистую! А то, что ребёнка своего выбрали, так, то правильно! Я не виню их! А вы нарочно стравливаете меня с ними! Почём стравливаете?!

— Ты же наша кровинушка. — ласково, но как — то совсем неуместно, прокряхтел Ярило. Он с силой опирался на посох, пытаясь замаскировать всё, словно просто облакачивается. Солнце до сих пор пыталось проникнуть сквозь серое полотно.

Маша пуце прежнего нахмурилась.

— Нет у нас ни крови, ни тела. — отчеканила она — Нет ни дома, ни дела. Забыли боги, как люди выглядят, чувствуют! Меня изгнали по ошибке, из — за нрава Старшей, а теперь обратно манят, указывая на мой! Ну, нет! — солнце теперь окончательно скрылось за тучами. Ярило схватился за поясницу — Не вернусь, куда срок не выйдет!

Выкрикнув последнее предложение, седоволосая растворилась в стае, невесть откуда взявшихся, снежинок.

Летний зной стал снова набирать силу. На поле никого не осталось.

Лишь расколотый напополам деревянный посох.

Прошло немало лет, прежде, чем Мара приняла решение провести приёмную семью. После того, как случился выброс её магии, маленькую девочку перенесло в город «У», где она и начала бродяжничать, а в последствии, жить в детском доме «Звёзды».

Юный возраст не стал преградой для ведьмы, и она быстро завладела авторитетом в своей группе через те же сказки про мифических существ. Маловозрастную сказочницу полюбили за воображение и великое пристрастие к «помощи близким». Она редко увиливала от работы и часто брала на себя чужую. У неё завелась пара подружек, одной из которых стала и Тамарка. Пухловатая розовощёкая хулиганка, что частенько пыталась затащить Маньку по своим поручениям:

— Ну, чавай, трудно тебе что ль? — стало стандартной фразой общения двух подружек.

Несмотря на нрав Тамары, Машка успела к ней привыкнуть и даже полюбить. Поэтому, в очередной раз, когда Тому оставили за проступок в «комнате одиночества», десятилетняя

сказительница пробралась на встречу тайком. Она притащила с собой ароматную плюшку с сахаром и пару своих «поощрительных» конфет за день. Аккуратно открыв скрипучую дверь, которая в этот раз решила почему — то не скрипеть, седоволосая прошлёпала к одинокому силуэту, сидящему подле подоконника. Томка, томно вздыхая, разглядывала чистое ночное небо и одинокую яркую луну, чей луч нежно освещал лицо.

— На сколько тебя на сей раз? — вытаскивая булку, спросила Машка — Ну, зачем ты Агафью стукнула? Ну и что, что она меня ведьмой называет? Ну, кака разница — то?

Тамара, насупившись, отвернулась от подруги.

— Ну, бери. Знаю ведь, что хочешь. — протягивая ароматный кусок, настаивала седоволосая.

— Не знаешь. — обиженно ответила Томка — Ничё не знаешь.

Мария слегка удивилась такому настрою, а потому, чтобы избежать конфликта, ловко заскочила на подоконник и стала смотреть теперь на подругу сверху вниз.

— Признайся от чего така хмурна иль мне щекотку тебе нахлабучить? — обиженный взгляд врезался прямо в лицо ведьмочки. Подруги схватили непродолжительную тишину.

— Она сказала, что ты отродье. Никому ненужная Яга! — вдруг выпалила Тамара — Вот, чё говорит! Мне что ж, молчать надо было?

Машка расплылась в доброй улыбке. Она соскочила обратно и обняла подругу, ничего не ответив.

Молчание снова заполнило комнату, но в отличии от первого раза, теперь атмосфера была менее напряжённой.

— Чего ж ты така добрая, Маруся? — слегка приглушённо из — за объятий, спросила хулиганка — Она ведь змеюка подколодна.

— Знавала я и змеюк. — ответила Маша — Не принимай близко к сердцу, храни чистоту существа, аки зеницу ока. Меня ведь часто с Ягой сравнивают, так и что ж теперь, бить что ли всех? — девочка отстранилась от подруги. Та, с заплаканными глазами, пыталась сдержаться.

— Бить. — тихо сказала она — Бить! — повторила Тома громче — Нельзя так с людьми! Нельзя! Мы все человеческого рода, получатся, все мы и отродье, коль она так рассуждат?

Манька рассмеялась, но быстро прикрыла рот, заглушая звонкий смех:

— Да ну тебя, Томка! Ведь увидят же, чавой смешишь? — вытирая слёзы с глаз, спросила она — Ну, будет. Я с тобой согласна. Я вот, как думаю: Коль человек человеку — брат, значит, когда человек другого оскорбляет, он прежде всего себя виновным считает. На себя злиться, а на другого кричит. Ведь, как же так сделается, что ты сам на себя кричать будешь? Никак. — девочка снова протянула булку, а подруга, хлюпая носом, приняла гостинец — Так — то оно так, что люди злые становятся. Злее, чем прежде. Но ведь то не означат, что все такие. Что все такому подвластны, понимаешь? Ты ведь сама себе хозяйка, Томка! Глаза — то, руки у тебя твои! Не её.

— Глаза и руки мои и ими я буду её бить и в следующий раз! — прожёвывая хлеб, отчиталась Тамара.

Машка еле заметно закатила глаза и снова улыбнулась:

— А коль глаза — то твои, ты её как видишь?

— Так, так и вижу, что коза она! — выпалила подруга — Не знат, чё говорит, да и всё тут!

Ведьма кивнула:

— А побила ты её почему?

— Так, ведь она тебя оскорбила! Твои, как ты вещаешь, глаза и руки унизила!

Седоволосая снова кивнула:

— А почём знаешь, что унизила? Почём считаешь, что оскорбила?

— Так, ведь оно понятно. — замедляя темп жевания, простодушно призналась Тома.

Брюнетистые волоски непослушно лезли в рот, мешая наслаждению от перекуса.

— А от чего понятно? Почём знаешь, что я так вижу? Глаза — то мои.

Тамара распахнула глазищи:

— Так, ведь!..

— То — то и оно, Томка, что ты сама так не видела, и моими глазами не посмотрела. А выбрала глаза Агафьи. С ней ты общаешься? С ней ты секреты делишь? От чего вдруг стала её взглядом на мир смотреть? — насупившись, выпрашивала Мария.

Брюнетка с трудом прожевала оставшийся кусок. Она медленно сглотнула и снова перевела взгляд на луну.

— Как тебе небо сегодняшнее? — Маша знала, что «вылавливать» понимания у Тома бесполезно, лучше понять вместе с ней. Как человеку доказать то, чего он и знать не знает? Да никак. А почём ты узнать не можешь его знание? Вот какие вопросы седовласая себе задавала день за днём.

— Чистое. Будто вафельное.

— Всё — то тебе, Томка, съедобно чудится! — ведьма снова рассмеялась — Ну, даёт!

— Так, ведь правда!

Маня присмотрелась. На небе звёзды выстроились в линии, действительно напоминая вафельную сетку.

— Смотри — ка! — радостно воскликнула она — И ведь не чудится!

Девочки засмеялись, рискуя быть разоблачёнными. Но, по — видимому, их это мало волновало.

— А я вот небо теперь вижу твоими глазами, тоже вафлю увидела! А ведь до сих пор и не замечала!

— Да поняла я, Манька! Своими глазами смотреть буду, потом у тебя спрошу, как ты увидела. Только потом буду делать что — то. — самоотверженно диктовала девочка.

— Ты спрашивай у меня, когда меня касается. А коль решение — то, только для твоей судьбы, сама гляди. Да не трать время и силы на поиск чужих зенок!

Девчата обменялись крепкими рукопожатиями и снова захихикали.

В коридоре включился свет, что было замечено сразу же, через щёлку под дверью.

Подруги пискнули, и Машка быстро спряталась в шкафу.

— Тамарка! Одна ты тут? — сонно вваливаясь в комнату, спросила тётка строгой наружности. Седой пучок растрепался, очки на глаза смешно съехали почти к губам, а ночнушка и вовсе задралась.

— Так, одна! — сделав невинное лицо, заверила брюнетка — Вы идите, Алевтина Олеговна, спать! А то я ведь завтра выхожу, опять буду бурогозить!

Тётка, громко цокнув, ковыляя, развернулась к девочкам задом.

Обе прыснули смехом: одна в шкафу, вторая возле окна.

Сорочка, как выяснилось, задралась не только спереди. Сзади, подол застрял в панталонах, оголяя «голую правду» того, почему смотрительница так долго шла до шумной

Одиной комнаты.

После двухнедельного отпуска в Париже, шестнадцатилетняя Мария Ярилова, возвратилась в город «У», где решила сразу же пройтись по местным бутикам.

Платье её сильно выделялось от платьев, в которых щеголяли местные красавицы.

Как минимум, цвет ткани был уже причиной взглядов со стороны. Наряд был пастельно — оранжевого оттенка, что ненароком заставило маленького мальчугана, в синем комбинезоне и с береткой на голове, выкрикнуть:

— Прям, как персик! — он держался за руку матери, указывая на Машу пальцем.

Мария же отвернулась и сдвинув шляпку на глаза, продолжила свой путь.

Чёрный ажурный зонт умело скрывал её лицо, так что, когда девушка «плыла» мимо очередных кавалеров, особого шанса заговорить с ней у них не было.

Она почти дотронулась до позолоченной ручки двери бутика, как кто — то ловко приоткрыл проход внутрь. Девушка отшатнулась от неожиданности и выронила зонт.

— О, нет! Приношу свои извинения! — шатенистый юноша в элегантном фраке, ловко поднял аксессуар и протянул за ручку хозяйке.

Маша приподняла бровь:

— Следите за тем, куда ходите и за кем ходите. — замечание оказалось строгим и совершенно не вежливым. По крайней мере, так показалось Александру, девятнадцатилетнему барону Лурозному, что частенько заходил в трактир по соседству с бутиком.

Завидев необычный цвет платья, он немедленно принял решение познакомиться с его обладательницей.

— Я приношу свои извинения повторно. — Саша потянулся к руке незнакомки, дабы оказать благородный жест, но та лишь брезгливо отшатнулась. В парне немедленно разыграл интерес к юной девице. Редко, кто мог его отвергнуть. Голубоглазый шатен с «вырезанным», словно по линейке, подбородком. С мраморной кожей и ароматным одеколоном, обычно пользовался у противоположного пола, успехом. Чего стоят одни только голубые глаза юного альфонса.

— Дайте пройти.

— Молю, останьтесь со мной хоть на секунду! — выкрикнул Лурозный — Вы так обаятельны, что я растерял все слова по дороге! А ваше прелестное платье забрало весь воздух из моих лёгких! Бога ради, дражайшая незнакомка, останьтесь со мной хотя бы на секунду!

Мария нахмурилась. Серые глаза недовольно рассматривали представление, что устроил (по её предположению) местный шут:

— Пока вы балаболили, — она снова дёрнулась к ручке, на сей раз успешно схватившись за неё — прошло куда больше секунды! За сим, откланиваюсь! — вильнув в здание, отчеканила ведьма.

Теперь женские каблуки недовольно отбивали быстрый ритм по стеклянному полу бутика. Она была так рассержена происходящим, что совершенно не заметила, как настёрный шатен, вильнул следом за ней.

Она ходила, присматривая себе платье на приём к госпоже Лурозной. Некогда, они состояли в клубе читателей философских рассказов и эмоционально, а порой, даже слишком (Лурозная несколько раз хваталась за сердце в разгар дискуссий), спорили о наличии смысла

в очередном произведении.

Выбрав пастельно — голубое платье, девушка попросила консультантку завернуть наряд, и только она хотела оплатить покупку, как к стенду подоспел парень. Он, пританцовывая, вильнул в сторону кассы, и молча, протянул нужную сумму продавцу.

— Ох — хо — хо! — воскликнул мужичок за прилавком, заставляя Машу вздрогнуть. Он был весьма знакомой наружности, совершенно обыкновенный хозяин подобного «дома». Широкие усищи на всё лицо, с завитушками по концам, придавали ему какого — то «эдакого» шарма — Кого я вижу! Да это же самый завидный жених нашего города!

Девушка начинала свирепеть.

— Что вы себе позволяете! — она выхватила банкноты из протянутой руки юноши — Каков наглец!

Мужик за кассой, стучаясь пузом о прилавок, почти перевернулся через стенд, пытаясь выхватить купюры, но попытки его не увенчались успехом. Зато жёлтая жилетка зацепилась за гвоздь и пуговицы весело побежали по полу.

— Я бесстыдник, душа моя! — выкрикнул тот самый желанный жених — Я так бесстыдно попытался оплатить за вас ваше платье! Каюсь!

— Какая я вам «душа», наглец?! — Маша окончательно перешла на крик — Да что же тут творится! Ну, в самом деле! Стоило вернуться, как меня уже тянет обратно во Францию!

Парень немедленно вытянулся в лице:

— Во Францию? — повторил он — А вас, случаем, матушка, не Марией звать — с? — поддельно — вежливая интонация, заставила ведьму в конец выйти из себя.

— Ну, это уже, простите, ни в какие ворота! — девушка с силой впечатала купюры в грудь парня и начала быстро удаляться из бутика, оставляя, как продавца, так и самого провокатора, с удивлением на лице.

Мужичок, владелец бутика, так и остался ползать по полу, подбирая разлетевшиеся пуговицы.

Парень, недолго думая, выбежал следом за незнакомкой, и нагнал «Персиковую» прямо в момент, когда та уже садилась в карету.

— Прощу, позвольте объяснить!

— Ни капли не позволяю! — отталкивая юношу, вскрикнула Машка — Подлец! Нахал! Караул!

— Караул? — парень снова вытянулся в лице — Так, вы из крестьянских детей? Я тоже оттуда буду!

— Да плевать мне!.. — она почти договорила, но остановилась на полуслове — Как вы догадались, что я из крестьянских?

Интересный нюанс, добавил ситуации неразберихи. Откуда настырник узнал о её происхождении? Она ведь так долго его из себя изводила! После детского дома, Рожана отправила её в французскую школу для благородных девиц и теперь... Какая же деталь выдала Машу?

Александр подал руку желанной незнакомке, а та, недовольно осмотрев её, всё же приняла жест. Девушка слезла с ступени кареты и кучер, выкрикнув что — то хабальное, хлыстанул бедную кобылу по рёбрам.

— Невозможные у нас люди живут! — воскликнула ведьма — Животину драть, это ж ума палата нужна! — она специально кричала вслед, да так, что вся улица обратила на неё внимание. Даже телом поддалась вперёд, выражая весь свой протест.

— И не говорите, душенька! — поддержал Александр — Отвратительное поведение нынче у кучеров! — он тоже крикнул так, что из окон повыглядывали люди.

Пара переглянулась, и шатен уже хотел объясниться, как их прервал грубый мужской голос:

— Хорош глотки драть! — из трактира вывалился местный пьяница, Резанов. Он только недавно освободился из острога и уже неделю отмечал данный факт — Разорались. — Мужик еле заметно наклонился, растягивая глаза указательными пальцами. Теперь он был похож на карикатурного азиата — Ба!

Виляющей походкой, бандит направился напрямик к паре. Душок от такого человека донёлся до Лурозного быстро. Слишком быстро.

Парень брезгливо заткнул нос, оглядывая рванный ватник на худощавом бандюгане. Мужик весь будто высох, что, несомненно, добавляло его образу неприятного акцента.

— А это кто тут у нас? — издевательски спросил он — Не уж — то сам повеса Лурозный? Здравствуй, мил батюшка! Когда долг вернёшь, паразит проклятый?! — мужик сделал выпад вперёд, но не удержавшись, сильно приложился о каменный тротуар. Следом по улице прокатился пьяный вопль.

— Не за чем, вам, матушка, наблюдать за отребьем. — Александр попытался развернуть тело незнакомки от сцены — Пройдёмте лучше дальше, милая. Я вам городские пейзажи покажу. Вы где остановились? Говорите же, говорите! Я обязательно вас провожу!

Машка, стряхнув руку паренька, уставилась на Резанова.

Мужик почти плакал и прижимал фуражку к кровоточащему лбу.

Девушка вынула из своего бархатного клатча белоснежный платок. Она аккуратно прошагала к пострадавшему и протянула кусок шёлковой ткани:

— Позвольте помочь вам? — робко проговорила ведьма.

Александр остался стоять позади в полном шоке. Как же так? Он красиво одет, обут, а «Персиковая» на него только злится. А этот, с позволения, сказать, человек, пьян и дурно пахнет, но к нему она пошла, как к родному!

— На кой такой барышне бедный Резанов? — растирая кровь по всему лицу, спросил бандюган — Чего вам надобно?

— Позвольте лишь подарить платок, о большем я и не прошу. — простодушно заверила Мария. Глаза девушки были полны искренности и какого — то правдивого желания помочь.

Резанов молча принял жест доброй воли и аккуратно сложив его, приложил к кровоточащей ране.

— Благодарствуем. — с грубой, но всё же искренней интонацией, проговорил он.

Девушка улыбнулась и начала отходить, но мужик резко вскочил, заставляя обратно развернуться:

— А волосы — то у вас седые! — выкрикнул он — Старая с лицом младенца! Мне о вас бабушка рассказывала! — словно ребёнок, хвастался местный алкаш — Аннушкой звали! Не припомните ли, госпожа ведьма?!

Маня по — доброму улыбнулась. Потомки тех, с кем она имела честь общаться ранее, прожили уже не мало лет, успели пустить свою жизни под откос и схоронить тех, кто о ней рассказывал. Какая всё — таки судьба прекрасная штука! Конечно, она узнала в нём Аннушку, в его рыжих волосах, слегка курносом носу и пухлых губах. Но также, она в нём узнала и Фросю. Во взгляде столь искреннем и наивном, с коим он сейчас рассматривал Ярилову.

— Припомню, от чего же нет. — спокойно ответила Маша — Как ваша бабушка?

— Умерла, как три года. — энтузиазм сошёл на нет.

— Как и моя. — подыгрывая, подтвердила ведьма.

— Ваша?

— Моя. — снова согласилась она — Вы перепутали меня с ней, наши волосы похожи, но не слишком. Мне достался от неё прекрасный локон в наследство, но фамильную седину, я, к сожалению, не успела застать. — девушка аккуратно сняла шляпку с причёски и вынув заколку из сложенных прядей, заставила местных модниц пооткрывать рты.

Блестящие блондинистые волосы красиво переливались на солнце, создавая вокруг новоприбывшей красавицы невиданный ажиотаж:

— Каким вы пользуетесь средством, милая? — выкрикнул кто — то из собравшийся толпы.

— Я убедила ваши сомнения? — Маша не сводила взгляда с Резанова. Казалось, сейчас, существовал только он.

Немного смутившись, мужик грозно осмотрел местных зевак.

Чуть погодя, махнул рукой и кивнул:

— А за платок благодарим — с!

Он увидел верно. Волосы её ему должны были казаться седыми. Лишь мельком увидевший потомок, не скроется от истинного облика Марены из — за опыта предков. Но только стоит Маре пожелать убедить потомка в обратном, у неё не будет для этого преград.

Резанов удалился в трактир, сжимая кусок ткани в руке.

Повернувшись, Маша увидела пухловатую женщину в алом платье, стоящей рядом с настырным незнакомцем и что — то резво говорящей.

Тот, мельком бросил взгляд на девушку и, улыбнувшись, снова вернул его к собеседнице.

— Госпожа Лурозная? — Машка недоверчиво осмотрела спину говорящей. Складки на спине, движущиеся от каждого движения мадам, резко замерли.

Признаться, честно, замерла и сама интересующаяся. Зачем спросила? Почему не скрылась, услышав знакомые вопли? О — ох, чёртова вежливость, будь ты неладна!

Резко развернувшись, женщина бросилась обнимать блондинку, умело игнорируя выставленные (специально для предотвращения объятий) руки вперёд.

— Ну, добрались, душенька! А что же вы с распущенными космами щеголяете, дорогая моя? Ну, будет — будет! Много разговоров, много радости! С прибытием, госпожа Ярилова! Уже успели где — нибудь остановиться? Ах, не говорите — не говорите! Оставьте эту идею жить у кого — то на чердаках! Будет, душенька! Я приглашаю вас к себе! Наш особняк вместителен и вполне может расположить в себе столь компактную личность! Ну, что скажете, дорогая? — вопросы очередью лились изо рта знакомой, заставляя морщиться и натянуто улыбаться.

— Личность моя вполне обширна, госпожа Лурозная. А поселиться я у вас не могу, не позволяет воспитание. Лучше уж и правда снять у кого на чердаке, чем теснить такую крупную рыбу в столь маленьком аквариуме. Я ведь знаю, насколько вы велики в своих рассуждениях! Нам с вами будет, право, тесно! — Маша попыталась отстраниться и вытащить руку из женской хватки, которая, на удивление, оказалась очень мощной. Аналогия с удушающим питоном нарисовалась сама собой.

Пышная дама расхохоталась:

— Будет лестно, дорогая! Скромность долгой! У нас начинаются балы со следующей недели, вы уже успели приобрести платья, дорогая? Вы же помните, каждый день новый цвет? Новый образ?

— Как раз, собиралась докупать последнее. — не оставляя попыток выбраться, призналась ведьма — Только Бога ради объясните, как вы связаны с этим грубияном!

Пара женских глаз уставилась на Александра.

Лурозная недовольно осмотрела юношу:

— Что за новости, мой милый? Разве такому я тебя учила? С чего дражайшая Мария Макаровна зовёт тебя грубияном?

Машка устало закатила глаза. Теперь всё становится на свои места.

Вот откуда он так точно угадал её имя. Кем он ей приходится?

— Ну что вы, тётушка! — воскликнул Александр. Вопрос снят, он племянник — Это просто одно сплошное недоразумение, не более! Я пытался объясниться с этой милой барышней, но она ни в какую не хотела меня слушать! Быть может, сейчас она изменит своё мнение?

Теперь взгляд тётки впечатался в Машку. Блондина измученно выдохнула:

— Вот и прекрасно! Вот и хорошо! — завопила Лурозная, передавая женскую ручку. Парень, спохватившись, подхватил конечность, теперь, казалось, не принадлежащую хозяйке.

— Уведите меня отсюда, и я даю слово, что постараюсь более не вспоминать о произошедшем. — шёпотом проконючила Мария. Силы были на исходе. Она никогда не любила шум, но встречала людей, с которыми избежать его не представлялось возможным. Закон гласит: Когда у тебя не остаётся соратников на твоей стороне, ищи их во врагах, с другой.

— Тётушка Виктория, позвольте нам пройти и разрешить возникшее недопонимание! Я также постараюсь уговорить гостью остановиться у нас! — обещал племянник, попутно хлопывая ладонь незнакомки.

Женщина лишь помахала рукой и стала быстро удаляться в сторону стоящей неподалёку кареты:

— Нет времени! Совсем нет времени! Ещё так много дел! Так много дел! — подтягивая пухлую ножку за пышным «тазом», тараторила Лурозная. Карета раскачивалась в такт попыткам мадам влезть внутрь.

Подождав пока повозка скроется, Мария наконец выдернула руку из хватки:

— Невозможно! — вскрикнула она. Быстро сложив пряди, девушка снова нацепила свою персиковую шляпку — Будьте так любезны, оставьте меня в покое! Мы всё забудем, только оставьте меня в покое!

Александр растеряно вглядывался в лицо Марии:

— Ну, раз вы так желаете... А я так хотел пообсуждать с вами скрытый смысл, который нёс Пушкин в его последнем произведении...

Мария почти раскрыла зонт, но последние слова заставили остановить процесс.

— Последнее произведение? Я читала только «Капитанскую дочку», весьма недурно. Но разве Александр Сергеевич почил?

— В 37-ом году, Мария Матвеевна. Огромный удар для всей Российской империи. Такой талант, такой талант!

Маша недоверчиво осмотрела юношу:

— Соглашусь. Но какое же произведение стало его последним?

— Любопытно? Не согласитесь ли составить мне компанию до нашего крайнего бутика, я желаю искупить вину за инцидент тем самым платьем.

— «До нашего крайнего бутика»? — Машка, усмехнувшись, оглядела промежуток от их нынешнего местонахождение до несчастного магазина — Право, если вы так желаете. Но обещайте, что не обманите и расскажете всё, что знаете о дражайшем Александре Сергеевиче! В конце концов, я и не знала, что он скончался... Думала, что сороковой год для меня станет счастливым, а здесь только несчастья, да расстройств!

— Ну, будет, Мария. Не будем придаваться тоске, лучше пройдемся!

Они, на сей раз, не сцепляясь «под руки», пошли по людному проспекту, в сторону того самого здания. Примечательно, что, оказавшись ближе, Машка провела параллель с пухлой и низкой Лурозной. Форма его точь — в — точь напоминала её фигуру.

Там, декламируя последние строки Пушкина, голубоглазый шатен, действительно купил пастельно — голубое платье и пастельно — голубые балетки, и даже белые перчатки, своей прекрасной незнакомке.

Чуть позднее, на третий день, он сделает ей предложение, пленённый рассуждениями и амбициями.

А на седьмой день, с ним расправится наставница Марены, Старшая.

Короткая и печальная история любви, что надолго оставит свой след в сердце юной девы.

Обвинив несчастную в убийстве, Лурозная тайком от правительства и своего мужа — губернатора, сжигает (точнее, она так думает) ведьму на костре, в отместку за единственного племянника. Хотя, как вам сказать «в отместку». Лурозная была до смерти жадной и сварливой бабой, которая только и ждала несчастного случая со своим ненавистным Сашенькой. Спросите, зачем же она так отомстила бедной девушке? Помимо всего прочего, скверная душа этой женщины была полна гордыни, что не давала спать по ночам всем, включая слуг поместья. Она, то и дело, доказывала, что Ярилова, чёрт бы её побрал, напрасно перешла ей дорогу, и оспорила доводы по поводу суждений Декарта.

Мария, измученная всеми событиями, возвращается в день своей казни, в родную деревню, по дороге, умоляя небо, сохранить жизнь любимому брату.

Молодая, почти нагая, испачканная сажей, блондинка, постучалась в дверь. Так тихо, так слабо, что и сама засомневалась, что двери отворят. Внезапно, с знакомым скрипом, двинулись петли и перед ведьмой предстал старый дедушка. Тело его было всюду испещрено язвами рытвинами от прошлых болезней. Глаза заплыли старческой пеленой.

— Манюшка... — почти шёпотом, сказал он — Вернулась — таки.

Спустя некоторое время, девушка попивала только заваренный травяной чай, а дед Макар стряпал что — то в печи:

— Сколько тебе стукнуло, Макарушка? — она не видела его, как пожилого. Он оставался для ведьминых глаз, тем же десятилетним мальчонкой. Таким же резвым и весёлым.

Морщины заполонили лицо спасителя, так что, и не было уж различимо, улыбается он или плачет.

Дедушка аккуратно достал противень с потрескавшимися яйцами и быстро (насколько мог), донёс до обеденного стола.

Стол, кстати стоял, напротив того самого окна, через которое когда — то, маленькая

Марка заметила Ярило. Перед глазами всплыл день последней встречи. Макар заметил перемены в лице сестры:

— От чего, Марьюшка, пригорюнилась? — обстукивая яичко по столу, поинтересовался он.

— Да так. Былое вспомнилось.

Макар поднёс уже очищенное яйцо сестре под нос:

— Сто первый мне пошёл, сестрица. — он решился не допытываться более глубоких причин печали и выбрал просто быть заботливым братом.

Машка удивлённо раскрыла глаза:

— Так, что же, девяносто лет прошло?

— Поди уж так.

— Какой кошмар! — девушка вскочила и подошла к окну. Она приобняла себя за плечи и стала всматриваться в даль. Теперь уже, ночного горизонта.

Сейчас она стояла в платье Алёны и сильно напоминала Макару мать, чем он и поделился, заставляя Марьюшку, смущённо опустить голову.

— Всё ещё похожа на неё... — аккуратно присаживаясь за стол, поделился старик — Ты ведь знашь, Манька. Хотя, откуда ты знашь... Ты ведь, когда пропала, матушка тебя искать приказала. Вся деревня видела, как ты в воздухе парила. Про то уж и местный писун, поэт по вашему, что — то настрочил, а мамкай: «Нет, ищите! Дочь она моя, чего вам ещё надо?!» Каждую ночь, с рождением Иванушки, младший братец мой. Ты не смотри, Марьюшка, он уж давно почил, болезнь, проклятая скосила. Жаль, не познакомились... Так, каждую ночь, мамкай ложилась, да богу всё молилась. Всё просила, чтоб ты нашлась. А потом уж стала просить, чтобы ты жива была, да здорова. Так и померла с этими словами на губах. Ну что ты, милая? Чего плакать — то? По живым плакать надо, о мёртвых — то уж рыдать не надо! Никак не надо! — вещал Макар.

Сразу после рассказа, он зашёлся сильным кашлем. Не желая, чтобы младшая сестра видела последствия болезни, всё отворачивался и отхаркивал в платок, стараясь прятать ткань за пазуху. Но в один момент, в разговоре, позабыл об этом, и Машка стала расспрашивать причину кровавых пятен:

— Так ведь, оспа, Марьюшка, она никого не щадит. — слегка успокоившись, ответил дедушка — Уж сколько у нас народу слегло, а я всё жил — не тужил. Да видно, тебя ждал, сестрица. Теперь и мне пора уж...

— Ты просил, чтоб я тебе помереть не дала! Помнишь, в первую встречу нашу, ты сказал: «Умирать не хочу!»

Старик слабо засмеялся, теперь сестра его придерживала за руку возле стола, чтобы он не упал ненароком назад. Тело быстро слабело.

— Так, помню. Как не помнить...

— А хочешь, исполню желание твоё? Хочешь? — с слезами на глазах, вопрошала Маня.

Макар хотел было что — то сказать, но приступ снова завладел лёгкими. Предсмертный хрип пронёсся по хате.

— Макар! Макар! Скажи, хочешь или нет?! — кричала ведьма.

На пожилых глазах выступили слёзы. Хватка за сестринский рукав быстро слабела.

— Ты, Марьюшка, прости нас окоянных. Я ведь, — он снова закашлял — Я ведь, рассказывал детишкам истории твои. Сумасшедшим прозвали, а тебя слушать хотели. Ты, Марьюшка, не печалься, родная моя. Всё хорошо, так ведь надо. Так правильно.

— Ты ведь даже не сказал ничего про то, что я не постарела совсем! — пытаюсь растянуть момент, заметила блондинка — И не сказал ничего, будто надо так! А откуда узнал, что я это? Почём знал, что непременно я за дверью стою? На кой открыл?

Изо рта Макара слегка показалась кровь. Спокойная улыбка озарила старческое лицо:

— А глазищи твои, с чем спутать прикажешь? — он потянулся к девичьему личику — Глаза твои серые, Марьюшка. Глубокие.

Сейчас он знал значения этого слова. Сейчас он знал его наверно.

Лицо замерло в счастливой улыбке. Глаза застыли в спокойном настрое. Тело обмякло на сестринских руках.

Девушка взвыла.

— Нет! — она аккуратно перетащила брата на кровать.

Следом приподнялась над телом. Выставив руки вперёд, начала что — то шептать.

— Ни явь, ни Навь. Оставь, оставь. — говорила она раз за разом — Оставь, оставь. — повторялись строки.

Внезапно небо на улице почернело пуще прежнего, луну затащило облаками, следом, в избу ворвался ледяной ветер. Ведьма не прекращала.

Платье развивалось над мёртвым телом, волосы приобрели вновь седой окрас. Марена пробуждалась с каждым словом, природа приветствовала преемницу Зимней Богини.

Чуть погодя, сквозь бурю, стал виднеться силуэт. Ещё спустя немного времени, через порог переступил знакомый дед. Он оглядел хату и, отыскав сестру, быстро к ней рванул, прихрамывая:

— Марьюшка! А ведь боле не кашляю! — хвалился Макар — И силёнок, сестрица, хоть сейчас на поле!

Мария, завидев брата, замерла. Она моментально осознала произошедшее и упала на пол, зарываясь руками в волосы.

— Прости, Макарушка! Не смогла отпустить! Не смогла! Дух ты теперь несчастный, скитаться теперь тебе! Ой, братец! — кричала дева навзрыд.

Дедушка, кряхтя и придерживаясь за поясницу, подошёл поближе:

— Ну ты и дурна, Манька! Я ведь того и хотел, чтоб тебя видеть, да с кашлем распрощаться. — улыбаясь, напомнил он — Ну чавой ревёшь — то? Чавой ревёшь?

В голове всплыл образ Ярило, который девушка быстро прогнала.

— Прости меня, Макарушка. — обнимая брата, выговаривала Маша — Прости меня.

Макар, улыбаясь, гладил сестру по голове.

— Всё правильно, окаянна. Всё правильно, милая. — тихо шептал он.

Машка спокойно сопела на плече у что — то быстро печатающего Сани. Компания выехала, как пару часов назад, и долгая дорога успела сморить всех по очереди.

— Не боишься, что Фея тебя спалит? — выжимая тормоз, спросил Ваню. Машина остановилась на светофоре.

Он говорил довольно тихо, почти шёпотом, но уверенно разглядывал Саньку на заднем сидении.

— Да завали. — блокируя экран, ответил друг.

Ванька, пожав плечами, снова вдавил педаль газа. Николая рядом тихонько стонал во сне, от чего водителю приходилось его постоянно тормозить. Сейчас рыжий, в очередной раз, начал издавать скулящие звуки и Ванька толкнул его рукой:

— Опять? — с трудом открывая глаза, спросил Колька.

— Опять. — подтвердил лидер — Что на сей раз снится?

Николя потянулся, заставляя сиденье разложиться сильнее:

— Всё то же. Эд, авария, клиническая смерть, кома. Каждый раз, как засыпаю, всё по кругу.

Ванька выдохнул и стал заворачивать на деревенскую дорогу:

— Не твоя вина то была. — объезжая ямы, проговорил водитель — Не твоя.

Колька молча кивнул и стал рассматривать дорожные особняки, выстроенные в ряд.

Навигатор, оповещая о том, что компания прибыла, заставил проснуться Маню.

Повсюду мелькали красивые заборы и статуи, будто украденные из самого Рима. Разумеется, меньшего размера, но само их наличие, заставляло наслаждаться атмосферой этого места.

Девушка огляделась и, улыбнувшись своему парню, слегка зевнула:

— Уже? — протирая глаза, спросила она.

Он кивнул.

— Сколько сейчас время?

Сашка быстро вытащил телефон из кармана, что тут же блеснул новым уведомлением. В сообщении выговаривались слова благодарности за прошлую ночь и выражение надежды на будущую. Машка посчитала невежливым спрашивать у юноши о его личных переписках, поэтому проглотила кусок кома, и сконцентрировалась на цифрах:

— Девять часов вечера. — констатировала она.

— Мы уже при параде, кстати, а ты? — разглядывая внешний вид подруги, подколот Коля.

Ведьма перед отъездом, дала всем распоряжении найти свои самые лучшие и строгие костюмы. Ванька на это отреагировал весьма грубо, фыркая на каждое слово о прикрытии. В конце концов, он согласился, но скверности данной просьбе Феи (так он её называл), это не поубавило. Парни всю дорогу ехали в костюмах, в то время, как Машка преспокойно почивала в своей привычной толстовке.

— Нужно, чтобы вы вышли из машины. — доставая пакет из — под ног, проговорила она — Ну, в смысле, выйдите пожалуйста. — смягчив тон, исправилась девушка.

Ванька недовольно осмотрел местность.

Ничего необычного. Он всю жизнь в таких районах провёл, его таким не удивишь.

Аккуратно остановив авто, парни переглянулись и, одновременно кивнув, высыпали на, среднего размера, площадь с фонтаном. Писающий мальчик, видимо, удивился такому большому количеству людей в такой маленькой машине. Ну а как иначе объяснить то, что струя фонтана слегка дёрнулась, прекратилась и полилась снова?

Через десять минут и пары скуренных сигарет, задняя дверь машины, отворилась.

В первую очередь, показались красивейшие женские ноги на высокой шпильке. Коктейльные туфли нежно — голубого оттенка быстро притянули к себе внимание Алекса.

Далее, показалась и рука, с аккуратным жемчужным браслетом, что придерживала дверь.

А следом, вылезла и сама Мария. Красивые блондинистые волосы были заколоты в высокий пучок. Пряди по бокам неряшливо, но вполне элегантно, выпущены. Платье на бретельках, того же цвета, что и туфли. И, наконец, белая прозрачная вуаль, покрывавшая плечи девушки.

Образ заставил юношей пооткрывать рты. Первым в себя пришёл Ванька и, хлопнув челюстью друзей, сел в машину.

Бросив: «Теперь перепаркуюсь на стоянку», блондин скрылся во тьме.

Фонарь, стоящий точно над троицей, красиво освещал присутствующих. Коля смущённо тупил взгляд в камешки под ногами. Чувствуя неловкость, он поднял ногу и начал рассматривать подошву. (Это же должно поубавить неловкости, да, читатель?)

Брюнет, пленённый образом девушки, подал ей руку. Та, глядя на Сашу, замерла.

«Невозможные у нас люди живут!» — всплыло в голове — «И не говорите, душенька!»

Машка вздрогнула. Вуаль съехала с плеч, повиснув теперь на локтях.

Аккуратно подцепив руку ведьмы, Сашка накрыл её ладонь своей.

— Всё нормально? — взглядываясь в пустые глаза подруги, спросил он — Ты как? Точно готова к вылазке?

Манька спохватилась и быстро проморгалась.

— Да, конечно. — согласилась она — Всё нормально. Я в норме. — вытаскивая руку, уверяла девушка.

Саня заметно напрягся, когда женская ручка высвободилась из его «цепки».

Мария не знала, почему её тело так реагирует на собственного парня, но в силу того, что привычка доверять своему существу преобладала в ней с детства, поддалась.

А Сашка, напротив, как — то быстро рассердился. Почему она так себя ведёт? Кто ей позволил?

Кажется, с выбором он поспешил. Ошибся. Опрохвостился!

Раскрасневшись от собственных мыслей, брюнет был уже далеко от происходящего. Он лишь злобно всматривался в что — то рассказывающую Машу. А девчонка тем временем, пыталась донести до команды, в которую уже присоединился и Ванёк, дальнейший план действий:

— Значит, так. Какая история. — она подтянула вуаль на плечи — Тут, в этом несчастном посёлке, каждый проходит вечеринка ВСЕХ домов. — Машка выделила словос нарочно, пытаясь «разбудить» брюнета. Тот не отреагировал и продолжал сверлить её взглядом — Ладно, проехали. Суть в том, что тут собирается бомонд всего города. Ваша задача устроить шоу, чтобы все собравшиеся, вами заинтересовались и не подумали даже, алё! — она щёлкнула пальцами перед Сашкой. Тот вздрогнул и теперь растерянно на неё уставился — Ты с нами?

Он кивнул.

Рука Ваньки покрыла плечо товарища и слегка его встряхнула. Он знал это состояние. Состояние полного шока от того, что что — то идёт не по плану. Что — то не по его.

Ребята дружат с детства, так что, распознать подобную перемену в настроении, нетрудно.

Как — то раз, дядя Ваньки вместо одного маршрута, поехал по — другому. Он отвозил ребят в начальную школу и в тот день сильно опаздывал, так что, выбрал короткий путь. Так, когда Сашка не заметил знака пешеходного перехода на переулке Браманского (где они по времени должны были оказаться), сильно разревелся, посчитав, что его крадут. Что — то перевернулось в голове ребёнка и запустился процесс паники.

Тогда — то и началось путешествие юного Сашки по психологам, где выяснилось, что у парня помимо повышенной тревожности, биполярки, ещё и ОКР. Короче, полный букет. Именно в те месяцы, лучшие друзья не виделись неделями. Сашке становилось хуже, а Ванька устраивал истерики каждый раз, как понимал, что его не отпускают на прогулку с другом. В конечном итоге, предки сдались и тандем воссоединился. Все были удивлены положительной динамикой выздоровления, только — только обессиленного Сани и пропавшими, в одночасье, психозами Ваньки.

Тогда Прохор Александрович и сделал вывод, что таким переменам поспособствовало совместное времяпрепровождение ребят и строго — настрого запретил их разлучать, даже родителям самого Сашки. Те были солидарны с бизнесменом, так что, отрицать данного факта не стали.

Сейчас брүнет, словно очнувшись ото сна, кивнул, глядя на друга, и отошёл от компании перекурить.

Машка закатила глаза. Её взбесило поведение партнёра, но стараясь «быть взрослой», она продолжила вещать:

— Вам нужно отвлечь всех чем — то экстраординарным. Я в это время буду на заднем дворе дома, где все и соберутся. Там расположен мини — парк, где под берёзой... — она прикусила язык, слегка пискнув. Девушка поняла, что сказала лишков.

— Не — не, Марусь, договаривай. — настоял Коля — Что там на заднем дворе? Чем ты заниматься будешь? Почему нам отвлекать людей надо? Не обижайся, но может ты пойдёшь там клад выкапывать, а мы, как сайгаки, скакать за бесплатно будем.

Ванька соорудил одобрительную мину и молча перевёл взгляд на главнокомандующую. Та поджала губы. Вуаль снова, не послушно сползла к локтям, что вызвало весьма бурную реакцию ведьмы. Она матюкнувшись, стащила её и скомкав, вручила Коле.

— Так, знать, значит, желаете? — сдунув переднюю прядь, спросила блондинка. Волосы теперь, как на зло, лезли в глаза, заставляя, то и дело, поправлять причёску. Судя по всему, девушка вышла из себя.

Парни кивнули.

— В этом доме проживал, некогда известный, бандит Леший. — у друзей одновременно вздулись венки на лбах, но Маша решила пока не придавать этому значение — У него была жена, Анфиса Игоревна и дочка Ангелинка. Чувак, однажды, после неудачного дня, взял и пырнул дочь отвёрткой. Вот так вот, невзначай убил своё дитя. — Глаза рыжего моментально сверкнули слезами — Ну, на этом, пожалуй, я свой рассказ окончу.

Колька, кивнув, быстрым шагом ретировался к Сашке. Выхватив сигарету у того из пальцев, мимолётно, наверняка, сам того не заметивсунул в рот. Клуб дыма стал

подниматься по фонарному столбу.

— Впечатлительный Николая. — шёпотом подытожила рассказчица.

Теперь, опустив глаза, она обняла себя за плечи. Когда вуаль осталась у рыжего, холод быстро пробирал до костей.

Ванька, заметив мурашки подруги, стащил с себя чёрный пиджак и, несмотря на протесты Феи, накинул на неё. Он вытащил из кармана штанов сигареты:

— М? — парень протянул одну девушке. Та моментально скривилась в лице, что ясно дало понять ответ.

Он поджёт свёрток и сделал первый вдох.

— Много курить вредно. — заметила Манька, всматриваясь в дымящую пару Сашки и Коли.

— Согласен. — Ванька выдохнул дым — Ну, как без этого.

— Легко. Берёшь и не куришь. — Девушка перевела взгляд на небо — Столько причин, чтобы нервничать и столько причин, чтобы, напротив, этого не делать. — она посильнее натянула пиджак.

— Например? — сбрасывая пепел, поинтересовался Ванька — Типа природа: птички поют, луна светит, солнце там? Всё такое? Это причины, чтоб не нервничать?

Маша удивлённо перевела взгляд на блондина. Их волосы были похожи. У него был точно такой же отлив на макушке, как, когда Мария Ярилова только — только познакомилась с Александром Лурозным, парнем, чья жизнь оказалась для неё очередным уроком от «благодетельницы» Мораны.

— Ты угадал. — интонация больше напоминала вопрос, чем утверждение.

— Не угадал я. — снова поднося сигарку к губам, признался Ваню — Знаю всю эту парашу. Дядька мне это, как мантру за каждым завтраком проговаривал.

— Так, у тебя есть дядя. И как он?

Ванька усмехнулся:

— Да нормально, на нарах чалится. — парень выбросил сигарету на гальку, коей был вымощен двор, и затушил втаптывающими движениями.

Машка икнула от неожиданности. Ну, или от холода. Платье на бретельках в осенний период, видно, не лучший вариант.

— Не суть. Ты историю — то расскажи до конца, а то, вдруг там в конце, нет — нет, да значилось выкапывание сокровищ.

Маша сдалась и окончательно напялила на себя пиджак, просовывая руки по рукавам.

— После того, как Анфиса Игоревна увидела дочку, она бросилась на монстра с кулаками. Тот, под этим делом, протащил её к камину и держал там, пока она сгорала живо. Похоронил он их на заднем дворе. Бухой напялил на бедняжек их любимые наряды, видно, пытаясь так загладить вину перед самим собой. — она говорила с абсолютно монотонным лицом, словно, имела дело с этим каждый день.

Хотя, кто знает, думалось Ване, быть может, и имела.

— Так, и? — он не хотел показаться глупым, но совершенно не понял намерений подруги.

— Люди остаются после смерти среди живых по одной причине и у каждого она разная. У Ангелинки причина в том, что её мать мучается от маломерных туфель, что идиот нацепил на ноги жены. А Анфиса от того, что обувь жмёт. Я тут, чтобы снять чёртовы туфли с ног бедняжки.

Ванька одобрительно закивал:

— Круто, круто. — признал он — Окей, сделаем всё по красоте, не волнуйся даже. Получается, прав был Колян. Выкапывать нам всё же сегодня предстоит. — шутка осталась незамеченной.

Глаза Маньки расширились с каждой секундой возникшего молчания.

— Что такое, призрака увидала? — съязвил Ванька.

— И не спросишь, зачем я это делаю, для чего?

Парень пожал плечами:

— Ну, делаешь же. Значит надо. Мне без разницы, если честно. Я своим всегда помогаю. Кредо у меня такое, так сказать.

Теперь Машка смотрела на друга с какой — то детской благодарностью, как когда ты покупаешь ребёнку дорогую куклу, которую он так хотел и совсем не ожидал получить:

— Спасибо.

Рыжий, растирая по всему лицу слёзы, направился обратно к Ваньке и Маше.

— Я готов. — сказал он, замедляя шаг при приближении. Он мельком посматривал, чтобы расстояние от него до девицы, оставалось на расстоянии вытянутой руки.

— Я с Машкой пойду по делам. А вы с Саньком, давайте, отвлеките всех. Хоть по потолку ходите, но чтоб ни одна пара глаз на задний двор не проникла. Андэрстэнд?

Коля молча кивнул и, выдохнув, вернулся к Сашке. Перекинувшись парой слов с брюнетом, подхватил того за руку, и они вместе направились к красивой мраморной лестнице, что завершалась такими же мраморными дверьми.

Величественный особняк предваряла та самая площадь с фонтаном, где и происходило обсуждение плана. Это был специально выкупленный дом, всеми живущими в данном районе, дабы проводить там званые вечера. Он не был ограждён изгородью, но в то же время, в него было весьма трудно попасть без приглашения. Повсюду мелькали красные огоньки камер.

— Безвкусица. — осматривая вход, объявил Сашка.

К удивлению друзей, охранники пропустили их с распростёртыми объятиями. Один чуть ли не руку пожать лез.

— Кстати, как эти троглодиты пройдут внутрь столь презентабельного собрания? — наблюдая издали за знакомой парой, поинтересовался Ванёк.

— Да это легко. Я раньше тут бывала, и пустила клич по знакомым, о приезде двух завидных партий, для местных скряг. Тут женщины похотливые и совершенно не жадные до денег, так что, удочку быстро заглотили. Был дан указ: всех молодых и красивых лелеять, и ни в коем случае, не задерживать.

— Я снимаю шляпу. — Ванька изобразил, как приподнимает козырёк — Думал, что ответишь, мол, поколдовала.

— Почему ты отправил их туда, а сам со мной пошёл? Я думала, что компанию мне составит...

— Санька? — Иван поднял взгляд к небу и неловко улыбнулся. Заметив, что девушка не особо отреагировала на такую задумчивую мину, решил всё — таки объяснить — Санёк у нас личность импульсивная. Его выбило из колеи, что ты отдёрула от него руку. Вот и всё. Он — дитя, пусть и вполне похотливое.

Машка молча двинулась в сторону заднего двора.

Он представлял собой огромный парк. Огромный, учитывая размеры садов у бабушки в

деревне. Высокие деревья были рассажены в шахматном порядке, имитируя небольшой лесок. На кронах красиво развешаны гирлянды, мерцающие жёлтым светом. Через каждые три дерева, в промежутках, стояли скамьи, с резными подлокотниками и мягкими бордовыми спинками. Весьма странное решение, надо сказать.

Компания виляла меж деревьев довольно быстро, иногда они бежали трусцой, замечая лишние звуки. Какое же это было забавное зрелище, особенно, учитывая наряд Мани. Топиарное искусство на территории было практически везде. Кустовые крокодилы, змеи и лебеди заполнили всё пространство, создавая непринуждённую атмосферу. Задний двор был под стать белоснежному особняку.

— Вон там. — Манька кивнула на пышную берёзу в самом конце участка. Зелёные листья оставались на ветвях дерева, даже, несмотря на выпавший первый снег. Остальные казались куда более лысыми.

Прокравшись меж зелёных фигур, они добрались до места назначения.

— Ё — моё! — шёпотом воскликнул Ваня — А рыть чем будем?

Машка осмотрелась.

Из — за древесного ствола приветливо выглядывала деревянная ручка.

Девушка обошла друга, и, аккуратно схватившись за деревяшку, потянула на себя. Перед компанией предстали грабли.

— А что, собственно, я мог ожидать. Не рыть же могилы лопатами? Это слишком просто. — запричитал Ваня и отобрал инструмент — Где копать — то?

Машка подошла вплотную к дереву. Спорить с намерениями друга она не стала. Как говорится, дают — бери, бьют — втащи, или беги, или замри? Не суть.

Встав прямо под «плачущей» кроной, она опустила голову:

— Наконец — то, я тут. — тихо сказала ведьма. Развернувшись к парню, девушка вытянула руку вперёд и указала вниз — Здесь.

Вано принялся за раскопки. Он не проронил ни слова, будучи сосредоточенным на задании.

Мария тоже не была особенно говорливой в это время, правда, и тишина, сейчас начинала казаться удушающей. В голове крутились образы расправы над Ангелиной и её матерью. Бедные — бедные люди... Они не заслужили такой судьбы.

Прошло примерно десять минут, прежде, чем блондинка решилась на освобождение от шумных сцен в голове:

— От чего ты, даже зная о красоте мира, не видишь его красивым?

Ванька прервался, и вытянув рубашку из брюк (она была заправлена), подтёр ею пот со лба.

— Это ты о сигаретах? Ёлки — палки, давай чё попроще, я не знаток. — парень возобновил работу.

— Ну, всё же ответь. — не отставала Маша — Я настаиваю. Всё — таки, подобное пристрастие чревато для лёгких и мне интересно почему ты осознанно продолжаешь себя губить? Ведь даже зная о ценности жизни, ты себя убиваешь. Мне интересно, почему так.

— Я вижу мир таким, каков он есть. Ни приукрашиваю. Через свою призму смотрю, понимаешь? Так правильно, я считаю.

— Призму? Это как?

Ванька остановился и оперившись на ручку грабель, вытащил пачку сигарет. Он достал одну и ловко поджёг её, невесть откуда взявшей, зажигалкой.

— Ну, вот смотри. — он выдул клуб дыма — Вот, я, например, тебя сейчас вижу мутной и расплывчатой. — Иван разогнал облако, помахав перед собой — А сейчас, я снова тебя вижу такой, какая ты есть. Красивой привлекательной девушкой. Вот, дым — то, и был призмой.

— То есть, призма — это то, что человек сам создаёт и смотрит через это, пока не надоест? — выдала ведьма.

Ванька слегка замер:

— Ну, типа того. — делая затыг, одобрил он — Ну, скорее, правда, не совсем так. Ну... Да нормальным я вижу мир, чё ты докопалась вообще. — парень снова принялся копать. Теперь он делал это в два раза усерднее.

Машка пожала плечами:

— Я искренне не понимаю, почему люди при жизни хотят умереть, а при смерти столь желают жизни. Из — за пресловутой призмы? Из — за того, что они сами себе выдумали?

Парень повторил жест плечами, и хотел было ответить, но почувствовал жжение на губе. Он быстро выбросил окурок. А Машка ловко его затушила. Командная работа!

— Привычка такая. — парнишка стал ещё быстрее работать граблями — С чего ты, Фея, вообще взяла, что призма, через которую я на мир смотрю, какая — то «не такая»?

Маша улыбнулась:

— За фею спасибо. А так, да люди тебе подобные, мир серым видят, а не разноцветным. Чёрно — белым, во. Всё одно. И коль уж ты сказал, что призма — это то, что люди сами выбирают, мне хочется узнать: почему.

— Какая ты прилипала. — почти шёпотом высказал Ваня — Но ты же прям считаешь, что моя точка зрения, которую я тебе несу — неправильная.

— Да не говорила я, что она неправильная! — вскипела ведьма — Просто спрашиваю, почему ты так выбираешь?

— Вопрос «Почему ты так выбираешь?» подразумевает под собой «Почему ты выбираешь не то, что выбираю я?», правильно я предполагаю? — уточнил Ваня.

Маша призадумалась:

— Вовсе нет! — чуть погодя, выпалила она — Не делай из меня ребёнка! Я умею принимать чужие взгляды!

Блондин, слегка лукаво улыбаясь, снова пожал плечами.

— Ну, коль так... Мне почему — то захотелось объяснить, можно? — он посмотрел зелёными глазами на надувшую губы Маньку. Та, заметив это, смутилась и кивнула — Я женился недавно. Месяц знакомы, а уже женаты. Как считаешь, не глупость ли?

— Я, однажды, чуть не вышла замуж через неделю. Ничуть не жалею об этом своём решении. Потому как, оно не свершилось, и преподало мне урок.

— А мы вот поженились. — парень снова полез в карман. Он вытащил коробку из — под сигарет и тряхнул ею. На ладони что — то блеснуло. Маленькое и круглое — Кольцо. — он протянул предмет чуть подальше, чтобы рука попала под свет от огоньков. Машка разглядела чёрное обрамление и какие — то символы на стенках аксессуара — За пятихатку взял. А её колечко, чуть подороже будет. Но не суть.

— Начало интригует. — разглядывая ладонь, призналась блондинка.

— Вот, смотри какое дело. У нас с ней призма разная, а взгляды сходятся. Только я вижу мир, как ты говоришь, чёрно — белым, а она цветным.

— Так, вопрос — то был в том, зачем выбирать видеть мир чёрно — белым, когда

можно видеть все краски?

Ванька убрал кольцо в пачку, а ту, обратно в карман:

— А суть мира от того поменяется?

— Так, да! — воскликнула Мария. Она быстро прикрыла рот, вспомнив о конспирации.

— А как это так, если у меня только цвета добавятся?

— Ну... Мир — то красочнее станет, красивее! — доказывала девушка — Приятнее что ли... Разнообразнее, во!

Парень кивнул:

— А у меня от калейдоскопов всегда голова кружилась. Так, что же мне теперь, смотреть на разноцветный мир и в обморок каждый раз падать? — Грабли возобновили ритм раскопок. Земля полетела в разные стороны — Я тебе, что хочу сказать, Маруся. Люди выбирают видеть мир таким, каким он им нужен. Именно нужен. Жена моя, например, видела в кольце признак моей любви. Пока не потеряла. Расстраивалась, плакала. А когда я у неё спросил, что она всё — таки потеряла: кольцо или любовь? От чего так убивается? Ответила: «Ну, кольцо! Так, оно ведь красивое было!» Оно изначально для неё было просто предметом, но выбирала она его видеть признаком любви. Зачем? Да кто знает. Вот какова её призма была до того, пока она не признала, что на самом деле притворяется. Нацепила совсем чужую и давай балдеть.

А для меня, кольцо всегда было странной фигнёй, на которую люди тратятся зачем — то. Но я, взглянул с точки зрения её, согласился на покупку, а потом и носить, потому что... Ну, вот, потому что.

Понимаешь ли, в чём дело. Призма — это не только то, что люди создают и через что хотят, а я подчёркиваю, именно хотят, видеть мир. Призма — это то, что люди выбирают сами. Я выбираю серый, потому что не люблю цветной. А моя любимая, выбирает разноцветный, так как, не переносит чёрно — белые оттенки. Скучно ей. Иногда, сам того не замечая, выбираю чужую призму, потому что, она кажется лучше. Но потом всё равно к своей возвращаюсь, к своему мнению.

Так, ведь это не значит, что точка зрения у людей должна меняться с изменением «налёта» на взглядах. Она кольцо пусть видит, как побрякушку в своём разноцветном мире, зато там же, меня она видит, как своего мужа. А я в своём сером, вижу кольцо, знаком своей зрелости и, вместе с тем, её своей женой. Суть того, кем мы друг друга воспринимаем, не изменилась от того, под каким цветом мы смотрим на вещи. Да и вообще, по моему мнению, во взаимоотношениях главное — понимание и компромисс. А дальтоник ты или, напротив, видишь более, чем надо — это дело последнее.

— Так, получается, ты видишь мир таким, потому что, осознанно это выбираешь и хочешь?

— Да. — кивнул товарищ — Только, ты правильно сказала, осознанно. Я сам это выбираю и сам могу поменять призму, когда захочу. Вот, к примеру, с теми же сигаретами. Сменю я на них «фильтр», буду видеть, как каку, что изменится — то? Ты не гляди, что я при тебе часто курю. Обычно, я выкуриваю не более одной в неделю. Бросаю, так сказать. Жена — то, тоже беспокоится. Но через её глаза я на эту убивающую фигню всё равно не посмотрю, потому как, для меня, сигареты — способ успокоиться. А для неё, вонючка.

Но я — то в своём сером мире, курю с тринадцати, а она, в своём разноцветном, ни разу такого не делала. Нам это не мешает искать компромисс. Она пришла к тому, что согласилась на моменты тяжёлые, и что при них, мне легче успокоиться именно с сигаркой

в руке. Ну, а я, в свою очередь принял её желание носить кольца. Компромисс типа. И так, каждый день.

Так что, я считаю, когда человек сам собой руководит — оно и верно, и не за чем его спрашивать, почему он курит или ещё что делает. За собой следить надо.

— Поняла. — Машка почувствовала себя школьницей, которую отчитали за прогул — А ещё, твои сигареты — это привычка, от которой ты совсем не хочешь избавляться, потому что, дурак. Угадала?

Ванька устало выдохнул:

— Да, угадала. — согласился он.

Девушка довольно улыбнулась.

Такого бессмысленного диалога и одновременно, её саму весьма удовлетворяющего, давно не было. С воскрешения Эдика вроде... Эдика.

— А как там Эд, кстати? — поднимая глаза в небо, поинтересовалась ведьма.

— Да нормально вроде. Страшно, конечно, что твоя сестра — киборг может к нему наведаться, но я считаю, мы что — нибудь придумаем. — зубья грабель за что — то зацепились. Машка подбежала к другу.

— Нашёл! — восторженно проговорила Маня.

— Нашёл. — не отрывая шокированного взгляда от гроба, согласился парень.

Время 12:10.

Врачи собирали целые экскурсии со своими коллегами, когда по больнице прошла новость, что все мои кожные покровы восстанавливаются с нереальной скоростью. По сей день, меня называют лейкотропом из — за быстрой регенерации. Поделюсь с тобой, мой милый читатель, всё ужасно чешется!

— Скоро и бинты с трубками снимут! — поправляя моё одеяло, вещала Маринка — Давай потом в кафе сгоняем, там всё ещё работает та бариста, представляешь? Правда, она, вроде, теперь администратор. Ну, ничего! Она тебя точно узнает!

Солнце заливало всю комнату, превращая мою палату в рай на земле. Давно я не замечал такой красоты в повседневной жизни. Два месяца назад, я сидел в своей грязной квартире и знать — не знал, что можно спать не только днём. А месяца три ранее, вовсе думал, что стравлюсь алкашкой, и был рад перспективе помереть в том самом «Поберуне». Всё теперь кажется таким нереальным, а я вижу себя трусом. Обыкновенным трусом, который чуть не бросил такую прекрасную сестрёнку.

Маринке скоро пятнадцать лет, и сейчас она становится всё больше похожей на нашу мать. Такие же шатенистые волосы, правда, её, немного отдают рыжеватым отливом. Мы всегда смеялись над родителями, спрашивая, где тот самый конопатый, который убил дедушку лопатой. А они смеялись, глядя на нас, и уходили дальше по делам: мама готовить, а батя что — то ремонтировать.

Удивительно, они всегда знали, чем заняться. И я уверен, будут знать.

— Ну, что ты молчишь? — издеваясь, спросила Маринка — Язык проглотил? — девочка прыснула смехом, и пошла поправлять зелёные больничные занавески. А каламбурчик — то у неё, мой.

Даже противный писк долбанного аппарата, который настойчиво впаривают моим родителям (с расчётом на то, что я останусь овоще — базой, видимо), не нарушает идиллию момента. Я чувствую себя просто прекрасно.

Сегодня, к моему удивлению, никто из друзей не пришёл. Но мама с папой с лихвой восполняли их отсутствие. Мамочка моя постоянно поправляла мне подушку, взбивала её и аккуратно (хотя, конечно, моей боли это не умоляло), прикладывала меня обратно. А папаня, смотрел рядом со мной свои футбольные матчи. Мы частенько этим занимались, пока я не переехал, и не замкнулся в себе:

— Ну! Ну! — заорал отец на всю комнату. Он только — только вошёл, и уже навёл шуму. Сестра недовольно шикнула на него, заставляя замолчать.

Батя прошлёпал в бахилах к моей кровати, и в очередной раз, присел на табуретку рядом с изголовьем. В руках у него был телефон с новым матчем каких — то футбольных команд. Мои глаза улыбались, папа это определённо знал. Я уверен. Кажется, он забыл, что я не особо увлекаюсь темой спорта, но меня это вполне устраивает. Я безумно соскучился.

—
Время 14:20.

Мама сидела и тихонько читала мне новую книгу. Она сказала, что это лимитированное издание Достоевского, но судя по тому, что там постоянно говорилось о сексе и наркоте, кажется, она наткнулась на книжных мошенников. Интересно, она сама замечает о чём

читает?

— И когда он медленно спустил свою руку ей в трусики... — женщина моментально покраснела — Да что ж это такое?! — она с силой вырвала страницу — Просто иуды! Иуды в натуральном виде!

Отец вздрогнул. Он прикорнул на кресле в конце палаты, поэтому испугался, когда его вырвали из сонного царства, подобными воплями.

— Блин, Ленка! — крикнул он — Чего вопишь?!

Родители быстро переходили на крик и также быстро успокаивались. Я всегда сравнивал это с выбросом чернил у кальмара. «Раз» и всё.

— Так, какую чертовщину я читаю! — она перевернула книгу и начала вглядываться в обложку. Слегка поддев ногтём отходящую бумагу, она сорвала название «Записки из мёртвого дома», оголяя второе. Настоящее. «Я буду любить тебя страстно». Мать сорвалась. Она начала кричать матом и желать «всего самого наилучшего» тем, кто продаёт подобные книги в три дорога. Понятия не имею, как она вообще вышла на этих идиотов.

— Так, Ленка! Ленка, ядрёна вошь! — отец недовольно смотрел на маму — Ну, чё орёшь? Ну, чёрт с ними! Чё разоралась?!

Я был так сильно доволен этой ситуацией. Ты не подумай, читатель, я не желаю расстройства матери или взбучки предков, как таковой. Но эти их мини — ссоры всегда так забавно выглядели... Хотя, какая там ссора, так... Выяснение отношений.

— Ну, неправильно же это, Тём! — не успокаивалась мама — Ну, неправильно так с людьми поступать! Настоящие твари, я считаю!

Папа подошёл шаркающим шагом к разъярённой матери. Он раскрыл руки для объятий и маманя, ещё немного попричитав, медленно к нему подошла, утыкаясь головой в его широкую грудь.

Это, кстати, был их жест примирения. Да и наш с Маринкой. Семейная традиция.

— Я не могу, Тём... — погрузившись в свои воспоминания, я совершенно упустил из виду изнурённые лица моих родных. Только сейчас я услышал заветные слова — Не могу уже...

— Ну — ну, родная. — папа гладил жену по голове — Справимся. Кофейку, поди, бахнем с тобой, красавица моя?

Мама посмотрела заплаканными глазами на меня, она попыталась сделать это незаметно. Она попыталась.

— Да, думаю, стоит. — возвращая взгляд к мужу, согласилась она — Сынок, мы скоро! — Голос дрогнул. Матушка моя вышла, не посмотрев на моё безропотное тело. Как только её ноги коснулись коридора, я услышал всхлипы. Они начали отдаляться по мере того, как удалялись мои родители.

Маринка ушла час назад к репетитору, в этом году она сдаёт ОГЭ.

Я снова остался один. Самое время порассуждать над сущностью бытия.

—

Время 17:40

За окном уже стемнело, но розовый закат, что красиво отливало на моих бинтах, компенсировал столь быстрый свой уход.

Родители до сих пор не вернулись, а я от чего — то, впал в какой — то лабиринт из мыслей. Меня всё ещё волновала та Седоволосая, что прыгнула на атрофированного человека. В здравом уме такое никто не провернёт, хотя, справедливости ради, и из окна

выпав, никто не пропадёт, будто его не было.

Я не параноик, не верю во всякую потустороннюю чушь, но это не давало мне покоя. Кто она? Что она? В опасности ли мои родные и близкие из — за этой сумасшедшей? Может, это вообще розыгрыш от этих придурков, как в том парке?

Парке... Каком парке? Приснилось что ли? Бред.

— Я тут! — Маринка вбежала в палату, словно кузнечик. Она пропрыгала ко мне и, чмокнув мою щёку, представила поближе стул — Я тебе сейчас так — о — ое расскажу! — присаживаясь, оповестила она — Ну, слушай!

И я действительно слушал. И что для меня по сей день удивительно, слышал. Мне нравилось то, что она говорит. Раньше это казалось полной бессмыслицей, но сейчас просто песня Леля какая — то. Я в таком восторге от рассказней про её сплетниц, что это меня пугает. Когда всё закончится, не подамся ли я в подружки своих парней?

— А потом она мне и говорит!..

И говорит, и говорит. Маринка вообще любитель поболтать, чему я теперь несказанно рад. За последние дни я успел узнать, читатель, записывай:

Что такое краш. Оказывается, это не современная группа последователей «КиШ» (Да простит Горшок меня за эту интерпретацию)

Что делать, если тебе игнорят. Представляешь, читатель, оказывается, нужно забить!

Как быть, если тебя абьюзят. Ты знаешь, что такое абьюз? Вот и я не знал. Ты почитай, читатель, интересная штука, оказывается.

Как часто газлайтят детей в школе. Я в шоке с разнообразия слов, которые у моей сестры имеются. Что, твою за ногу, это такое? Что за фрукт, с чем его есть?

— Вот, если ты пошутил у себя в голове про фрукт, — вставила Маринка — то секи. Ты меня газлайтишь.

Я удивлённо распахнул глаза. Насколько же хорошо она меня знает? Сколько я вообще пропустил? Она ведь только недавно писклём мелкой бегала. Да что же это!

Время 19:10

Родители принесли торт. Конечно, не то, чтобы я его мог попробовать, но они сказали, что это мне. Прикольно маленький десерт с изображением ромашки посередине.

Мама аккуратно его распаковала и нарезала. Протянув каждому по куску, семья приступила к трапезе:

— Не бойсь, Эдик! Я тебе потом ещё куплю! — обещала Маринка — Я на работу иду устраиваться! — весело объявила она.

«В пятнадцатилетнем возрасте?»

— В пятнадцатилетнем возрасте? — озвучил мои мысли отец — Ну, что же. — он сунул ложку в рот — Похвально, шпулька.

«А как же экзамены?»

— А с экзаменами не тяжело будет? — теперь мама переняла на себя инициативу телепата — Как собираешься заканчивать школу?

Маринка моментально погрузилась. Плечи её ссутулились, а лицо более не блистало тем энтузиазмом, что был в самом начале.

— Нет, я же не против. — начала маман — Я говорю просто, что может быть тяжело.

— Всегда тяжело. Всем тяжело.

Опаньки, начинает огрызаться. Это плохо.

Знаете, как работает включение режима «Ненавижу своих родителей»? Через их фразы:

«Я хочу, как лучше».

— Ну, дочка, мама права. Мы же, как лучше хотим.

В яблочко, бать.

Маринка резко подскочила и психанув, выбросила кусок только — только отрезанного торта прямо в урну. Мать закатила глаза:

— Что за выходки?! — женщина подскочила следом.

— Да я вам же, блин, помочь хочу! Да вы же сами не верите, что Эд после такой аварии, блин, встанет! Пелёнки — распашонки, кресло инвалидное, а сиделки?! Я вот зашла посмотреть, сколько стоит в день сиделка! Да вам не в жизнь не потянуть без моей помощи!

Я округлил глаза.

Не от того, что был удивлён сказанному. Конечно же, нет. Осуждать за страх потерять близкого или потеряться в близком, это не причина для осуждений. Я был удивлён той спеси, что вырвалась из младшей сестры. Девочка быстро краснела, оголяя правду и искренность своих слов.

Родители, глядя на дочь, молчали. Даже мама, имеющая способность моментально ориентироваться в подобных ситуациях, была растеряна. Я часто устраивал истерики из — за бесполезных причин. И сейчас жалею. Но разница в том, что Маринка, будучи примерной дочерью, сейчас кричала на родителей по причине моего состояния. Это не одно и то же, в сравнении с отстаиванием своих долбаных прав, погулять с друзьями и обязательно до двенадцати ночи. Это куда больнее.

Мать попыталась приблизиться к дочери:

— Не подходи! Лучше не подходи! — Марина, цепанув рюкзак с вешалки, выбежала в коридор. И я уверен, читатель, по улице она летела в бахилах. Я знал, что она чувствует. Я же только недавно вышел из этого возраста. Обиду за то, что не верят в неё. Не признают. Моя милая девочка, если бы я только мог сказать тебе, что ты всё делаешь правильно. Я обещаю, сестрёнка, я выкарабкаюсь. Я сделаю всё, чтобы встать на ноги. Ты накопишь деньги себе на машину, на Универ, но я не позволю этому миру заставить тебя тратить деньги на моё жалкое «доживание», если такое и предстоит... Я обещаю тебе, моя милая сестрёнка. Я обещаю.

Время 21:23

Я ясно видел эти цифры на часах, когда спина неприятно зачесалась. Чёрт побери, и ведь дотянуться никак. Губа потянулась вверх, я издал сдавленное мычание.

В палате кроме меня никого не было. Родители поехали домой, полагаю, разговаривать с Маринкой. Зуб даю, там они её не обнаружили. Она пошла к своему бойфренду, Артёму. Удивительный человек, кстати. Передаёт мне каждый раз оригами в виде птичек. Все фигурки, в последовательности даты появления, гордо выставлены на подоконнике.

Зуд начинал меня безумно раздражать. Как будто, комар кусал в одно и то же место. Какой кошмар! Только снимите с меня эти долбанные гипсовые кандалы и покажу вам, кто в доме хозяин.

Внезапно, за мутным стеклом входной двери, появился силуэт. Я напрягся.

Ко мне постучали. Я оценил шутку, но читатель, согласись. Она довольно злая.

— Согласна, злая. — в комнату вплыла та самая мадам, что растворилась по волшебству, выпав из окошка — Опять сам с собой общаешься?

Я в темноте палаты никак не мог рассмотреть лица говорящей, девушка со скрипом протащила табуретку и поставила напротив меня.

— Ну, Эд, как поживаешь? — лунный свет будто избегал лицо незваной гостьи. Я был не в состоянии рассмотреть её — Ты знаешь мою дорогую Мару, дитя.

Ничего не понимаю. Дитя? Сколько лет этой даме?

— Поверь, сколько мне лет, тебя волновать не должно вовсе. — женский силуэт приподнялся и начал приближаться ко мне — Понимаешь, тут такое дело. Тебя тут быть, явно, не должно. — поднимаясь рукой вверх по одеялу, оповестила нечистая. Когда она дошла до моей груди, женские пальцы принялись отстукивать ритм по забинтованной поверхности — Ну, так. Какой выход?

Из палаты.

— Шутник! — девушка рассмеялась. Наконец, я рассмотрел её лицо. Юное. Бледное. Наивное. Прямо, как у Маринки. Глаза... Глаза... Не могу никак увидеть её глаз. Темнота намеренно их укрывала под своим крылом. Волосы седые. Да, это точно она. Нет, читатель, я не сомневался. Я лишь слегка надеялся на ошибку — Более, ошибок, Эдуард, не будет.

Она медленно приблизилась к шее. Мощная хватка настигла меня, словно хищник жертву. Я почувствовал, как начинает жечь кожу. Резко незнакомка отдернула руку:

— Вот стерва! — воскликнула она — Ну, раз физически тебя не добить! — Седоволосая выставила руки вперёд.

Боль. Какая неопишуемая боль в сердце, словно его кто — то сжимал внутри. Меня начинает рвать на части от осознания скорой кончины.

Как же так? Что я такого сделал? По какой причине всё происходит именно здесь, именно со мной? Нет — нет, читатель, причины, наверняка, есть. Конечно, есть! Я врал, блудил, бухал! Но за что?! ПОЧЕМУ Я?!

Страх. Он накатывает волнами. Не могу справиться с этим. Как справиться с этим? Слышу свой крик.

Потерять их снова... Потерять их навсегда. Что за мука?! Что за мука, дать надежду и отобрать её следом?!

Я люблю вас, мама, папа! Люблю тебя, Маринка!

Вспышка.

Темнота.

Боли больше нет.

Открываю глаза. Сквозь сонную пелену едва ли могу различить людские силуэты. Моргаю.

Вдох.

— Маня? — тихо спрашиваю я.

Блондинка ошарашенно всматривается в моё проявляющееся тело:

— Эдик?

Возле берёзы теперь стояла пара чёрных туфель. Ванька быстро закапывал руками вырытую яму, потому как, где — то пять минут назад, ребята дали отмашку: Бал завершился, ужин окончен, пора валить! Толпа по частям выходила из здания с многочисленных дверей. Люди расходились в разные стороны, образуя целую сетку.

— Не успеем! — притоптывая землю, шипел Ванёк — Чёрт побери!

Машка вернула грабли на прежнее место и приложив указательный палец к губам, кивнула вперёд. Блондин повиновался и перевёл взгляд.

Впереди, совсем близко, среди кустарных крокодилов и зайцев, обжималась молодая пара. Руки молодого человека то и дело пытались залезть под короткое платье. Девица, часто хихикая, в шуточной манере, убирала руку поклонника.

— Хватит, Роберт, хватит! Что вы такой неугомонный? — поправляя лямки платья, удивлялась дьяволица — Ну, что же вы!

— Я сгораю от своей любви к вам! — на ломанном русском, объяснялся парень — Дайте же мне! Дайте мне вашу...

— Жсть. — шёпотом констатировал Ваню — И долго нам так сидеть? Пока они не угомонятся?

— Дело — дрянь. Телефон есть?

Блондин, немного постукав по карманам, протянул мобильник подруге. Та, набрав какой — то номер, сказала только одно слово: «Можно», и по всему объекту в миг включилась пожарная тревога. Любовники, испугавшись, сорвались с места. Примечательно, что, когда девушка споткнулась, парень, махнув рукой, побежал дальше. Это позабавило Ваньку и он, будучи, человек весьма искренним и далеко не «этичным», громко заржал и стал показывать пальцем. Машка, отвесив ему подзатыльник, затащила неугомонного товарища в кусты. Похотливая самка, в то время, недовольно оглядевшись и, никого не приметив, рванула дальше. Ваня еле — еле сдерживался, чтобы не издать лишнего писка, наблюдая, как деваха неуклюже спотыкается о расстёгнутые ремешки на туфлях.

Всех присутствующих, кто ещё оставался на территории особняка Лешего, тут же собрали на главной площади, возле фонтана. Маша и Ваня, под шумок, подбежали поближе, и быстро отыскав друзей, прокрались к ним. Те удивлённо рассматривали потного и грязного Ваню, и совершенно чистую Машку. Даже пряди, что казались растрёпанными, остались на прежнем месте.

— Дай, угадаю. — сверля взглядом пиджак друга, начал Саня — Ей стало холодного, и ты великодушно ей помог?

Ванька кивнул:

— Сука! — Санька тут же рванул с места, но Коля быстро спохватился, и захватил бронека «в замок» — Я те морду набью, только погоди, пададь!

— Это часть представления? — озираясь на перешёптывающуюся толпу, уточнила Маня.

— Да кто ж его разберёт.

Маша, смикнув, что действие может быть чётко продуманным планом ребят, решила не упускать столь выгодного момента для проявления своей эпатажности. Она демонстративно приспустила пиджак с плеч, заставляя мужскую половину обратить на себя внимание, и

гордой походкой направилась к Александру. Тот, слегка успокоился, заметив подругу, но орать всё равно не перестал.

Блондинка руководила мужчинами одним своим взглядом, заставляя расступиться перед ней. Женская часть присутствующих, напротив, фыркали и пытались задеть невесту откуда вылезшую выскочку. Добравшись до своего молодого человека, Маня кивнула рыжему, чтобы тот расцепил хват.

— Чё надо? — утирая нос, спросил Санёк. Была в этом жесте какая — то обида, детская и до боли несправедливая. Ведьме резко захотелось устроить скандал, но она во второй раз напомнив себе, что «Зрелость — это ответственность», притянула брюнета за жилетку и аккуратно покрыла его кубы своими.

Толпа ахнула. Где — то вдалеке послышались звуки пожарных сирен. Ванька, спохватившись, подбежал к застывшему Коле и бросив: «Хватай голубков и за мной!», рванул в сторону парковки.

Мария, слегка смущаясь, приоткрыла один глаз и еле заметно отстранилась от брюнета.

— Они все смотрят на нас. — тихо шепнула она.

— И мне это нравится. — Алекс ловко притянул девушку за талию, развернул её на 180 градусов и придерживая за спину, аккуратно нагнулся вместе с ней на руках. Он прошёлся языком по её шее и добравшись до подбородка, резко поцеловал блондинку.

Толпа во второй раз ахнула, а вот Колька знатно ошалел от эдакой страсти, и молча наблюдал за друзьями. Очнувшись от голоса Ваньки где — то неподалёку, который старался ускорить процесс бегства, рыжий вырос на поглощённой друг другом, парой:

— Вы угомонитесь или нет? Руки — в ноги, пара драпу давать! — он с силой отвесил пинка Сашке, чтобы тот, наконец, обратил внимание и на него.

Попытка оказалась успешной и брюнет, выпрямившись, злобно взглянул на Колю:

— Чё надо?

Тот лишь закатил глаза и кивнул на размахивающего возле дороги Ваньку.

Быстро подцепив руку подруги, Алекс рванул было с места, но она резко остановила его порыв. Он обернулся и увидел наполненные ужасом глаза ведьмы. Они всматривались куда — то в пустое место. Даже женская грудь не вздымалась сейчас, заставляя беспокоиться ещё больше.

— Маш? Нам пора. — решаясь разбудить Фею, проговорил Санёк — Уже менты едут, и пожарка, надо лиять. — почему — то, Александр был уверен, что сигналка — это точно дело рук его избранницы.

Мария всё так же стояла, застыв на месте.

Наконец, она вдохнула. Серые глаза моментально наполнились слезами, от чего вся компания знатно удивилась. Даже Ванька, с недовольной миной подходящий, затормозил, замечая вид подруги.

Всё вокруг резко потеряло смысл. Даже ребята, что говорили с ней, в голове лишь издавали непонятные звуки. Она всматривалась в знакомое лицо и не могла поверить глазам. То ли от страха, то ли от ужаса, она совершенно оцепенела.

— Маня? — его голос единственным прорвался сквозь шок.

— Эдик? — словно боясь спугнуть видение, спросила ведьма.

— Я понял, Елена Владимировна. Скоро будем. — Ванька сбросил звонок и с злостью кинул телефон в бардачок. Коля испуганно наблюдал за поведением друга — То есть, как?

Он сейчас здесь, с нами?

Маша медленно перевела взгляд на глазевшего Эда. Шатен непрерывно, с момента встречи, рассматривал блондинку, с ног до головы. Трое друзей: Алекс, Мария и Эдик, сидели теперь на заднем сидении автомобиля.

Девушка медленно кивнула:

— Не знаю, как так вышло. — растерянно сказала она — Почему ты тут? Ты всё? Того? ... — она с надеждой вглядывалась в сапфировые глаза.

— Наверно... — пожимая плечами, ответил Эд. Ему не было сейчас страшно, он снова был в её компании. Пока тело обездвижено лежало на больничной койке, он всё время мучился образовавшейся пустотой в груди, а теперь она исчезла. Даже не так, воплотилась. Вот, сидит, переживает за что — то.

— Да не умер придурок этот, — резко разворачивая машину, заставляя всех вжаться в левые двери, выкрикнул Ванёк — кома у него, ядрёна вошь! Кома, твою мать! Ну, это ж надо!

Маша с облегчением выдохнула, Александр заметив, что девушка не на шутку разволновалась, накрыл её руку своей.

Эдик недовольно осмотрел друга:

— Вы теперь вместе типа? — кивая на руки, спросил он — Меня сколько не было? Неделю?

— Восемь дней тебя не было. — уверенно констатировала Маша — Неважно, ты что последнее помнишь?

Шатен обиженно отвернулся.

Голову резко пробил боль, и он скрючился, зажимая голову в колени:

— Эд?! — Ведьма вырвала руку из Сашкиной хватки — Эдик?!

Алекс заметно помрачнел, скрестив руки на груди, он отвернулся к противоположному окну.

— Всё... В порядке. Вроде. Просто вспомнилось, что ты меня душила. — шёпотом, всё ещё стараясь заглушить боль, признался Эд.

Взгляд с испуганного изменился на ошарашенный:

— Что?

— Душила меня. Пришла ко мне, заигрывала, а потом придушила! — он поднял на неё глаза. Теперь ведьма увидела, парень плачет. Она поджала губы и отвернулась.

— Это была Морана. — поделилась подруга. Её лицо приобрело теперь какой — то болезненный вид.

Ванька начал резко сбавлять скорость и съезжать на обочину.

Остановив автомобиль, он жестом позвал ребят с собой, оставляя Маню в машине. Толпа высыпала на улицу.

— Я её убью. — подкуривая у друга, признался Ваня — Сука, я убью её!

— Кого, её — то? — непонимающе поинтересовался Николая, чем быстро привлёк к себе разъярённый взгляд блондина.

Ребята все успели переодеться, теперь они стояли в обыкновенном для себя стиле. Ванёк в простой толстовке, широких штанах в клетку и тапочках. Колька, в футболке с пони и широких джинсах с кроссами, а Санёк, быстро стянув жилетку, просто набросил своё любимое пальто.

Одна лишь ведьма теперь выделялась из всей пати. Что, собственно, уже становилось

привычным.

— Зачем ты меня задушила? — собравшись с силами, спросила Эд — Я чем тебе так не угодил?

Манька подняла на него испуганный взгляд:

— Это не моих рук дело!

— Да вот и именно, что твоих! — взорвался юноша — Сука, я только ожил! Только подумал, что вот пройду реабилитацию и заживу! Только с Маринкой увиделся, а тут ты! Всё ты! — орал он — Ты просто стерва! Я ненавижу тебя! Да ещё и с Саней замутила! Идите вы к чёрту! — Эд попытался выйти из машины, но быстро понял, что «приклеен» к своему месту.

Маша почти заплакала, но сдержалась:

— Это. Была. Не я. — процедила она, вглядываясь в призрака.

— Вешай лапшу на уши кому другому, я чётко видел тебя и твою физиономию. — не унимался шатен — Это, потому что, вы теперь с Саней, да? Решила не метаться меж двух огней? Я же знаю, что нравлюсь тебе!

Теперь Эдуард резко замолчал и ошарашенно вглядывался в серые глаза. Подруга, застыв, не отводила глаз от живого примера второго пришествия.

— Ты идиот. — констатировала Мария — Я покажу тебе, но шанса забыть у тебя не станет. Если решишься осознать, с кем ты сейчас говорил, то я покажу тебе.

— Я решаюсь. Давно решил. — решительно ответил Эд. Он сам не понял от чего это так быстро выпалил, то ли от стыда за сказанное, то ли от решительности. Зачем? Но пути назад не было, девушка смотрела на него с непривычной и несвойственной ей улыбкой. Нежной и доверяющей.

Она кивнула и медленно подняла свою руку к его лбу.

И он увидел.

Увидел терем с петухами, рассвет, поле. Зеркальце и маленькую девочку. Старого деда, перевоплотившегося в молодого паренька. Мальчишку, что подбадривал юную Мару словами: «Ну, радуется одно. Ты хоть не помрёшь.»

Увидел, как какая — то стрёмная седоволосая орёт на бедную малышку, и орёт что — то странное: «Мара, преемница Богини Смерти, Богини Зимы, ты изгоняешься...»

Куда она изгоняет ребёнка?!

Он увидел и мальчонку, что встретил в лесу сиротку, и даже услышал его имя. Увидел, как он распрощался с сестрой, пытаясь уберечь семью.

Эд широко раскрыв глаза, замер. Он увидел себя, щеголяющего во фраке и уверенно подкатывающего к ведьме.

«Я желаю искупить вину за инцидент тем самым платьем.» — шатену стало от себя противно.

Волосы у него ещё какие — то залезанные, фу!

Теперь Эдик увидел и своё убийство. Та самая мадам! Он увидел её перевоплощение! Один в один с Манькой! Да что за колдовство?! Она убила его тогда?! Зачем?!

Сжигают! Машку сжигают на костре!

Жива! Слава Богу, она жива!

Эд прерывисто выдыхает, замороженный картинками, что мелькают перед ним, словно видеоряд.

«Так ведь, оспа, Марьюшка, она никого не щадит.» — Макар?!

«А оспа, сынок, другой вид давать не может. Как есть, так и выгляжу.» — вспомнилось в голове. Ну, точно, он! Вонючий старик есть брат Машки?!

Он и Томку видел, да только не понял, кто она такая! Оказывается, бабка, что его летать учила и есть!..

И, наконец, он увидел Машку, стоящую на мосту широкой реки.

К ней, откуда не возьмись, медленно подошла Седоволосая, приобняв приемницу сзади:

— Пора возвращаться, Мара. — стараясь быть, как можно ласковее, проговорила она.

Маша молча вглядывалась в отражение. На улице стоял тихий осенний день, так что, по поверхности, кучками, плавали разноцветные листья.

— Повеселилась и будет. Люди тебя недостойны.

— Нет, это мы их недостойны. — тихо отрицала Маша — Я буду тут, пока ты не придёшь, тётя, к тому же выводу.

— Останешься навечно? — усмехаясь, издевалась женщина — Ты богиня смерти, богиня зимней стужи! Не уж это останешься здесь навсегда, Марена? Это абсурд!

Машка наконец оторвала взгляд от реки:

— Я та, кто не позволит тебе более расправляться с людской жизнью, будто это пшик. — тихо проговорила она — Ты разочаровалась в одном человеке, Морана, а не во всех. Но продолжаешь злость свою испускать на каждого. Ты слабеешь, тётя. Придёт и мой черёд править, и я клянусь, что более не дам богам относиться к людям, словно они букашки. Они те, кто дали нам жизнь. Те, кто её питают. Не будет такого, что они запросто будут гибнуть от заноз!

— Настырная девчонка! — женщина сильно ударила приемницу по щеке. Голова девушки осталась ровно в том положении, куда её оттолкнул удар. Она снова смотрела на цветастые хороводы, что танцевали по водной глади.

— Ты не поймёшь меня, Богиня Смерти, Морана. Пока нет. Но придёт время, и ты осознаешь правоту выбора рода человеческого. — медленно процедила Маша.

Женщина с злостью закричала.

Сильный ветер поднял её тело в воздух и укутал метелью.

Мост раскололся на две части. Морана исчезла.

Моя дорогая Фея осталась стоять, наблюдая, за замороженной теперь, рекой «Смородиной».

Я начал потихоньку узнавать местность.

Лес, что стоял возле «Смородины», так сильно напоминал лес, за пустырём. Я бывал там с семьёй, не уж то, это так близко к нам?

Часто ходили слухи, что кто выпьет из начала этой речки — погибает через три дня, а кто выпьет из конца — излечится от болезней. Люди думая, что это простые сказки, шли и намеренно травились. Вызывали туда и Роспотребнадзор, и всякие инстанции, ничего не находили.... Заводов поблизости нет, речку не загрязняют. Сказали, что под ней просто ядовитые рудники, которые, если осушить, перестанут травить людей. Так, никто не осушил. Пытались, да вечно что — то мешало. То насос сломается, то человек убьётся, то экскаватор рабочих вместо берега «зачерпнёт». Чертовщина. Порешили на том, что оградили местность. Но по сей день находятся пранкеры, что сначала выпьют из начала, а потом, дабы обмануть судьбу, из конца реки. Да только, есть, как минимум три видео, что подтверждает принцип: Судьбу не обманешь. Люди, как только касались конца, дабы исцелиться, падали тут же замертво.

— Нельзя обмануть смерть, если смерть не захочет твоего обмана. — тихо проговорила Маша, возвращая меня в реальность.

Я быстро проморгался, удостоверившись, что всё ещё в машине. Не справившись с собой, обнял подругу и быстро начал проговаривать «Извини», по малой мере, раз сто. Она улыбалась и молчала.

Именно в этот момент, в машину завалились и парни.

— Едем в больницу. Пульнёшь Эдку назад, и гудбай, сестра — близнец, я куплю ствол для защиты этого идиота. — оповестил Ваня.

— Это вы сейчас придумали? — выпрямляясь, спросила Машка. Теперь рядом с ней присел Коля, Алекс молча уселся на переднее сиденье.

— Не подумай, просто с Эдиком захотел побыть. — оповестил рыжий.

— Он ревнует. — поделился Эдуард — Глянь, как нога дёргается. Санно ревнует к призраку. Кому расскажешь — оборжуться! — издевался он.

Маша закатила глаза.

— Высадите меня на пятом километре Дубровского, мне нужно кое — куда пойти. Ствол не понадобится, пора решить раз и навсегда проблему с сестрой.

— Ты сказала им, что это твоя злая сестра — близнец?

Машка шикнула на друга.

— Я отказываюсь. Поедем вместе куда тебе надо, но сначала Эдика воскресим. Елена Владимировна себе места не находит.

Ведьма поджала губы:

— Дайте мне два дня, и я верну Эда в ваш мир, но позвольте решить всё самой.

Ванька врезал с размаху по рулю, заставляя всех присутствующих вздрогнуть.

Чуть погодя, он молча завёл машину и поехал в сторону пятого километра Дубровского.

Девушка, постоянно спотыкаясь о ветки, неустанно пробиралась сквозь кусты.

Когда её с Эдиком высадили в нужном месте, она, совершенно забыв, что у неё есть сменная одежда, выпорхнула из машины в лес и была такова.

— Как долго ты продержишься на шпильках? — рассматривая женский образ, спросил Эд.

Его напрягла ситуация в машине, и вместе с тем, он узнал куда более важную информацию, чем отношения Машки и Сани. Когда они успели вообще? Издевательство какое — то, честное слово.

— Я продержусь достаточно. — в очередной раз цепляясь за камень, злостно ответила Мария. Поверх платья всё ещё был пиджак, так что, холод начинал пробираться только сейчас, на тридцатую минуту путешествия.

— Я спросил, как долго, не потому что беспокоюсь. А потому, что хочу узнать, куда и зачем мы идём. Беспокоиться за тебя есть кому. — тихо добавил Эд.

Маша психанув, стащила туфлю, одну за одной, и закинула их куда подальше, приводя товарища в нескрываемый восторг:

— Ну, даёшь!

— Да достали уже! И ты достал! — разворачиваясь, начал Машка — «Есть кому заботиться, беспокоиться!» Походу, не Сашка один един с ревностным пристрастием!

Эдуард нахмурился:

— Ты свои речевые обороты для наставницы побереги, а со мной, будь так добра, по — человечески общайся.

— А вы с собой разберитесь сначала, а потом ко мне уже докапывайтесь!

Ведьма зашагала дальше. Она громко сопела, выдавая накатившую злость.

— Мань, — Эдик решился на ещё одну попытку заговорить. Он невольно проводил аналогию с первой встречей. Девушка, вроде, ничуть не изменилась, но отношение к ней совершенно другое — а вот ты мне помочь согласилась, потому что, я на твоего бывшего похож?

Блондинка резко развернулась к говорившему:

— Ещё слово и ты рискуешь больше не воскреснуть! — предупредила она, вглядываясь в сапфировые глаза. Парень, напротив, своего положения не изменил, как не изменилось и его намерение узнать правду. Опять.

— Я просто спросил. — удерживая зрительный контакт, настаивал он.

Серые глазищи сузились, ведьма снова отвернулась и возобновила путь:

— Да, поэтому. — внезапно ответила она — Я не смогла уберечь прошлую твою ипостась от Мораны, постараюсь уберечь эту.

— Скажем честно, с бережливостью у тебя не ахти.

Пара хихикнула:

— И то правда... — разглядывая очередной куст, согласилась подруга — Я уверена, ты понимаешь, что не всегда есть возможность помочь так, как представляется в голове.

Эд кивнул, нагоняя ведьму:

— Ничего не попишешь. Будем работать с тем, что есть.

Они ещё немного посмеялись со всего происходящего, улавливая нотки иронии в

каждом случае. Чуть погодя, вдалеке показалась старая изба, где приветливо горел свет. Мария аж припрыгнула, как увидела домишко:

— Вот оно! Туда мы идём! — указывая на здание, кричала она — Пошли скорее!

Компания рванула с места.

Через три минуты непрерывного бега, они были уже на месте.

Маша развернулась к Эдику:

— Так, только честно, как я выгляжу? — поправляя пряди и приглаживая макушку, вопрошала она.

— Ну, так, будто тебя прожевали и выплюнули. — выдал шатен.

Девушка вмиг приуныла.

Конечно, она выглядела не прям, «с иголочки», но всё же её амплуа было весьма и весьма впечатляющим. Он и хотел ей сказать, что она выглядит просто прекрасно, божественно, чудесно и обаятельно, но внутри сработал рупор и он сам, не зная почему, ответил именно так.

— Честность... Не всегда приятна. — заключила подруга и в секунду, когда Эдик хотел опровергнуть сказанное, она занесла кулак над дверью и постучала.

Внутри послышались недовольные старческие бормотания.

Раздался скрип. На порог вышел старый сморщенный старикан, в серой жилетке. Клянусь, читатель, именно таких людей можно ласково называть «моя булочка», главное не уточнять какая, а то ведь, когда тебя круассаном называют, это не есть приятно.

— Кто тут? — только сейчас я приметил, что глаза старика закрыты.

— Да я, дед Маклай. — с опущенной головой, откликнулась подруга — И товарищ мой, Эдуард... — она замялась — Фамилия у тебя какая?

— Живчин.

— Эдуард Живчин. — оповестила Маня — Я по делу.

— Он же слепой, на кой чёрт ты ему сказала про меня? — мне стало искренне любопытно, читатель, не осуждай меня.

— Я слепой, да не глухой, Живчин. — с уверенной учительской интонацией, подметил дед — Ну, проходите, коль не шутите.

И мы прошли.

И я опалел.

Старая избушка внутри была утыкана стендами с проекторами, где — то висели сенсорные плазмы. Повсюду лежали разобранные новомодные модели телефонов и ноутбуков, а что, самое примечательное, среди всего этого добра, стоял дряхлый деревянный стол, на котором в совершенно не связном порядке, лежали: книги по математике и литературе, выписанные конспекты, скреплённые папки по психологии и атомной физике и, что более всего меня удивило, во всём этом бардаке затисалась банка крафтового пива, что сразу бросилась в глаза. Санёк обычно таким балуется.

— Какое дело, Маньюшка? — хромая, дед прошёл за стол. Он, не задумываясь, сбросил всё на пол, очищая поверхность. Единственное теперь, что осталось на столе — та самая банка.

— Мне надо понять, как человека воскресить, что жив и умер одновременно.

Я икнул. Так, это из — за меня мы сюда шли? А я думал, из — за войны mini и big daddy. Или потту?

— Ответ ты и сам, внуча, знаешь.

У этой ведьмы вообще есть НЕ родственники в этом городе? Хотя, учитывая, что она живёт в нашем мире, вроде, с 1740, это ещё надо умудриться не занять близких связей.

Маша опустила голову. Недолго так постояв, девушка кивнула.

— Да, правда. Знаю. Дашь тогда мне цветочек один, дедушка Маклай?

Дедок по — старчески засмеялся. Ну, знаете, эти лукавые «Хе. Хе. Хе.»

— А ты мне, дочка, что взамен?

То внучка, то дочка. Он разберётся уже или нет?

Ведьма замолчала.

Внезапно, старый, ловко осушив банку, бросил той прямо в мой силуэт:

— Ёкарный ты за ногу, дед! — выругался я — Совсем котелок прохудился, чего кидаешься?!

— Ну — ка, Маньюшка, скажи мне, дочка. Как раньше реагировали на неожиданные события, что человек предугадать не мог?

Блондинка посмотрела на меня осуждающе, что мне даже захотелось извиниться. Но я сдержался. А за что мне просить прощения, за то, что в меня банкой саданули?

— Чур меня. — ответила девушка, возвращая взгляд к деду — Я поняла, Маклай. Я переговорю с ним.

Старик удовлетворённо кивнул:

— А ну, Славушка, неси сюда *kalmia angustifolia*! — выкрикнул он — И захвати с собой кофту с джинсами, Марьюшку приодеть надобно! Ой, коза — а! — он вскочил и «установился» на босые ноги — Ой, горе луковое! И кроссовки тащи, Славушка! Кроссовки не забудь!

Через минут пять в комнату вбежал поцанёнок лет десяти, что притащил всё вышеперечисленное.

Машка, обрадовавшись такой доброте, быстро убежала переодеваться, оставляя меня наедине с старцем.

Я не знал куда себя деть, всё не мог не смотреть на закрытые глаза деда.

— Знаю, что вопрос есть. Ну так, задавай. Не бойся, не кусаюсь. — хозяин избы сложил руки перед собой в замок.

— Вы, сдаётся мне, преподавателем были? — не стесняясь, предположил я слёту. Доски с конспектами и множество умнейших книг рассказывали куда больше, чем сам говорящий.

— Ишь какой, смелый. — усмехаясь, отвечал Маклай — Правильно сдаётся. — кивнул он.

— А сколько вам лет? — с нарастающим любопытством совладать, ой, как трудно, читатель.

— 84 года.

— А зрение как потеряли?

Дедок снова усмехнулся и полез поправить бороду. Слегка её погладив, он начал «расчёсывать» завитки пальцами.

— Про Бога Чура слышал? — спросил он.

Я призадумался. В жизни не знал, что есть такой бог.

— Я, видишь ли, был ярым поклонником Маклая, Миклухо который. Этого ты хоть знаешь? — с надеждой спросил дед.

— Знаю. — твёрдо отвечаю я. Всё прям, как в школе. За интерес — пренебрежение.

Он кивнул.

— Ну, так вот. Коль знаешь, значит, и о роде деятельности его имеешь представление.

Ну, так я по стопам пошёл. Правда, как можешь заметить, недалеко уйти получилось. — он указал, с грустной улыбкой, на глаза — Я как — то раз прибыл с товарищами в Тайгу, мы всё искали интересные растения для своей энциклопедии. Я как раз наткнулся на *kalmia angustifolia*, только потянулся её взять, а тут передо мной мужик вырос и говорит: «Ты растение это не тронь. Оно для другого надобно»

А сам в рванье всяком стоит, никакого там комбинезона или хоть плаща. Тайга всё — таки.

Ну, я и сказал ему пару ласковых, после чего принялся выкапывать растение. Мужик, кивнув, ушёл.

Тут из кусов появляется Мара.

— Вы сказали, Мара? — мне не послышалось? Он знает про тайну Машки?

— Ну, Мара, конечно, а чего так удивляешься? Иль она тебе пока не говорила?

— Говорила. — ошарашенно ответил я.

— Ну, так и не перебивай тогда. Значит, выскакивает и орёт мне: «Не тронь, паразит, цветок! Понадобится мне, а он тут единственный, не тронь, дай мне сорвать!»

Ну, я там вообще чуть по земле не покатылся. Ты представляешь? Я искал растения, чтобы улучшить свою жизнь, чтобы получить признания у родных и на учёной конференции, а мне какая — то девчонка, всё испортить пытается! И ведь именно, для тогдашних времён, редкое растение, стащить пытаются! Ну, и оттолкнул я её.

Тут опять мужик тот самый, первый — то. Говорит: «Руку на богиню поднимать? Нет тебе прощения!»

И вмиг я потерял зрение.

А Марка — то, увидав, что произошло, подбежала, давай извиняться. Да только смысл, от извинений — то? «Дам тебе чутьё на опасность», говорит. И дала. И начал я тогда то, что людям неведомо слышать. Да только, Марка по сей день себя виноватой чувствует, вот я и попытался у неё на старости лет, за тот самый цветок «услугу» выпросить. Авось, получится. — он пожал плечами.

Я не осуждал старика. Я понимал. Единственное, что — то мне всё равно не нравилось в нём.

— А почему Марку не попросили сразу вам зрение вернуть?

Он улыбнулся:

— Умный ты, смышлёный парень. А как думаешь, почему?

— Полагаю, можно было бы сказать, что экспедиция была очень опасная и добиться к себе жалости вперемешку с уважением.

Улыбка старика дрогнула:

— Вот ведь, молодёж пошла. Нам бы ваши мозги...

Из — за угла показалась женская фигура. Я искренне обрадовался, когда увидел, что моя напарница теперь тепло одета.

Розовый бомбер из экомеха, украшенный ромашками, красиво подходил к её глазам и тону кожи. Синие скинни — джинсы, ловко подчёркивали красоту ног, а обувь на высокой подошве, добавляла и так худенькой конфигурации, некий модельный шарм.

Я снова убедился, что меня завораживает ведьма. Аж дыхание спёрло.

— Чё застыл? — она прошла мимо меня и по ношу прошёлся тот самый аромат, что почувствовал тогда. Когда мы обнимались в комнате. Когда я... Воскрес.

— Мань, я... — слова застряли в горле. Не могу понять, как такое возможно. Дух

чувствует запахи? Замечаю, как девушка заметно тускнеет и приближается ближе ко мне. Чёткий конфетно — цитрусовый запах нагло заползает ко мне в ноздри, заставляя наслаждаться каждым вдохом.

— Долго в молчанку играть будем, Живчин? — серые глаза всматриваются в мои с беспокойством. Я ловлю её взгляд на своих губах, она быстро краснеет и отворачивается.

— А ты не фамильничай, — решаюсь перевести тему — мы не в ЗАГСе.

Манька разворачивается и смотрит своим привычным взглядом исподлобья. Миссия выполнена.

— Да запахи он чувствует. — в комнату забегают Славушка, в руках удерживая поднос с едой — Гляньте, как ноздри раздулись. Тут, как пить дать.

Маленький ушлёпок!

Я недоволю насупился, отслеживая каждое движение мальчика.

— Ты. Что? — Машка снова возвращает всё внимание ко мне. Чёрт, Славушка! Вот, угодил, так угодил, гадёныш!

— Я слегка чувствую ароматы. — признаюсь. А как ещё быть? — Совсем слегка. — показываю жест пальцами, уверяя в своей правдивости.

— Не слегка. — расставляя тарелки на стол, отмечает пацан — Вовсе нет. Зачем лукавишь?

— Да ты ж моё золотце! — пытаюсь не выдавать свою злость, говорю я с улыбкой. Наверняка, больше получился оскал.

Манька резко срывается с места и держит курс на входную дверь. Моё тело, само, безо всякого моего желания, плывёт за ней. Не то, чтобы я против, но ощущение так себе.

Она с силой отдёргивает деревянную ручку, и мы оказываемся в ночном лесу.

— Небо сегодня, конечно, закачаешься... — попытка перевести тему, пытаюсь гнуть свою линию.

Сереющие глаза впиваются в меня, заставляя нервно сглотнуть.

— Говори. — командует Маня — Говори, не то, покалечу.

— Угрозы? Угрожаешь призраку? Не забыла, что я...

Она не дала мне закончить. Женская ножка с силой врезалась по паху. Воздух вышел из лёгких самостоятельно, заставляя меня слегка пискнуть. Моё призрачное существо сложилось пополам.

— Так, ты... Ты ближе к жизни, чем к смерти! — она развернулась от меня и судя по виду со спины, начала грызть ногти — Всё ещё хуже! То есть лучше! То есть!..

Она быстро тараторила, перебирая подходящие слова.

Теперь девушка снова сорвалась с места и вбежала в избу.

— Дед Маклай, мы пойдём! — оповестила гостя — Нужно торопиться! Всё не по плану, как всегда!

Старик, недоволю осмотрел меня с ног до головы. Ведьма дверь не закрыла, поэтому сделать это было легко. Он, цокнув языком, что — то сказал Славушке, а сам поднялся и облокотился на стол.

— Я ваше бытие давно изучаю. — зачем — то сказал Маклай — А потому, говорю тебе без утайки, Марена. То, что ты задумала, для тебя опаснее огня.

Девушка молча отвернулась.

— Какое там слово твоё нелюбимое, Маклай? — пожилой мужчина присел обратно. Он выдвинул ящик из стола и достал оттуда сигару. Понюхав свёрток, старик поджёт её

красивой металлической зажигалкой. Я заметил на блестящей поверхности трёхглавого пса с горящими изумрудными глазами.

— Это слово «Надо», Мара. — проглатывая дым, ответил он.

В комнату снова вбежал пацанёнок, маленькими ножками. Он быстро настиг ведьму и сунул ей в руки свёрток. Она, в свою очередь, аккуратно приоткрыла кулёк, и удостоверившись, что содержимое верно, молча вышла из избы.

Мы направились по той же тропке, что и пришли. Теперь ночная тьма была просто невозможно непроглядной. Даже я, будучи духом, постоянно ощущал страх потери жизни в такое время суток.

— Что значит, нужно торопиться? — Страх — страхом, а любопытство по расписанию — У нас кончается время?

Маша молча пробиралась сквозь кусты.

— В таком случае вопрос, время на что у нас кончается? — не унимался я.

Девушка снова не отреагировала.

— А почему?...

— Блин, Эдик! — ведьма развернулась ко мне — Затухни!

Я быстро прикусил язык, заметив её настрой. Обычно, она довольно спокойная и язвительная. Теперь, нервная и суетящаяся.

Оставшуюся часть пути до трассы, мы шли в тишине. Я не решился больше допытываться подругу, а она была рада (надеюсь), такому понимаю с моей стороны.

Доковыляв до обочины, останавливаемся.

— Теперь попутку будем ждать?

— Если бы... — с грустью ответила Маня.

На горизонте показался чёрный мотоцикл.

Ты не поверишь себе, читатель, как я продолжил своё путешествие!

Борислав уговорил Машку цепануть меня за «её существо» и я, словно, шарик, развиваюсь теперь на ветру, пока эти два, с позволения сказать, человека (почти), едут преспокойно на своём железном коне!

Они о чём — то переговаривались, пока ехали, чего я услышать никак не мог, будучи за три метра от них. Я только замечал, как Слав тарабанит по соединителю правой рукой, а Манька сильнее сжимает его куртку. Она не обнимала парня, как обычно, обнимают партнёры на таком транспорте. Она сидела отстранённо, пыталась держаться сама за сидалку. Я был снова удивлён её храбрости. Мы мчали быстро, но она лишь на поворотах хваталась за братскую куртку.

Я узнал его. Тот самый мальчик, что был возле терема. Тот самый, что подбодрил её словами: «Ты не умрёшь, уже радуется». Это был он. Сон. Именно он.

Осознание нарастало так же, как скорость нашей поездки каждый раз, после светофора. Передо мной (точнее, подо мной, но не суть) сидела пара Славянских Богов. Они о чём — то перешёптывались, пока я болтался «в космосе» и прозябал вместе с голубями, что составили мне компанию. Наконец, мы остановились.

Водитель быстро соскочил с мотоцикла и, сам того не замечая, до сих пор оставаясь в шлеме, что — то громко бубнил. Машка попыталась слезть так же легко, как и забралась, но переоценив свои умения, почти шлёпнулась. Брат вовремя подоспел и поддержал ведьму за руку.

Я не узнавал местность. Престижный район. Многоэтажки с панорамными окнами. Повсюду хипстеры, с их типичными непонятными одежками.

Маша уже и забыла про меня, но я не стал делать такой ошибки, выкрикнув «Кар — кар, ёлки!», обратил на себя внимание.

Девушка вздрогнула и с неловкой улыбкой повернулась ко мне. Моё тело моментально приземлилось на асфальт.

— Башкой совсем не думаешь! — снимая шлем, вещал Слав — И ты, подарок судьбы, тоже! — он бросил яростный взгляд на меня — Смерти своей хочешь?!

Машка прикусила губу, я удивлённо на неё посмотрел. Впервые я вижу, как отчитывают мою ведьму, сбивая спесь. Весьма приятное состояние, кстати, если бы не одно «НО»:

— Что значит «смерти своей хочет»? — робко поинтересовался я.

Слав остановился и смотрел теперь точно на меня, не чураясь взглядов прохожих, которых становилось только больше с каждой секундой.

— Если она тебя в тело вернёт, её мигом порешит Морана! Она ведь тебя, придурок, из тела и выгнала! Она ведь и есть камень преткновения твой, меж Навью и Явью!

Подруга попыталась развернуть блондина и возобновить путь, но тот лишь разглядывал меня с омерзением:

— Ты вообще не понимаешь на что её обрёл, да? — он обсасывал каждую мою реакцию до суха. Я чувствовал себя джунгарским хомяком, которого кинули в клетку кобре — Ты, кусок человека, обрёл перспективную богиню на верную гибель!

Небо начало затягивать тучами, из всех окон полезли обезьяны. Асфальт мгновенно поплыл, стали являться пальмы, ломая бетонный слой, а на горизонте и вовсе нарастал смерч:

— Я уничтожу тебя прежде, чем...

Машка дала брату подзатыльник. Всё резко исчезло, мелькая разными цветами. Я огляделся.

Небо было всё таким же чистым, рассвет только — только прорывался сквозь сонные облака, а окна всё так же пусты и завешаны жалюзи.

— Он Бог Сновидений, не забывай. Меняет реальность на «раз — два», а пихнуть тебя в аморфное состояние, ему и вовсе раз плюнуть. — объясняла Маньюшка. Какая всё — таки она заботливая, а... — Слав, заканчивай. Мы почти добрались, а ты тут дрызги устраиваешь.

— Я один понимаю, что всё это безумие?! — выкрикнул платиновый — Ты же умрёшь! Ты не понимаешь?! Ты умрёшь!

— Да с чего ты взял вообще, что она меня убьёт?! — взорвалась подруга — Ну, с чего такая уверенность?!

Слав резко замолчал.

Он снова осмотрел меня взглядом, теперь как — то с жалостью, и такой же взгляд перевёл на Маню:

— С того, что она сама сказала это на последнем собрании. — тихо проговорил он — Морана оповестила всех, что исправила твою ошибку воскрешения человека и дала слово, что такое при ней не повторится. А если ты попытаешься ещё раз провернуть такой фокус... — парень замолк.

Машка стояла, не шелохнувшись. Она тяжело сглотнула и посмотрела на меня.

«Я только с Маринкой увиделся!» — пробежало по ушам.

— Она, бомонду, верно рассказывает лишь о моих ошибках, а о своих помалкивает? —

тихо спросила ведьма.

Слав вытянулся в лице:

— Каких ошибках? Она прекрасно правит. — заверял брат.

Девушка многозначительно покивала:

— Ну, разумеется. — подтвердила она — Сейчас.

— Расскажи. — влез я — Расскажи, он должен быть на твоей стороне полностью. — мой совет вызвал у ведьмы одобрение, а у парня, напротив, разъярённый взгляд. И всё же, наша компания двинулась дальше по дороге.

— Морана правит с какого века? С начала одиннадцатого, если мне память не изменяет?

Слав пожал плечами:

— Мне плевать, как долго она правит. Твоя задача — не воскрешать, сука, мёртвых. И ты даже с ней не справилась. Зеркало — то зачем тебе дано было, а? На кой чёрт, ты его разбила, когда я его притащил тайком?

Девушка остановилась. Она осмотрелась и заметив на другой стороне тротуара, зеркальные окна кафешки, схватив брата под руку, рванула туда. Я побежал следом.

Подоспев прямо за ними, продолжаю слушать:

— Ты ведь уже слился с Сном Старшим? — спросила она, разглядывая отражение. Я вгляделся получше. Рассвет еле — еле освещал улочку, а фонари уже погасли. Мне пришлось сделать шаг поближе.

— Слился. — теперь я увидел, что изображение дрогнуло и вместо красивого молодого блондина, на нас смотрел глубоко пожилой скрюченный старец, с каргой на перевес.

Маня одобрительно кивнула и развернула брата точно к себе. Она аккуратно ухватила его за плечи, вглядываясь точно в глаза:

— Скажи мне, брат, только не юли. Пользовалась ли Морана Старшая, наставница моя, зеркалом за всё правление своё?

Старец в отражении призадумался.

— Не пользовалась. — Слав сейчас стал каким — то отрешённым. Девушка снова кивнула.

— Именно, брат мой. Тогда, спрашивается, зачем она давала его мне?

Парень непонимающе перевёл взгляд на отражение. Там снова стоял молодой юноша с платиновыми волосами, поправляющий чёрную косуху.

— Смотри, какая история. — Маня двинулась вперёд, заставляя нашу компанию, направится за ней — Морана пришла к правлению такой же маленькой девочкой. Тогда шли ожесточённые бои и люди часто зывали к покровительству богов. Тогдашняя Старшая, частенько помогала своим поселениям, убийством пары — тройки войск. Про такое в учебниках истории ещё пишут: «Неизвестная хворь выкашивала военные лагеря один за одним» — процитировала мне подруга — И вот, значит, Морана младшая, будучи таким же любопытным и пытливым ребёнком, что и я, решила сама посмотреть на род людской и выяснить, зачем же им войны вообще нужны, коль они своих братьев теряют сотнями? Ведь у нас Бог — Богу брат, а у людей, напротив было. Вот, она и вышла в свет людской.

Слав вытянулся в лице:

— Морана? Наша Морана? Она всегда утверждала, что всему научилась здесь, сама.

— Слушай, братец, дальше. — Машка присела на близстоящую скамью. Мы замороженные историей, уселись следом — Вышла она в одну деревню, так там и осталась.

Тамошней Старшей было не до неё, и ребёнок остался предоставленным себе и деревенским жителям. — Блондинка элегантно закинула ногу на ногу — Там она познакомилась с одним парнишкой, ну а дальше, догадаться не трудно. Влюбились и хотели было жениться.

— МОРАНА? — Слав выкрикнул на всю улицу — НАША МОРАНА?

Я прикрыл ему рот рукой:

— Да ваша, ваша! — шипел я — Дай послушать, интересно же!

Платиновый отпихнул мою руку, одарил прозрачного меня недовольным взглядом, но слова более не сказал.

— В день, когда свадьба должна была быть, к Моране нашей, — уточнила подруга — подбежала одна ведунья и сказала, что суженного её, отправляют на подать богам. Жертвоприношение, по — вашему. — она перевела взгляд на меня. Я молча кивнул — Когда Морана о том узнала, она и побежала, да только на угольки — то и успела.

Слав «ахнул» и бросив взгляд в мою сторону, откашлялся.

— Будучи Богиней Зимы, моя Тётка призвала метель в начале июля, чем себя и раскрыла. Путь обратно ей был заказан. Тогдашний Ярило пытался спасти ситуацию, да только вот, лёд от разбитого сердца, плавится втрое дольше, чем обыкновенный.

Мы слушали, словно дети, ожидая конца сказки, приоткрывая местами рот.

— Дай угадаю, она решила закрыться от людей и более никогда к ним не быть лояльной? — предположил Слав.

Машка закатила глаза:

— Слушай. — фыркнула она — Спустя десятилетия, она решилась — таки вернуться, но образ себе выбрала другой. От неё самой прежней, остались только глаза, полные обиды и печали. Она всё ходила ночью меж домов и слегка плакала, пока однажды, не решилась прийти днём. — наша ведьма вздохнула — Проходив мимо дома своего любимого, увидела, как во дворе играют детишки, больно уж на него походящие. Тряпье развешивает какая — то баба, а возле дома чьи — то ноги стоят. Распашонки вывесили и не видно было, кто сидит — то. Ну, она возьми, да загляни за покрывало, а там тот самый мужик и сидит.

Мы раскрыли глаза:

— Так, его сожгли ведь! — выкрикнул я.

— Сожгли, да не его, а поросёнка. Когда родители того парня узнали, что он с «чужачкой» хочет союз заключать, вмиг смекнули, что такого родства в их деревне не оценят. И по — быстрому подобрали сыну жену. А Моране эту вот легенду выдали. Да только, мало того, что они чужой её считали, за глаза, ещё и колдуньей называли, и когда Морана не сдержалась и окропила избы льдом, они только убедились в своей правоте. Испугавшись за семью, мужик схватился за вилы, узнав в сменившей образ женщине, свою бывшую. Та, недолго думая, решив, что это он её так обманул, мигом прервала жизнь. Ну, и была такова. — закончила Машка.

— Так, она не знает, что это не его решение было?

— Это знаю я. — уточнила рассказчица — Дело в том, что, когда новая преемница Богини появляется, ей опыт прежних правительниц достаётся лишь частью, и некоторая часть действующей, но зато с полной историей некоторых моментов, порой, кардинально отличающейся от истории, сидящей в голове у Старшей, зато на сотню процентов, правдивой.

— А почему ты ей не рассказала? — растерянно спросил Слав.

— Думаешь, она стала бы меня слушать? Я была занозой в её заднице, ведь не желала

прерывать жизни от случайного укола иглой, маленькой царапины или небольшого синяка. У неё же, напротив, от того случая остался неприятный осадок, и она по сей день считает, что люди — враги. Ко всему прочему, нас ведь забыли. Да и радуется это, к слову. Богам никогда не нужны были жертвоприношения. Нужна была искренняя вера, а не людские смерти. Единственное, в чём я с Наставницей согласна, люди — кровожадны.

Я слушал, не решаясь перебивать подругу. Так, из — за юношеской любви, какая — то... Людей сотнями косила? Чисто из — за обиды? Нормально.

— Когда она со мной сольётся...

— Если сольётся. — поправил Слав.

— Если, — согласился Маня — Она узнает правду, а до тех пор, я наивная простодушная Марка, которая не ведаёт, что творит. Пойми правильно, Слав. Тенденция людей убивать и отнимать жизни друг у друга, она вечная. Они, словно, муравьи, бегают туда — сюда и решают «важные» вопросы, не зная зачем это делают. И как не прискорбно, вопрос чужой жизни для них — лишь очередной «важный» вопрос. Нам не нужно подталкивать и обрывать их нити, только потому, что «так надо». Они и сами прекрасно с этим справляются. Нам нужно лишь перенаправлять.

— Но ты ведь собралась воскрешать человека! Ты собралась нарушить главное правило!

— Давай не будем мериться письками. Морана Старшая нарушила уже столько правил, исказила равновесие смерти и жизни, ставя себя выше всех, а ты отчитываешь меня за человека, что и так жив? Не будь дураком, Сон. — она назвала его по имени впервые, это заставило парня напрячься — Ты знаешь, что я права в своём решении.

Мы шли молча, не пытаясь друг друга обогнать. У всех, очевидно, в голове крутилось много мыслей.

Я ненароком поднял глаза вверх и увидел светящуюся вывеску «Город А желает приятных покупок в супермаркете «Бублик»». Осознание того, что мы далеко от родного «У» настигло весьма быстро.

— Что мы тут забыли?! — резко вырвалось у меня. Выкрик заставил вздрогнуть мини — пантеон.

— Ну, и горластый ты. — прочищая ухо, высказался Слав.

Манька промолчала и продолжила путь:

— Мы тут к родственнику, по делам. Нужно его одобрение на обряд, без этого никак. — шёпотом пояснил Борислав, чем меня сильно удивил. Я — то думал, он меня ненавидит и слова лишнего не проронит, а тут даже завесу тайны поднял.

Путь продолжался недолго. За минут пятнадцать, добрались до самого высокого здания, в тридцать этажей. Заскочив во вращающиеся двери, быстро оказались внутри. Красивый просторный холл встретил приятным ароматом гибискуса. Рассвет уже во всю заглядывал в панорамные окна, заставляя невольнo наслаждаться моментом.

— Нам нужен номер 95. — оповестила Машка. Из — под стойки, вылезла сонная девушка — администратор, с перекошённым рыжим пучком на голове. Она приветливо улыбнулась и отыскав очки на столе, осмотрела Слава и Маню.

— Номер 95 занят, к сожалению. — ласково ответила администратор — Могу я предложить вам другой?

— Нет, вы не поняли. — Слав облокотился на поверхность стойки. Он улыбнулся и зачесал волосы назад — Нам нужен именно этот номер, там живёт наш дядя. Необходимо с ним увидеться.

— Так, вам нужна информация о номере? — поддавшись на жесты Слава, догадалась девушка — Этаж десять, последняя дверь в конце коридора. — окончательно расплываясь в улыбке, отчиталась она.

Слав подмигнул и начал удаляться, Маша поблагодарила персону за помощь и выдвинулась следом. Ух, пройдоха! Знаем, проходили! Санёк тем и известен, что девчонок склеивает и информацию выуживает!

Мы втроём зашли в лифт. Нажав кнопку с изображением десятки, наша шайка отправилась на поиски 95 номера.

— Скоростной. — объяснил Слав, услышав оповещение о прибытии, спустя тридцать секунд.

Мы вышли на этаж. Проследовав указаниям администратора, быстро добрались до нужной двери.

Машка вдохнула и, не выдыхая, постучала три раза в дверь. Щёки её смешно надулись. Менее забавно было наблюдать за нервничающим Славом, что, словно провинившийся ребёнок, тербил ремешок на косухе.

Дверь открылась, за ней никого не оказалось. Парочка войти не решалась, поэтому я их слегка подбодрил:

— Бу. — тихонько шепнул я.

Машка и Слав резво влетели в комнату, позабыв о своей смелости также, как я позабыл все шпаргалки на экзамен по физике.

Гордо шагнув следом, мы вздрогнули от резкого дверного хлопка. Ребята на меня обиженно уставились. При чём, оба.

Моё лицо осветила неловкая улыбка.

— Дети мои. — пространство дрогнуло, когда чей — то воинственный (а я подчёркиваю, именно воинственный) голос пронёсся по всей площади комнаты — Заходите, не за чем бояться.

Ребята впереди меня, робко двинулись вперёд. Иду следом.

Передо мной открылся шикарный вид на номер. В одной стороне джакузи с персональным баром и барменом, там же стояла какая — то азиатская женщина, перед кушеткой, дожидаясь хозяина номера на массаж. В другой стороне стояла огромная кровать, покрытая белым пушистым пледом. Всё это под панорамными окнами, я напоминаю!

Я заглянул чуть дальше внутрь и ахнул, рядом с кроватью был вход в ещё какую — то комнату. Судя по запотевшей прозрачной двери, это была сауна. Как раз оттуда и вышел, подкаченный, покрасневшийся, седовласый мужчина.

«На вид, ему дашь лет 45» — подумалось мне.

Он шёл на встречу нам и резко рассмеялся, глядя на меня:

— Ну, спасибо за комплимент! — я вздрогнул. И этот мысли читает? Дурдом какой — то!

Никаких личных границ!

Мужчина был в одном полотенце, что прекрасно давало представление о его физической форме. Подтянутый живот, на котором просвечивали кубики пресса. Мощные руки, сильные ноги. И лицо! Какое же у него лицо! Борода придавала ему такого великолепного шарма, что я почти услышал, как визжит Маринка, при виде такого кадра. Не осуждай, читатель, подростковые гормоны творят страшные вещи. Только это по секрету, Маришке не говори!

Мужик, раскинув руки, приобнял племянников и поцеловал каждого в макушку.

— Ну, други моя? — гордо взглянув на Машку, спрашивал он — Знаю, зачем пришли и ответ даю покорно: коль дело просит, делайте. Только уж, будьте так любезны, поведайте причины.

Он обошёл пару, заставляя тех провожать его восхищёнными взглядами. Мужчина направился к бару и щёлкнув пальцами, повернулся на нас:

— Молочка? Свежего? Парного? — на каждом слове, он водил взглядом по каждому из нас.

— Я не чувствую вкуса. — оповестил я. Почему — то то, что он меня видит, меня теперь совсем не удивляло.

— А ты попробуй, сын мой, попробуй!

Стараясь держать спину прямо, шлёпаю к бару. То, что я увидел, заставило открыть рот.

На стойке, вместо алкогольных напитков, стояли стеклянные бутылки с различными соками: тут тебе и томатный, и морковный, и даже брусничный! Чуть дальше, стояли банки с вареньями, а прямо возле конца бара (возле окна), стоял красивый пышный куст. Вроде...

Мужчина, улыбаясь, закивал, отслеживая мой взгляд:

— Бонсай, сын мой. Что не пожелаю, всё там вырастит. — хвалился он — И тебе, по праву, полагается, загадать ему любимый фрукт. — он дружелюбно похлопал меня по спине.

Я усмехнулся.

— Не бывает такого.

Старик молча кивнул на дерево:

— Ну, скажем, мандарин хочу! — выкрикнул я и вздрогнул. На кроне моментально появились мандарины, расположившись в разных местах.

— Иди, отведай угощенья, я пока я с племянниками поворкую.

— Ну, уж нет. — отрезал я — Никакие мандарины меня от важного диалога не отвлекут, дядя. Давайте — ка, все вместе переговорим.

Мужчина захохотал. Мне показалось, что стеклянные бутылки, расположившиеся на полках, сейчас попадают. Настолько был громким смех.

— Соннушка, Марена. Поближе, дети мои. — он подозвал жестом племянников — Вещай, дочка, что стряслось?

И Марку, словно только дожидавшуюся такого дозволения выговориться, понесло. Она рассказала и про нашу первую встречу, и про то, как её из окна выкинули, и про то, как Старшая меня убить пытается. И ещё много — много всего, после каждого предложения добавляя: «Нет, я, конечно, знаю, что виновата, но...» Она покраснелась и продолжала жестикулировать, объясняя все подробности ситуации, пока старик попивал молоко. Слав подключился, когда услышал про зеркало и теперь, на бедного старикана, покатила волна рассказов, уже от двоих. Я почти зажмурил глаза от такого буйного потока информации, когда мои друзья замолчали, заканчивая одновременно на словах «Вот ведь оно как.»

Старик, карикатурно, стал почёсывать бороду и издавать привычные отцовские: «Пу — пу — пу»

Пара осталась стоять в недоумении, пытаюсь разглядеть хоть какую — нибудь реакцию.

— Слушайте, а вы кто хоть такой? — выпалил я. Манька перевела на меня испуганный взгляд, Слав ошарашенно выставил руки, словно спрашивая: «Зачем?». Незнакомец, напротив, снова захохотал и осушив очередной стакан молока, с грохотом поставил его на мраморное покрытие бара.

Мы вздрогнули.

— Кто я? — он оглядел меня снизу — вверх. Я только сейчас заметил, что несмотря на возраст, у него небесно — голубые глаза, ничуть не потерявшие цвета из — за прошедших лет — Звать меня Вышень. Я, как бы то выразить... — мужчина призадумался — Я отец своих детей.

— И много у вас детей? — будучи наученным, что информация кроется в деталях, я не стал упускать возможности.

— Да поди уж больше девяти миллиардов будет. — лукаво улыбаясь, отвечал Вышень.

— Ну, даёте! Что ж у вас все люди — дети? — воскликнул я — Быть такого не может!

Вышень разразился смехом, на улице стало проглядывать яркое солнце. Он ловко оттолкнулся от барной стойки, и приблизившись ко мне, жестом пригласил к панорамному окну. Я, взглянув на прикрывшую лицо рукой, Маньку, решил найти поддержку у Слава. Но и тот стоял, скрестив пальцы на руках и сильно зажмурившись.

Оценив ситуацию, до меня дошло. Я попал.

Аккуратно ступая за мужчиной, моё тело с каждым разом всё больше и больше противилось действиям. Но всё же, я подошёл и тихонько примостился сбоку старца.

— Что ты видишь, сын мой? — сцепляя руки за спиной, спросил Вышень — Что чувствуешь?

Я снова посмотрел на Машку, та стояла, бледня — бледней. Даже девичьи волосы потеряли привычный желтоватый оттенок и были теперь абсолютно седыми.

Я вернул взгляд к панораме. На улице привычно бибикали машины, возле окон стали появляться силуэты, где — то кричали про отвратительную парковку, а в сторону леса настырно дымил очередной завод теплоэлектростанции.

— Честно вам сказать? — почему — то во мне пробудилась непонятная злость. Даже кисть теперь свернулась в кулак. Челюсть сжалась. Я ожидал одобрения.

Старец хмыкнул:

— Будь так добр. — тихо сказал он.

— Я вижу отвратительный мир полный отвратительных людей. — пронизывая взглядом, намахивающегося парня в противоположном доме, сказал я. Его девушка пролила утренний кофе на костюм и он, вскочив, почти ударил её, но остановился на полу действие.

Старик молча, кивнул.

— Но вместе с тем, Вышень. — не знаю зачем продолжил говорить. Просто резко вспомнилась Маришка, да и Манька. Да и ребята мои, которые друг за друга порвут. Как — то захотелось и про них сказать — Вместе с тем, я вижу и тех, кто этому отвратительному миру придаёт оттенков. Он не становится менее отвратительным, нет. Он становится просто по — другому отвратительным, как — то... — задумался. Маленький словарный запас, Эдик. Ма — лень — ки — й!

— Комфортным для жизни? — подсказал Вышень.

Я удивлённо поднял на него взгляд:

— Ну, да.

Он снова кивнул:

— Хороший ответ, добрый молодец. — разворачиваясь к племянникам, заключил дедок — Всё правильно, Марка. Даю я своё дозволение на помощь такому человеку. Чистая душа, хоть и метущаяся. Но для вашего возраста, други моя, то самое время. — он прошёл к массажистке, и запрыгнув на кушетку, принялся делать круговые движения плечами.

Машка облегчённо выдохнула, Слав разжал скрещенные пальцы. Было видно, как напряжение постепенно испаряется из комнаты.

— На какое время, дочка, назначишь обряд? — теперь Вышень делал круговые движения головой. Я невольно ощутил напряжение в своих мышцах, глядя на такую зарядку. Захотелось повторить.

— Сегодня ночью. — ответила Машка.

— Сегодня?! Ночью?! — воскликнул Слав — Ты с ума сошла!

— Соннушка, будет криков. — раскладываясь, успокаивал старик — Сам знаешь, что права. К чему её остановить пытаешься?

Платиновый виновато опустил взгляд вниз:

— Боюсь. — признался он.

Вышень окончательно уложился, и теперь его голова смешно торчала сквозь отверстие в предполагаемой подушке:

— Так, то верно, то правильно. — успокаивал он.

Я всё ещё не понимал, с кем и о чём говорил, но после прошлой реакции ребят, более не решился на вопросы или звуки в принципе.

Машка лишь молча осматривала меня осуждающим взглядом.

Через ещё минут пять психологической консультации от отца всех людей (как такое,

вообще, может быть?), мы уже стояли в лифте.

Стояли и молчали.

Спустившись на первый этаж, всё ещё молча вышли из дома и направились в то самое кафе. Кафе, в окнах которого я увидел старшую ипостась Слава.

Присев за свободный столик, ребята принялись разглядывать меню, что было необычно выставлено в фарфоровой фигурке Купидона. Перечень имеющихся позиций расположилась аккуратно в руках маленького ангела.

— Какое кофе заказать? — обратилась ко мне Маша — Тут есть клубничный раф, капучино с ванилью, вроде, и латте, кленово — коричный. Правда, думаю, запахи у них одинаковые, но может быть, ты эстет.

Я удивлённо раскрыл глаза. Она советуется со мной? Покупает кофе для меня? Какая муха её укусила?

— Издеваешься? Покупать напиток призраку? Совсем кукуха запела. — язвил Слав.

Он нажал на голову ангела, заставляя того издать писклявый звук. Глаза фигурки загорелись, послышалось: «Кофейня «Сладкая вата», меня зовут Булочка, я готова принять ваш заказ».

— Оригинально. — вылетел мой комментарий. Манька всё ещё смотрела на моё существо, видимо, ожидая ответа — Хотелось бы клубничный раф. — слегка стесняясь, оповестил я.

— И клубничный раф, пожалуйста! — добавила ведьма.

Оператор ответил «Принято» и за стойкой зашуршали пакетами.

— Почему клубничный? — как бы, между делом, спросила подруга. Она делала вид, что ей безумно интересно покрытие стола.

Ответ она знала, потому и стеснялась.

— Твои волосы. Теперь они седые, но в первую нашу встречу были розовыми. — вспомнилась напуганная розоволосая аптекарша — Кстати, ты фармацевтом подрабатываешь?

Девушка кивнула.

— Она вообще у нас, работающая. — с издевательской ноткой, оповестил Борислав. Он резко сцепил руки перед собой и направил всё внимание на меня — Ты хоть знаешь, что было бы, дай ты неправильный ответ тому старику? — платиновый кивнул на знакомый дом.

— Он бы объяснил мне, почему ответ неправильный? — саркастично предположил я — Что ещё может сделать старик? — из головы совсем вылетел момент, когда я чуть не обделался, приближаясь к дедку.

— Мань, он тупой? Хотя, погоди. Не так. — Слав демонстративно прокашлялся — Мань, он тупой.

Ведьма закатила глаза, но промолчала.

— Меня бесит, когда она занимает позицию слушателя. — поделился Борислав, быстро меня свой гнев на милость — А тебя нет?

— Бывало. — поддержал я.

Теперь Машка скрестила руки на груди и откинулась на спинку бежевого дивана.

— Слав, а что же получается, вот этих вот, — я кивнул на фигурку Купидона — не существует?

Блондин вытянулся в лице, переводя взгляд на игнорирующую наш дискурс, сестру. Та не отреагировала.

— С чего ты сделал такой вывод? — возвращая взгляд ко мне, спросил он.

— Ну, вы же есть. А как они могут быть? Получается, что есть только вы и поклоняются только вам, когда даже другим поклоняются.

Тут блондин зашипел, зажмуривая глаза. Он выставил указательный палец и порицательно им покивал:

— Вот, ваша ошибка, человеки. — пристыдил Слав — Вечно вы думаете, что есть только «Эдак», а «Так» не хотите рассматривать. Вот, кто сказал, что если существует один пантеон, то других нет и никогда не бывало?

— Ну, вроде, везде так говорится. — пожимая плечами, ответил я.

— Всё враки. — присёк парень — Существует ровно столько богов, сколько человеку надобно. Человек Богов питает, человек им жизнь даёт. Захочет один человек одного бога, единого. Будет один. Захочет другой человек множество, будет множество. Захочет, бога полуптицу, полусобаку, будут и такие. Мысль смекаешь? — пародируя интонацию известного пирата, спросил Слав.

Я кивнул.

— Ещё есть у меня вопрос. — допытывал я — Вы говорили про «слияние», это что такое?

— Это тебе знать не обязательно. — возразила Машка.

Тут к нам подошла милая худошавая официанточка, с крылышками на спине. Ободок в виде сердечек добавлял образу приторности.

Она расставила кружки с напитками, и удалилась.

— А вот тут я возражу, сестрёнка. — неожиданно высказался Слав — Кто сказал, что не обязательно? Ты ведь ему рассказала про нас, теперь моя очередь тайны вскрывать.

— Вредничаешь, Соннушка. — пододвигая кружку ко мне поближе, догадалась ведьмочка. Я был так заморожен её действиями, столь для нашего тандема непривычными, что почти забыл про свой вопрос. В кружке красиво кружился водоворот из маршмеллоу, в розовой пенке.

— А вот, да! — отпивая свой кленово — коричный латте, согласился блондин — Значит, слушай. — парень лукаво осмотрел сестру, та саркастично улыбалась. Знаете, такие самодовольные улыбочки, и одновременно, весьма добрые — Каждый бог правит на этой земле около пяти тысяч лет. Ну, плюс — минус. Потом является преемник.

Я оторвал взгляд от ароматного напитка и взглянул на седоволосую.

— Да, да. Такие же дурные, как Марка. Но бывают и другие! — парень гордо улыбнулся и выпрямил спину. Он подал грудь вперёд и похлопал по ней, акцентируя внимание на широте — Такие, как я! Смышлёные и обаятельные!

Мы прыснули смехом, но быстро состроили серьёзные лица (попытались), не желая смущать парня.

Тот, недовольно чмокнув, снова отпил из кружки.

— Короче, коль преемник быстро учится, а я напому, пример такого случая у вас перед глазами. То он проходит через обряд слияния, где получает знания и полноценные права на правление в своей стязе от своего наставника. Все воспоминания, весь опыт одного, переходит в голову другого. Я понятно объясняю? — вглядываясь в мои заинтересованные глаза, уточнил Слав.

— Весьма. — ответила за меня Машка. Она придвинула мой клубничный раф к себе и деловито отпила из кружки. Я посмаковал слюни во рту.

— «Весьма.» — передразнил брат — В принципе, процесс не трудный, но очень важный в существование каждого преемника и наставника, ведь если не слиться, тот тут два варианта: либо убьют первого, либо второго. А если убьют второго, наставнику придётся править ещё столько же, чтобы родился следующий преемник. Короче, такое себе, ведь под конец правления, у наставника практически не остаётся сил, и он иссыхает. Буквально. Бывали случаи. Кажется, у Рожаны... — парень призадумался, вспоминая — Да, вроде, у неё. Короче, её наставница, почти слившись с младшей богиней, не успела даже завершить обряд, как рассыпалась, обращаясь в пепел. Невыгодно убивать своего наследника. — заключил Борислав — Но, порой, без этого никак. — блондин перевёл взгляд на сестру.

Девушка снова закатила глаза.

— А откуда вы берётесь вообще? Вас рожают или детей крадёте?

— У кого? — усмехнулся Слав — У вас что ли? У существ друг друга убивающих, ради удовлетворения своих бед с башкой? Умоляю тебя. Нет, вы крутые, не подумай. Но взять в правление над людьми человека, означает подписывать верный приговор всему миру.

Я вытянулся в лице.

— Ну, хватит вам. — вступила Машка — Я надеюсь, он удовлетворил твой интерес.

— У меня есть вопрос к тебе. — не унимался я — Почему я так не угодил Моране? Фактически, она меня уже третий раз лишает жизни.

Ведьма отодвинула кружку.

— Она бесится, потому что, ненавидит, когда я счастлива. — объяснила подруга.

— Ну, в таком случае, не выгоднее ли кокнуть Саню? — не то, чтобы я хотел говорить эти слова. Они сами как — то вылетели. Я только что перевёл стрелки Богини смерти с себя на друга. Нечего сказать, не иначе, как гений.

Девушка усмехнулась:

— Не, не выгоднее.

Слав подозрительно рассматривал смущённую усмешку сестры.

— Не уж то, влюбилась? — приподнимая бровь, уличил он.

Маша моментально подняла на него ненавидящий взгляд. Щёки её покраснели, а руки нервно полезли в карманы бомбера:

— Ни чуть.

— Ба! — воскликнул платиновый — Да ты и впрямь издеваешься надо мной!

Я ничего не понимал. Никогда не причислял себя к разряду тугодумов, но сейчас, я решительно ничего не понимал. Или не хотел понимать, но это другое, читатель! Совершенно другое!

Девушка перевела на меня взгляд исподлобья, я, словно баран на ворота, смотрел на неё.

Она, поджала губы и отвернулась.

— Ядрёна вошь! — орал Борислав.

У фигурки загорелись глаза:

«Просьба сохранять приемлемый уровень громкости в заведении.» — предупредил женский голос.

Слав закусил губу и смущённо отвернулся к окну, прикрывая лицо ладонью.

Машка усмехнулась:

— А, вот Соннушка, у нас в принципе многое не любит. — вещала она — Не любит, когда его стыдят, или, когда говорят, что он не прав. — перечисляла ведьма — А ещё...

— А ты во второй раз влюбляешься в одного и того же человека! — выкрикнул Слав —

И допускаешь те же ошибки!

— А ты!.. — родственники вскочили из — за стола, но тут к нам быстро подбежала официанточка.

— Просьба выяснять отношения снаружи кафе! — яростным шёпотом, высказала она —
Прошу покинуть помещение!

Фыркнув, семейка повиновалась. Я, собравшись с остатками терпения, вывалился следом.

Они стояли снаружи, развернувшись друг к другу спинами, и одновременно отстукивали быстрым ритм правой ногой. При чём и он, и она — оба, и именно правой ногой. Я улыбнулся, умиляясь таким забавным привычкам.

— Как ты можешь! — шептала ведьма — Я и так боюсь, а ты ещё подначиваешь!

— Ну, так, раз боишься, не лучше ли прекратить?! — таким же шёпотом, отвечал брат.

— Да не могу я отступить! Даже Вышень за меня!

— Он не ЗА тебя, он НЕ ПРОТИВ твоей затеи! — развернувшись к сестре, подмети.
Слав.

Я громко выдохнул, заставляя уставиться на себя пару разъярённых глаз.

— Может, я сам справлюсь?

— НЕТ! — одновременно ответило семейство.

Мы целый день ходили по магазинам и закупали всякие непонятные штуки. Мы взяли пару ножей, несколько пачек каких — то трав, захватили вонючей воды. Кажется, успели купить тазик и бинты. Честно говоря, набор меня пугал. Такого разнообразия я не видел давненько. С момента, когда Николая решил покрасить яйца и мы искали наклейки, краску и сами яйца.

Машка, кстати, так и не перекрасилась, и до сих пор бродила седовласой. Меня завораживал этот цвет, я был искренне рад видеть свою ведьму в таком амплуа.

— Тебе идёт, кстати. — подметил я мельком, когда девушка выбирала заколку для волос. Прежняя сломалась невесть от чего.

— Спасибо. — смущённо проговорила она.

Мы добрались до мотоцикла на закате. Пара моих волшебных товарищей, знатно измоталась. Я предложил им передохнуть, но они снова синхронизировались и, бросив: «Сегодня всё кончится.», забрались на транспорт.

Цепанув меня за моё существо, Машка снова просунула пальцы под сиденье. Надев шлем на сестру, а затем и на себя, Слав повернулся ко мне.

— Держись крепче! — саркастично попросил парень. Будто я и в правду мог это сделать

Мотор завёлся, платиновый пару раз газанул и рванул с места.

Мы мчали, словно ветер. Мимо пролетали дома, магазины, люди, курящие подростки. Кажется, в одном переулке, я увидел Тольку. Показалось, наверно...

Машка что — то крикнула брату, и мы начали сбавлять скорость. Борислав съехал на противоположную, от переулка, сторону, заставляя меня снова опуститься на асфальт. Я, протерев глаза, не поверил сам себе.

В тёмном пространстве, куда лучи заката не проникали, действительно стоял Толян, пленённый какими — то бугаями.

— Мань, помоги! — я бросился к подруге и объяснял ситуацию так быстро, как только мог. Я чувствовал, что другу угрожает опасность.

Девушка смотрела на меня растерянно:

— Так, он твой?...

Я кивнул.

Девушка откашлялась и еле заметно бросала взгляд на Толькину ситуацию.

— Я видела его пару дней назад, поэтому и попросила Слава остановиться. В прошлый раз его также избивали в подворотне, поэтому, сейчас, когда идут последние часы моего существования, я решила сделать доброе дело. — она говорила так просто о своей смерти, что мне стало до боли обидно. Как она так может? Я только выяснил, что богиня смерти в меня (или почти в меня) влюблена (или почти влюблена), а она тут!..

— Опа, а я этого засранца тоже видал! Дай — ка, припомнить... — Слав вешал шлем на съединитель — Ну, точно! 10 октября и видел, я точно запомнил, потому что, тогда был фестиваль завершения мотосезона. Его перенесли в этом году с сентября, на октябрь. — уточнил он — Кстати, забавный персонаж. Он сидел с чуваками из моей кучки, и рассказывал им про каких — то ребят, что отправляются на день рождения своего друга. Я ещё восхитился его инициативой делиться такой бесполезной информацией с байкерами.

Ну, правда, зачем? А они потом... — парень зачесал волосы назад — А они потом куда — то исчезли. Их быстро убрали из списков, и они не присутствовали на заезде.

Манька перевела взгляд на меня:

— Друг, говоришь? — сомневаясь, спросила ведьма.

Я не верил своим ушам. Кому и зачем Толька рассказывал про наши планы десятого числа? Почему именно в тот день случилась авария? Я ничего не понимал и путался в предположениях.

Машка вздохнула и поднесла пальцы к переносице:

— Иди. У нас есть ещё немного времени. Подслушай их. — проговорила она.

Недолго думая, я телепортировался с места прямо к переулку.

Два шкафа дразнили Тольку пачкой денег. Они манили его, словно пса, заставляя прыгать на месте.

— Ну, что, Порохов? — постоянно подбрасывая купюры, спросил первый — Свершилась твоя счастливая судьба! Помер, кажись, твой Живчин! — он расхохотался.

Я чуть не упал, с трудом удерживаясь за каменную стену.

— Да уж, намучались мы с ним! Нас чуть самих не пришили из — за твоей ложной информации! И ведь, как, паразит, долго отпирался, что не знает, где его компашка каждый день ошивается!

Толька самозабвенно подпрыгивал за пачкой.

— Чё он там ворковал, Борис? «Нужны деньги девушке на машину! А то она от меня уйдёт!» — передразнил второй — Жалкий гадёныш. Отдай ему бабки и поехали отсюда.

Первый выбросил деньги в сторону, усмехаясь. Толька бросился за «подачкой» следом.

— Мать твою... — пытаюсь сдержать слёзы, прошептал я — Твою мать, Толик.

Ноги сами сделали шаг вперёд. Иду, словно под гипнозом, двинулся в сторону товарища.

Я шёл с целью забрать у него то, что он забрал у меня. Время без семьи. Время без друзей. Само время. Саму жизнь.

Глаза наполнились слезами, когда я подошёл вплотную.

Я почувствовал сильную ярость и занёс руку над другом.

— Сука... — услышал я — Сука! — выкрикнул Толька, разрывая купюры. Я окаменел с поднятой рукой.

Толька начал сильно избивать себя по лицу, каждый раз попадая в челюсть. Когда рук ему стало мало, он схватился за кирпич:

— Не надо! — рывком останавливаю друга.

Он замер, глядя в сторону куда — то сквозь меня. Сделав ещё пару попыток двинуть рукой, он заплакал пуще прежнего.

— Это ты! Я знаю, это ты! — кричал он — Эдька, прости! Прости, брат! Я такой дурак! Я так виноват! Господи, как я виноват! — друг выпустил булыжник из руки и обессилено опустил на колени.

Я пытался сдержать слёзы, наблюдая за товарищем.

Махнув рукой, двинулся в сторону выхода из переуллка.

— Эдька, брат!.. Прости!.. — слышалось позади — Прости!

Дорогу до родного города, я помню мутно. Лишь мелькающие фонари были чем — то, освежающим обстановку, вокруг моего, волочившегося за мотоциклом, существа.

Мы въехали в знакомую местность часа в два ночи, повсюду была непроглядная темень.

От чего — то именно сегодня, фонари по улицам не горели. Может, час темноты, или ещё чего...

Осознание, что мы миновали городские пейзажи, пришло не сразу. Но осознав это, быстро задался вопросом, куда всё — таки, мы держим путь.

Завидев знакомый лес, интерес отпал сам собой. Мы ехали к тому мосту, что я видел в видениях. Я был уверен в этом. Я знал это. Я чувствовал.

Припарковавшись возле обочины, тело аккуратно опустилось на ветки и листья осенних деревьев. По коже пробежали мурашки. Не от холода, от страха. Что — то намечалось с моим участием и это сильно пугало.

Слав, шепнув что — то Машке, поцеловал её в лоб и удалился в темень дороги.

— Он не с нами? — размахивая дым от мотоцикла, поинтересовался я.

— Это опасно. Его могут посчитать причастным.

Мы двинулись через лес, в сторону берега.

Пробираясь через кусты и колючие ветки, Маша молчала. Даже не шипела от царапающих её игл.

Закат совсем недавно скрылся за горизонт, и мы снова бродили по лесу в сумрачном «фильтре». Ни одного лишнего звука, вокруг только чирикали птицы, заставляя меня немного успокаиваться.

Добрались мы быстро.

Перед нами открылся прекрасный вид. Вот бы он не был последним, что я увижу...

Луна красиво переливалась на водной глади. Деревья спокойно шелестели оставшимися листьями. Повсюду стрекотали сверчки.

— Должны бы замолчать. — заметил я, слушая звуки — Уже первый снег был.

Маня улыбнулась.

— Ты прав.

Она вытащила из сумки Слава, что он ей любезно предоставил, купленные вещи.

Сперва достала свечи, установив их в определённом порядке, схожим с тем, что я успел увидеть на деле с детишками. Меня поржало, как быстро подруга скакала с места на место. Следом вытащила маленький синий тазик и вонючую воду. Вылив жидкость в пластиковую ёмкость, она что — то шепнула над этим интересным... Сочетанием. Жидкость резко перестала вонять и стала пахнуть ароматом шалфея.

Таз она поместила в середину круга из свеч.

Вытащив маленькое покрывало, моя ведьма почти уселась на него, как вздрогнула от шумных шагов, раздавшихся неподалёку. Вскочила. Я встал возле неё, набираясь прыти, защитить волшебницу.

— Не бойся. — шепнул я — Ты только не бойся.

— Не стану, даже, если скажешь, что можно. — сжимая в левой руке нож, ответила Машка.

Первое тело неуклюже вывалилось из кустов шиповника:

— Сука, больно! — крикнул знакомый голос.

Маня удивлённо всматривалась в появившегося пацана.

— Колька! — выкрикнул я — Это Колька, отбой!

Следом появился Санёк. Зацепившись плащом за колючие ветки, парень недовольно пробормотал оскорбления в сторону несчастного куста.

— Привет. — как — то тихо сказал он. Даже грустно. И, будто, виновато.

Машка непонимающе разглядывала происходящее.

И, наконец, вышел Ваню. Единственный, кто спокойно прошёл мимо натерпевшегося растения.

— Здравствуй, Фея. — поприветствовал он.

— Как... Как вы?...

— Ты, главное, не переживай. Мы Толика так — то искали, а наткнулись на вас. — разъяснял Ваня.

— Спроси, нашли ли они Толика. — попросил я.

— Нашли пропажу? — повинувалась ведьма.

Колян откашлялся, давая таким образом сигнал о нераспространении «внутренней» информации. Он медленно поднялся, осматривая обстановку на берегу.

— Ты лучше скажи, что ты собралась делать?

Седоволосая повернулась ко мне.

— Скажи, Мань. — было ощущение, что она просит моего одобрения. И отказать в этом, я не мог.

— Это обряд, направленный на возвращение души в тело. — объяснила девушка — Но вам лучше здесь не быть. Пожалуйста, уйдите. — предостерегала подруга.

— Мы вечно там, где нам лучше не быть. — усмехнувшись, высказал Ванька — Говори, чем помочь.

Мария, глядя на меня, пожала плечами. Да я и сам знал, что они её не оставят. Я ведь тоже здесь. Даже не так. Я хочу быть здесь.

— Нужно найти тридцать три камня разной величины. Можно булыжники, можно маленькие. Следом выложить по кругу от свечей.

Колька сразу принялся выполнять указ, включив на телефоне фонарик. Ванька приступил следом.

Только Сашка остался стоять в стороне.

Маша старалась присоединиться к поиску камней, но постоянно что — то роняла, видно прибывая в это время больше в своих мыслях, нежели в самом процессе.

Брюнет подоспел, когда девушка, чуть не уронила себе на ногу достаточно габаритный булыжник.

Он перехватил камень и принял ношу на себя.

Я был рядом, для поддержки, так сказать. Не для того, чтобы их подслушать. Конечно, нет.

— Тут такое дело... — начал Саня — Ты только не колдуй. — он нервно хихикнул.

Я знал, что он сейчас скажет. Я уже видел такое прежде.

— Короче, Манют.

— Я в курсе. — прервала его девушка.

— В курсе? В курсе чего? — непонимающе засеменил Сано.

— Ну, ты же хочешь сказать, что изменил мне? Я в курсе. Не парься.

Вместе с другом и я встал, как вкопанный. Так просто?

— Так просто? — продублировал Алекс — И всё? И не будет истерик?

— Ну... — ведьма подняла глаза к небу — Да нет, вроде, не будет. Не хочется что — то. — уточнила она.

Сашка вытянулся в лице, я прыснул смехом.

Обычно, для Санчелло подобное признание оборачивалось пощёчиной, вылитым на

рубашку кофе или, как минимум, попыткой врезать в пах. А здесь полное спокойствие, понятное дело, он в шоке.

— Не, погоди! — друг начал нагонять, уже успевшую отойти, новую бывшую — Я тебе вообще нравился или ты, типа, играла со мной?

Машка улыбнулась:

— Хороший вопрос, подумай об этом на досуге.

Саня только хотел что — то возразить, как девушка выкрикнула: «Справляемся, хлопцы?»

Я прибывал в настоящем восхищении. Пусть это и предназначено судьбой, умереть из — за такой... Богини. Но я уже и против не был. За такую характерную ведьмочку и распрощаться с жизнью...

Стало грустно от осознания, что Маришка меня могла видеть в последний раз, как и я её.

«Мама, папа. Я люблю вас всех. Живите счастливо.» — взгляды в лунное отражение, завещал в мыслях.

— Маш, тридцать два нашли! — отчитался Ваню.

— Тут ещё один Саня несёт! — оповестила девушка — Вот, сюда ставь, да не туда! Сюда, говорю!

Когда круг из камней был закончен, Маша попросила всех спрятаться по кустам.

Девушка запрыгнула в «клетку» (я так назвал этот рисунок на земле, не суди строго, читатель), и достала тазик с водой. Окропив землю, теперь уже, вокруг камней, она глубоко вдохнула.

— Приступаем. — скомандовала Маня.

— Что мне делать?

— Ступай в центр.

Я повиновался.

— Присядь.

Выполняю всё беспрекословно.

Девушка заходит следом. Встаёт передо мной.

— Слушай внимательно. Первым делом, ты окажешься в тёмном пространстве. Это пред — бездна, куда попадают все потерянные души. Далее, тебя выкинет в лабиринт. Ничего не бойся и иди куда посчитаешь нужным.

— Посчитаю нужным? Это как?

— Не перебивай. Ты поймёшь. Если преодолеешь лабиринт, — голос ведьмы дрогнул — когда преодолеешь лабиринт. — исправилась она — То очнёшься в прежнем месте. Главное, пройди через лабиринт и не бойся поблуждать. Цель этой «загадки» доказать человеку, что из любой ситуации есть выход. Ведь лабиринт ведёт тебя к жизни. К новой жизни, понимаешь?

Я кивнул. И, конечно же, ничего не понимал. Подруга в то время вытащила свёрток из кармана, и развернув его, раскрошила засохшее растение над моей головой.

— Она тебя выкинула из мира живых, а моя задача, вернуть тебя обратно. Не бойся дальнейших моих действий.

Заставляет напрячься такая вот фраза, не правда ли?

— Я понял.

— Мань! — послышался шёпотом из кустов — Удачи! — это был мой Колька.

Она улыбнулась:

— Спасибо! — шепнула в ответ ведьма — Процент удачи ровно 50 %. Либо всё получится и мы оба выживем, либо нет. — призналась Маня.

Я решительно кивнул:

— Всё нормально, я знаю.

Девушка выдохнула и вытащила из кармана перочинный нож. Он сверкнул, отсвечивая лунный свет.

— Заклинаю. — свечи по кругу зажглись одна за одной — Откройся мне! — камни по кругу начали по очереди подниматься в воздух, образуя с свечами своеобразную, но вразвешенную клетку. Вот и всё. Теперь можно и признаться — я люблю жизнь, и любил её раньше, но запутавшись, всё ждал чьих — то действий. Идиот. Кто тебя спасёт, если ты так любишь плавать в грязевых ваннах своей трусливой душонки? — Я даю согла!..

— Ну, bravo, Марена! — этот голос.

Женщина в чёрном платье медленно вышла из леса.

— Заставила же ты меня попотеть, девочка. — Седоволосая смотрела теперь на преемницу с какой — то гордостью и одновременно злобой — Заканчивай этот цирк, мы возвращаемся немедленно. Так и быть, я прошу тебя за это... Представление.

Машка усмехнулась:

— Я даю соглас!.. — снова выкрикнула она, пытаясь во второй раз закончить фразу.

— Да что ты за негодница такая! — перебила женщина — Не перечь мне, Мара! Предупреждаю, — в руках Богини стала проявляться сабля. Лезвие ослепило меня на секунду лунным отражением — Если ты не остановишься, я убью тебя!

Машка поджала губы, она посмотрела на меня сверху вниз. Вижу, как глаза начинают слезиться, перевожу взгляд на руку — дрожит. До этого, ведьма моя была непоколебима и решительна. Я понял. Я всё понял. Я не осуждал. И тебя прошу, читатель, не нужно. Она ведь просто девочка. Просто моя милая ведьма.

— Прости, Эдик. — девушка выкинула ножик в сторону. Камни медленно опустились на землю. Свечи всё ещё горели.

— Всё правильно, Фея. — успокоил я — Всё правильно.

Блондинка развернулась к наставнице и медленно приклонила колени:

— Я признаю правоту твою, Морана Старшая. — тихо проговорила она. Голос дрожал от слёз, хоть и был каким — то неестественно строгим, грубым, не выражающим ничего кроме, презрения.

Старшая расплывается в улыбке и делает шаг на встречу «клетке».

Ветер потихоньку начинает подниматься.

— Вот и славно, девочка. — ласково проговаривает Морана, приближаясь всё ближе — Будет бегать.

Вот и всё. Это конец. Теперь точно.

— Прощайте, ребята. — стараясь держаться гордо, сказал я в кусты.

— Приготовься. — еле слышно, командует Маша.

Мой взгляд врезался в девичью спину.

— Давай более не будем ссориться, дитя. — Седоволосая подошла почти вплотную к свечам. А ветер с каждым её шагом только нарастал. Луна скрылась за облаками. Последние листья стали «сбегать» с веток, и непременно летели в нашу сторону.

— Я даю согласие. — шепчет Машка.

— Что ты там бормочешь?

Шаг. Последний шаг.

— Говорю, что даю согласие! — секунда и моя ведьма делает выпад в сторону Старшей, насаживая себя на саблю. Алая кровь каплями окропляет землю. Камни моментально поднимаются и начинают вращаться с ужасающей скоростью. Листья образуют над нашей троицей целый смерч сверху. Меня начинает медленно поднимать в воздух.

— Нет! — кричим мы одновременно с Мораной. Я стараюсь ухватиться за падающую Маньку. Кровь пропитывает её розовый бомбер, изо рта появляются первые алые струйки. Ведьма улыбается, глядя на моё исчезающее тело — Маня! Манька! — кричу я.

— Мара! — в ужасе кричит Морана — Мара!

Всё, как в тумане. Отмахиваюсь от ослепляющих листьев, пытаюсь рассмотреть девичье тело сквозь слёзы.

Меня окончательно засасывает в круговорот. Последнее, что вижу, как Старшая поднимает на руках преемницу и они вместе исчезают в стае снежинок.

— Мара! — мой голос поглощает, кружащий вокруг, хоровод листьев.

Глава 25. Финальная

— Мара... — крик выскальзывает на последнем издыхании. Прикрываю, не выдержав накатившей боли. Всё моё тело, будто пронизывали тысячи и тысячи игл.

Голос заполнил всё пространство. Я старался сдержаться, читатель, правда, старался. Я сжимал челюсть, чувствуя, как зубы стираются друг о друга. Цеплялся за толстовку, растягивал её, сдирал с себя, рвал. Ничего не помогало. Боль непрекращающимся потоком лилась по моему телу.

Резко почувствовал, что прибавляю скорость в падении. Машинально выставляю руки вперёд и жмурюсь сильнее:

— Аа — а — а — а!!!

Хлопок.

Тело, словно от батута, подскакивает вверх. Ещё пару раз, я подпрыгивал, словно мячик, прежде, чем решился приоткрыть один глаз.

Вокруг меня было четыре входа в зелёные тоннели. Наконец, я кувыркаюсь в воздухе и приземляюсь на ноги.

— А бездна где? — с трудом поднимаясь, спрашиваю пустоту.

— А бездна где? — повторил знакомый голос. Он успокаивающе разлился по ушам, чем прогнал мою тревогу.

— Манька, — почти шептал я. Рёбра сильно болели, принуждая обвивать себя руками. — ну? Где ты?

Послышался знакомый смех.

— Ну? Где ты? — повторил голос.

— Это не смешно! — психанул я. В эту же секунду замечаю боковым зрением, как что — то мелькнуло в третьем тоннеле. Недолго думая, я ринулся за фантомом.

— Это не смешно! — повторяя интонацию, издевалась Маша.

Я не видел её. Не мог увидеть. Она была всюду и одновременно нигде. Она была...

— Во мне. — выговариваю предположение — Ты в моей голове! Ты ненастоящая! — догадался, гений.

Я, прихрамывая, двинулся прямо по тропинке. Чуть погодя, у меня на пути выросла стена, заставляя повернуть влево. Потом вправо. Снова влево. Опять влево.

— Лабиринт... — сильнее обнимая себя за рёбра, заключил я.

В голове эхом звучали слова подруги: «Главное, пройди через лабиринт и не бойся поблуждать.»

Я зашипел, споткнувшись о какую — то каргу.

Поближе рассмотрев палку, рука сама к ней потянулась. Опираюсь на самодельную клюшку и шагаю быстрее.

Повороты с каждым разом становились всё мимолётнее, всё круче и неожиданней.

С каждым шагом, я забывал кто я, где я и почему очутился именно здесь. Я забывал всю свою жизнь, все свои действия, их последствия. Забыл я и Маринку, и маму с папой, и даже товарищей. И только ведьминский голос в голове продолжал шептать: «Не бойся блуждать».

Спустя какое — то время, я забыл и человека, что мне это говорил.

В голове была абсолютная пустота. Я шёл, сам не зная куда, но теперь, повороты становились забавной игрой.

Я разговаривал с голосом в голове, шутил и смеялся с шуток фантома. Иногда, перебарывая боль, я проскакивал через стены лабиринта, улыбаясь своей смекалке. Потом снова вспоминал где нахожусь и, свесив голову, продолжал идти, ковыляя.

Сколько я так проблуждал — не знаю, но всё — таки добрёл до заветного выхода. Его ознаменовала цветастая арка, с которой красиво свисали алые розы.

Тихонько дохромав до прохода, замираю. Впереди стали появляться силуэты родителей, ревущей сестры и закопавшегося в руки, Кольки. Я моментально вспомнил всех и сразу. Боль в рёбрах отступила, я аккуратно отложил палку.

Почти перешагнув через границу, краем глаза заметил, как что — то снова мелькнуло позади.

Рывком, разворачиваюсь.

Передо мной, улыбаясь, выстроились в ряд пятеро детишек. Узнал! Их узнал!

— Это же вы!

Ребята ринулись меня обнимать. Младшенькая, привычно повиснув на шее, склонила меня вниз.

— Манька нам наказала тебя проводить. — оповестил тот самый задиристый Жора— Чё застыл? Иди уже.

— Манька... — припоминал я — А это кто?

Детишки широко улыбнулись.

— Да ты иди — иди, узнаешь ещё! — выкрикнула девочка с распущенными волосами.

Младшая, слегка расплакавшись, начала выталкивать меня прочь.

Повинуясь, ноги сделали шаг через границу. Голову пронзила сильная, острая боль. Мимолётный укол прошёлся по всему мозгу и завершился в затылке.

Яркий свет снова ослепил глаза. Надоедливый писк прибора стал приобретать спокойный размеренный ритм. Шум, что присутствовал до этого: всхлипы и завывания, резко прекратился.

— Елена Владимировна... — тихонько шепнул знакомый голос рыжего. Он аккуратно приподнялся с кресла и уставился в мои распахнутые глаза.

Мама моментально подбежала ко мне и, схватившись за сердце, чуть не упала в обморок. Батя вовремя успел и придержал жену за руку.

Сестра, сидевшая возле подоконника, медленно приподнялась. Девочка попыталась быстро стереть слёзы, но ничего не вышло. Она, с красным лицом и выкатывающимися

каплями из глаз, выдала:

— ЭДИК!!! — мне показалось, что крик раздался на всю больницу.

В палате слышался ещё больший вой, чем был до этого. Теперь всё было приправлено возгласами благодарностей врачам, богам и миру.

Я полностью восстановился через три месяца. Оказывается, когда Машка пожертвовала собой ради меня... Когда я улетел в тот самый лабиринт, ребята остались на абсолютно пустом берегу и страшно испугались.

Они быстро подчистили местность и рванули к моей маме. Самый сок в том, что между моим возвращением и тем вечером, прошло около месяца. Я блуждал по тому лабиринту целый месяц... От осознания, меня бросало в дрожь.

Врачи до сих пор прибывали в шоке от моей живучести и каждый раз тыкали в меня пальцем, когда видели. Забавно, что день за днём, каждый, кто работал в больнице, приводил с собой коллег из вышестоящих заведений и Университетов, заверяя, что НЕПРЕМЕННО, именно ОН, вытащил меня с того света и только благодаря ЕМУ, я так быстро выкарабкался.

Мама молча улыбалась, глядя на всё это действие, а Маринка, напротив, каждый раз гневалась на лукавый персонал. Девочка, однажды, выгнала очередного практиканта из палаты, когда он только рот открыл.

Позднее, нам скажут, что «В обмен на такую маленькую услугу, как подтверждение любого слова больничного персонала, они полностью возьмут на себя оплату за лечение.»

И я, разумеется, согласился.

Не велика плата за десять миллионов рублей.

Мы, правда, не знали, что это дядя Ваньки всё оплатил, но да ладно. Что было, то прошло.

Вернувшись домой, я ни в какую не желал возвращаться к себе на квартиру. Да и не сказать, что, родня горела желанием меня туда отпускать. Удивительно, но я стал ещё более здоровым, чем был до этого. Все мои болячки, по типу гастрита и бронхита, просто испарились, даже кариес исчез.

Мама, каждый день, с большим удовольствием наблюдала, как я уминал третью порцию пюре с котлетой. И к слову, в последнее время, я питался только картошкой. Я стал зависим от этого клубневого наркотика.

Отец улыбался моей компании за просмотром футбола, а Маринка всё — таки сводила меня в кафе и познакомила с той администраторшей. Оказалось, что она уже замужем.

Меня так рассмешило, когда сестрёнка насупилась и, громко хмыкнув, бросила:

— Никогда больше не придём! — повела меня прочь из заведения «Бэмбика — пучина».

Единственный минус, что я заметил за прожитый период после воскресения — я не мог спать по ночам. Глядя на луну, всё вспоминал Машкин подвиг. Кстати, я не говорил?

Я вспомнил ведьму, как только открыл глаза. Удивительно, что я вообще забыл свою спасительницу.

Короче говоря, спать я не мог.

Мир за время моего отсутствия не изменился, так что, ожидать, что я по счастливой случайности встречу ведьму на улице, было нельзя.

Ночью, двадцатого марта, я на цыпочках собрался и вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь. Закрывать замок на ключ, стало бы фатальной ошибкой

разоблачения моего плана.

Насладившись весенним воздухом возле родного подъезда, я направился к аптеке, где оказался в первые секунды своего потустороннего пребывания.

Заглянув в окна, и удостоверившись, что Машки в здании нет, отправился к её дому. Вместо неё, в аптеке стояла весьма полноватая особа в наушниках и пританцовывала под музыку. Протарабанив в дверь минут тридцать, и схватив пару проклятий от соседей, я отправился теперь в последнее место, где мог её хотя бы... Мельком увидеть.

Рука аккуратно дотронулась до знакомых прутьев ворот призрачного парка. Они с скрипом отворились.

Сделав пару шагов, я прогнал слёзы с глаз.

Аккуратно настигнув лавку деда Макара, поднял голову к чистому небу. Луна приветливо меня освещала.

Улыбнувшись, я закусил губу, пытаясь не расплакаться.

— Оть, Томка, посмотри на него! — услышал я позади — И ведь не чураться, паразит, на чужих местах, нюни разводить!

В нос проник знакомый аромат гнили, я подскочил с скамьи, как ошпаренный.

— Дед Макар?! — выкрикнул я — Баб Тома! Вы ожили или я помер?! — испугавшись, выпалил я.

— А поди — кый, и то — и то! — привычно стебал Макар — Вернулси? Не получилось что ль дело — то закончить?

— Да погодь, оглашенный! — Баб Тамара ловко зарядила клюкой по заднице деда — Не чуеть что ль? Живой он!

Я неловко улыбнулся. Дед Макар принюхался:

— Ой, етить твою за ногу! А надушился — то, своими туалетными водами, будто помер! Фу — тый! — причитал он, потирая нос — А Манютка — то где? — дедок осмотрел с надеждой пространство за мной.

Глупая улыбка быстро сползла с моего лица. Я молчал.

— Говори. — почуяв неладное, скомандовал Макар.

— Последнее, что я видел, как Морана её забирает. — стыдливо выдал я.

Дедок потупил взгляд. Сложив руки за спиной, медленно похромал ко мне.

Взглянув в мои глаза, тихо промолвил:

— Надо спасать.

Я непонимающе его осмотрел.

— Как? Бороться с Богиней смерти? Самой смертью?

Дедок недовольно цокнул:

— Было бы желание, способы — то найдутся. — он аккуратно вытащил из — за пазухи обломок какого — то ржавого металла — То серп её. — объяснил Макар, всовывая мне деталь.

Я с удивлением принял предмет и с ужасом осознал, что чувствую его шершавость и холодок, которым от него веет.

— Как ты, старый, мне призрачную вещь — то всунул? Как умудрился?

Макар лукаво улыбнулся:

— Было бы желание, — повторил он — а способы — то найдутся.

Морана недовольно отстукивала ритм, глядя на истекающую кровью преемницу. Они

моментально вернулись в терем. Двери Старшая быстро заперла, окна затворила. Наложила заклятие, чтоб никто не вошёл и не вышел.

— Идиотка! — высказала Морана — Совершенная дура! И ради кого? Ради чёртового прототипа бывшего!

Машка нахмурилась, стараясь расслышать и не издать очередной вопль от боли.

— Прототипа? — слабо переспросила она.

Старшая усмехнулась.

— Так, ты не знала? Твоему Эдику досталась только тушка твоего суженного, а душа перешла в его друга, Александра Лурозного.

Мария округлила глаза:

— Я в сотый раз повторяю, люди не меняются. Что он в этой жизни изменил, этот Александр? Изменил тебе! А не мир!

Маня неожиданно расплылась в счастливой улыбке, бледнея всё больше.

— Пусть и не меняются, но рождаются новые. Не обязательно злиться на весь свет из — за одного человека, лучше поблагодарить за нового. За новую попытку сделать ещё один верный шаг. Заново попробовать... — Она прервалась, боль пронизала с каждой секундой всё больше.

— Наивная девчонка. — Седоволосая закатила глаза — Я дарю тебе новый шанс, но на сей раз, ты будешь беспрекословно меня слушать. — она потянулась к ране преемницы. Та попыталась отодвинуться, ясно давая понять, что отказывается от таких условий.

— Слейся со мной, Морана. Богиня Смерти и зимы. — теряя сознание, умоляла Машку — Это твой шанс на новое начало.

Женщина нахмурилась и сцепила руки на груди. Заметив, как девушка прерывисто кашляет кровью, богиня надула губы.

— Побери тебя человек! — выкрикнула женщина и рывком дотронулась до леденеющего лба Мары.

Терем осветила яркая вспышка.

Предисловие Второе

И вдобавок ко всему, единственным местом, куда я хотел оформлять своё присутствие в последнее время, стал призрачный парк, расположившийся на окраине города «У».

Сам парк не был выделяющимся. Более того, городские власти и вовсе, кажется, забыли про этот тихий островок с мёртвыми душами, оставляя лишнее место для раздолья подростков и алкашей. Нередко, я встречал новых призраков при входе, и приглашая их внутрь, давал надежду на «отпущение» грехов и успокоение.

Пару раз я звал и свою компанию прогуляться по пустующей аллее. Жена Ваньки, кажется, заметила однажды ужасный запах гнили на одной из лавочек, и более, мои сердобольные до чистоты, друзья, в парке не появлялись.

— Чё ты там делаешь вообще? — психовал Ваню, открывая переднюю дверь машины.

Я улыбался и пожимал плечами, как же тут расскажешь, что после воскрешения, способность видеть полудохлых артистов, стала моей отрадой, а не проклятием. Ведь упустить узнать у мертвяков про богиню смерти...

Я даже представить себе не мог, что было бы, если бы призраков я не видел. Наверное, сошёл бы с ума и лёг бы в психушку.

Удивительно, кто — то ложится в психушку, потому что, не хочет видеть призраков, а я лёг бы, потому что, именно бы хотел. О, как. Ирония судьбы или с новой жизнью, так

сказать.

А почему я видел их их...

Наверное, грань с смертью и жизнью, все дела. Спроси у того, кто в курсе, читатель.

Почему я один Машку помнил?

Ну, тут, я тебе наверняка отвечу. Помнишь момент, когда она мне показала всю свою жизнь? Вот тогда — то и сказала, что шанса забыть у меня не будет, видно, чародейство сработало в обратную сторону от желаний Старшей. Реверсивное колдовство, чес слово. Хотела, чтоб все забыли, а я тут: "Хобана, нюхай бебру".

Почему виню её во всех грехах?

Спроси у того, кто в курсе, читатель. У себя.

Сказать, что я жду в парке Машку, означает привлечь к себе массу вопросов: кто такая? почему?

Не один из моих товарищей ведьму не помнил. Как не помнили и ритуал, и сам вечер, когда Мара (теперь я всё больше называю её так), решилась восстать против своей наставницы. Они упорно твердили, что решили порыбачить на том берегу, чтобы заглушить свою боль от моей утраты. Даже то, как прибирались, они позабыли. Сошлись на том, что сильно ужрались.

Часто меня можно было увидеть сидящим весенним вечером, вместе с сестрой, под старым дряхлым дубом, где первый раз, я увидел, как Мара «прикопала» мою сотню. Каждый раз, я ловил приступы ностальгии, таращась в место, уже заросшее новой травой.

— Ты тут сам не свой. — отрывая взгляд от телефона, будила меня Маринка — Сидишь, пялишься в одну точку, думаешь о чём — то. Дома ты другой.

Я лишь кивал и устремлял взгляд к голубому небу, что красиво освещало пробуждающуюся местность.

Сестрёнка не выдерживала долго сидеть в тишине, и удовлетворив свою потребность «побыть вместе», убежала гулять с друзьями.

— Ты во сколько домой? — отряхивая джинсы, интересовалась она.

— Часов в одиннадцать, не раньше. — разглядывая проявляющиеся облака, отвечал я.

— Скажи маме, что я с тобой. Я к 22:50 буду возле подъезда, хорошо?

Усмехаясь, я кивнул. Сестрёнка, чмокнув меня в щёку, сорвалась с места и рванула прочь.

Дождавшись, пока Маринка скроется, я достал обломок от серпа Мораны и пристально его рассмотрел.

Обычный обломок, чего в нём важного?

— Главное, не вид, сынок. — присаживаясь рядом со мной, напомнил Макар — Главное, свойства.

Кивнув, я поднёс вещицу поближе. На солнце теперь блеснули какие — то символы, напоминающие древнеславянский алфавит.

— Отдай. — донеслось спереди. Поднимаю взгляд.

Передо мной, в чёрной блузке по горло и в синих джинсах на высокой талии, стояла моя седоволосая ведьма. Волосы были аккуратно собраны в тугий пучок, совершенно ей несвойственный. С ушей свисали длиннющие серёжки из декоративных черепов. На груди красиво расположился кулон с косой. Она осматривала меня обиженным взглядом, не решаясь сделать шаг навстречу.

Я подскочил, отряхивая штаны:

— Мара! — вырвалось у меня.

— Машенька! — подхватил Макар.

Я помог деду подняться, и он тут же двинулся в сторону сестры, привлекая на себя отчуждённый взгляд.

— Что за вольности мёртвых? — привычно выгибая бровь, спрашивала подруга — Чего вам? Верните серп, и я, так и быть, дам вам пропуск через «Сморородину».

Я удивлённо всматривался в ведьму.

— Не помнишь меня? — тихим голосом, спросил Макар. Со спины мне показалось, что в нём что — то надломилось, потому, как привычное положение «круассана», теперь стало меняться на привычную осанку Мары.

— С чего мне тебя помнить?

Приехали, читатель. Я тебя поздравляю. Моя ведьма чокнулась.

Больше книг на сайте - Knigoed.net